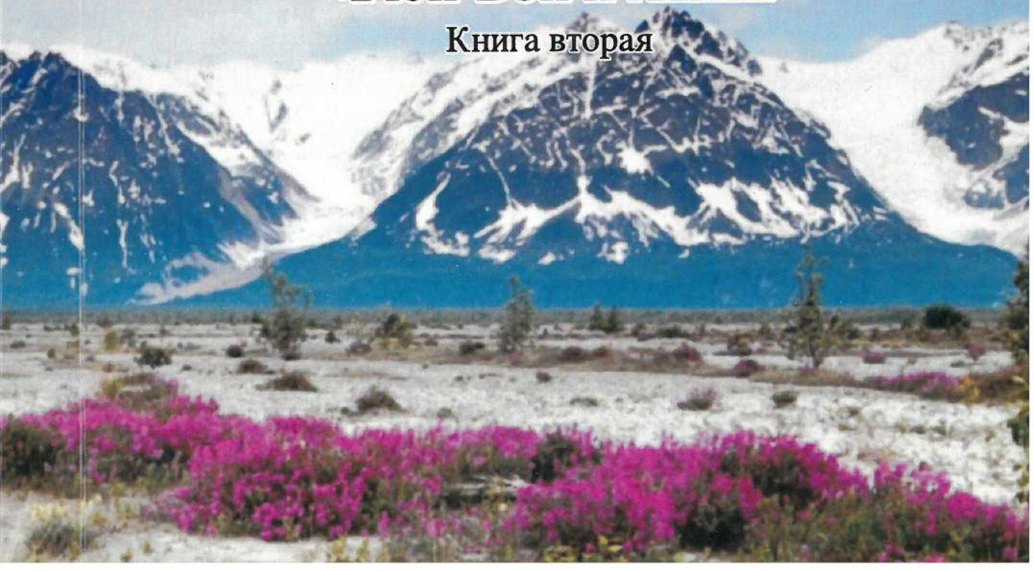

3535
6.43

М.А. Дурбайло (Куюмжу)

**«Лебеди несут письмо»
«Гюн-Вэй и Ашин»**

Книга вторая

М. А. Дурбаіто
Ледені кескі нисары
Кымыс 2012

М. А. Дурбайло (Куюмжу)

*«И лебеди на крыльях несут
весть от героя в заточении».
(Из огузского эпоса)*

Книга вторая

**«Лебеди несут письмо».
«Гюн-Вэй и Ашин»**

(историко-фантастический роман)

Ураине
Филипповне
от автора

Кишинев
2012

CZU 821.512.165(478)-311.6

Д 84

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Дурбайло, М. А. (Куюмжу)

“Лебеди несут письмо”. “Огуз-Картал и его люди”: (историко-фантастический роман) / М. А. Дурбайло (Куюмжу).

Кишинэу: “Asomed plus”, 2012.

ISBN 978-9975-9989-8-7.

Кн. вторая. - 2012. - 200 р.

100 эк.

ISBN 978-9975-4196-1-1.

---1. Literatură în limba găgăuză din Republica Moldova -

Romane (rusă)

821.512.165(478)-311.6

Д 84

Редактор: Дурбайло М. А. (Куюмжу)

ISBN 978-9975-4196-1-1.

«Историк всему указать место должен».

(Н. М. Карамзин. История
государства Российского.

Т. I, стр. 19. М., 1989).

Содержание

От автора	5
Глава I Поход Гюн-Вэй за Солнцем	14
1 часть. Что стало с Великим ШАО	14
2 часть. Первые страхи	18
3 часть. О чем рассказал странник	26
4 часть. Лебеди несут весть в селение	30
5 часть. Ашин и обитатели Тени Великой Стены. Дэв-Строитель	35
6 часть. У Дэва горе	38
7 часть. У Дэва первые радости	44
8 часть. Ашин собирает союз племен под Знамя Золотого Волка	48
9 часть. Ашин у Искандера. Учения войск Александра Македонского	54
10 часть. Что произошло в отсутствие Ашина	60
11 часть. Особые конструкции «Номос-О»	64
Глава II	
12 часть. Враг не дремлет: захват земель Ашина. Переход «Туг-ю» в Южную Сибирь	68
13 часть. Переход в Пазарык. Встреча с монголами.	77
14 часть. Гунны и неизведанные народы Южной Сибири	83
15 часть. Ашин и его отряд терпят бедствие. Новые народы	88
16 часть. В долине Пазарька	97
17 часть. Переговоры с Сурнаем. Возвращение Ашина в долину Турникол	105
18 часть. Тыгыр и Гюн-Вэй – дипломаты	108

19 часть. Пазарыкский наместник и его соседи	113
20 часть. Приезд Тыгыра. Русская дипломатия у Гюн-Вэя	119
21 часть. Русь и Гюн-Вэй. Ашин и его думы	126
22 часть. Общая беда	135
23 часть. «Ты грубый, не ходи...»	143
Глава III	
24 часть. Ахмад Ибн Фадлан и Кударкин	148
25 часть. «Грязные всегда мстят чистым»	152
26 часть. Дань женщинами... ..	156
27 часть. Небесные кони, Орлы, Турнигтол. Уход Ашина	164
Глава IV Эпилог	
28 часть. Совет Мудрецов в Институте Древних Цивилизаций ...	171
29 часть. Приезд Айрана в институт Древних Цивилизаций. Тайна старой тетради	174
30 часть. Айран в Башкенте. Ранение Небесного Огузбаша	182
31 часть. Алена в экстриме	187
32 часть. Нектар воспоминаний. Генеалогия Айрана	194
33 часть. Смерть Огузбаша и его похороны	198

Лебеди несут письмо...

От автора

(II книга)

Замысел этой части повествования возник на основе исторического прошлого, одного очень необоснованного прозвища «Гунн-турок».

Как-то среди базарной толпы хозяин большой кучи арбузов херсонского сорта схватил мальчугана на месте «преступления». Оказывается, тот выхватил небольшой, треснувший арбуз из отходов. Черноволосый мальчуган, отбиваясь от волосатых рук хозяина, уронил добычу на землю. Полились ручейки ароматного арбузного сока в пыль... А хозяин, мрачно ругаясь, обзывал малюго: «Ты – проклятое семя гунна, а то может и тюрка, ты обязан мне за это отработать, а не то...». Малый сел на пыльную дорогу и ответил хозяину: «А ты – верзила, тоже не взращивал и не поливал бахчу, не сеял, не пахал, а имеешь..., так кто из нас гунн или турок?»

Эта сцена происходила в очень далекое время, когда на земле еще жили гунны, тюрки, славянские витязи и бояре...

И в тот момент, когда хозяин собрался мальчишку наказать, мимо проходил ладно одетый и при доспехах витязь. Он был из охраны князя и, услышав все это, решил пацану помочь. Ему стало стыдно за ругательства в адрес мальчишка и он отвел его в сторону, а хозяину кинул монетку.

По дороге домой витязь рассказал пацану, что он лично знаком с гуннами и даже тюрками и, что они вовсе не такие,

как думает хозяин. Гунны есть оседлые на земле, но есть и охотники. Ему пришлось даже ходить на кабана с ними. Это – охотники, воины, а что касается их кочевий, то это – пастухи овец и коней, для которых постоянно надо менять место пастбищ, иначе огромное стадо не прокормить на одном месте. Это – сильные, хорошо обученные воины-пастухи, охотники, земледельцы и садоводы. И если им надо защитить свои земли и границы от жадных соседей, то они становятся действительно свирепыми, напоминая тигров, львов, лисиц и смелых орлов. Они просто так никому не причиняют зла. А вот к лебедям у них особое отношение, потому что мудрые птицы часто им служат вестниками...

Часть I

Гунны и птицы.

Лебеди, орлы, горлицы в их повседневной жизни...

Об этих и других сюжетах и мотивах из жизни гунно-тюркских народов мы и решились рассказать в виде гипербола-фантастического приема, как инструмента изображения персонажей романа. Мы основывались на исторических реалиях и истоках этнографических образов эпических сказаний этих народов.

Действительно, зачем же вклинивать прием фантастики, коль есть реалии? Простое объяснение истекает из того, что описываемые нами события происходили в далеком историческом прошлом, свидетели которого не сохранились, но сохранились археологические ценности эпохи бронзы.

Только благодаря фантастике мы можем заглянуть в основу быта и семьи, стремления любить и быть любимым

в гунно-тюркской племенной среде этой эпохи.

Гунны и тюрки, китайцы и монголы – всегда были окружены тайной завесой для нас и для тех, кто жил рядом в ту эпоху.

О них мы слышали больше плохого, о их жестокостях говорит всякий кто мало-мальски наслышан о древних восточных цивилизациях. Что же здесь фантастического? Почти ничего, смотря, что понимать под фантастикой, а тем более исторической.

Каждый герой, персонаж романа, его поступки когда-то и где-то имели место и в реальной действительности. Разве забыты бородатые, лохматые скифы, укрощающие степных коней? А полет огромных орлов, которые, будучи воспитаны в духе преданности человеку, становились помощниками в боях и походах гуннов. Все это граничит с фантастикой. Но и лебеди могли быть полезными человеку. Они могли нести «письмо»? Оказывается, могут нести не только письмо, но и быть советчиками человеку.

Вот такая нежная фантастика пронизывает полотно этого романа о жизни в эпоху далекой бронзы.

Но вернемся к тому мальчику. И этот симпатичный, обиженный всеми мальчик на базарной пыльной площади, со слезами на глазах, в знойный полдень, потерявший всякую надежду утолить жажду ароматным арбузом, вдруг сел прямо в пыль и медленно заснул...

Но витязь разбудил его и повел с собой к старому мудрому летописцу, который и рассказал ему боевую историю тех самых гуннов, которыми торговец обругал мальчугана.

Часть II

Этапы гуннского этноса и их отношение к тюркам

Кто такие гунны и их очень краткая история, которая частично огазилась в романе? Кто такие Ашин и Гюн-Вэй, в честь которых названа вторая книга романа? Эти вопросы возникли в связи с тем, что ученые давно обратили взоры к тюркскому миру. В результате этих исследований появились труды по тюркологии¹, в частности, по проблемам этногенеза тюрков. Среди тезисов по этому вопросу была высказана и мысль о том, что начало тюркскому этногенезу было заложено походом Ашина в южно-русские и алтайские регионы со своими отрядами². Но в период становления Ашинского племенного союза гунны были той силой, вокруг которой концентрировались тюркоязычные племена. Именно им обязана тюркизация остальных сопредельных народов. Однако и гунны, как этническое ядро племенного союза, сложились не сразу. Этому периоду и были посвящены исследования А. Н. Бернштама³ и других историков Востока.

Под воздействием законов социально-общественных явлений в эволюции человечества везде наблюдается образование «Союза родственных племен, которые становятся необходимостью» (А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. Стр. 12). Объединение в союз диктовалось множеством причин, но главная из них была заложена в китайско-иноплеменных отношениях, которые не всегда были мирными. И, тем не менее, китайская сторона в судьбе «иноплеменных народов» сыграла значительную роль. В чем она заключалась? Думается, что

1 Более подробный список трудов по этой проблеме дан в нашей монографии «Ранняя история гагаузов» (в рукописи, которая хранится в архиве автора).

2 Об этом подробно сказано в нашей вышеназванной монографии.

3 А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

необходимо посвятить отдельное исследование, поскольку китайские источники имеют отношение к истории гуннов, выхода из их среды тюркоязычных племен Ашина. Эта цепь этно-исторических эволюционных путей, в том числе и династических, имеет отношение к Кангюю¹⁻². О этом можно было бы и не упоминать, если бы этногенетические корни героев романа не были бы связаны с Кангюем (по нашей версии согласно выводам монографии).

Что же представлял собой тот союз гунно-тюркских племен, о которых мы пишем в романе?

Развитие этнокультурных регионов не мыслится без «наличия „гех”-а или „basiLeus”-а» (Бернштам, стр. 12), которому суждено выполнять роль «военачальника при народном собрании» (там же). Такая система управления носит характер «военно-демократического объединения» (Там же, стр. 13).

Такими лидерами в романе являются Ашин, Гюн-Вэй, Дэв-Строитель, которых может при необходимости заменить любой воин, обладающий чертами характера «волка, лисицы, орла, тигра, льва». Этим качествам и боевым навыкам придавалось особое значение в тюркском обществе (по Р. С. Липец). Тем более, что в «военно-демократическое объединение так называемых «варварских племен» входили такие племена, как гуньчжу (район Ганьсу), гуаньжун, дивань; в Ордосе – инюй, лэфань, в Манчжурии – дуньху, жынъжун» (А. Н. Бернштам, стр. 26). Именно эти и другие племена кочевых народов окружали Китай в VI-V вв. Именно они наступают на Китай и строят поблизости укрепления, сходные с «городами» - ЧЭН. Китайская правительница Сюаньтайхэу вступает в брак с одним из предводителей гуннов (Бернштам, стр. 26). Однако

1 См. в приложении «Карта Центральной и Средней Азии в период «троесарствия» в III-IV вв. н. э.» (Китайская карта XVIII в. Там же, стр. 226).

2 Династии китайских шаньюев, откуда начинаются династии гуннов. (Там же, стр. 223, 225).

брак еще не означал, что кочевники утомонились. И в 307 году до н. э. китайский полководец Улян развивает племя линьжу и лэуфань и начинает от Иньшанэ строительство «Великой Китайской Стены». Этим самым заканчивается первый период раздела кочевников и земледельцев, тянувшийся тысячелетие. Начинается объединение Китая при династии Цинь. Но и у кочевников идет процесс объединения в военно-демократический союз. «Племена жун играют здесь господствующее положение, поэтому с этнонимом жун явно связано и название племенного союза Центральной Азии – «гунны» (Бернштам, стр. 26)

Началось движение гуннов от стен Китая на центральноазиатские земли, а впоследствии и на Кангюй. Постепенно эти племена, смешавшись с местными, эфталитами, скифами стали оседать и создавать культуру, которая стала известна как культура «звериного стиля». Все это подготовило почву для сложения и укрепления тюркского племенного союза (стр. 17).

Однако мирные отношения гуннов с Китаем часто прерываются обоюдными претензиями с целью захвата пленников, скота и золота. Так в 166 году гунны совершили поход на Китай (стр. 68). В результате этого похода было захвачено «великое множество народа, скота, имущества, заключен мирный договор на основе «мира и родства».

На историческую арену выходит смелый сын Цзиюя (161 год до н. э.) Гюньчень. В его правление между гуннами и Китаем развиваются мирные и торговые взаимоотношения, которые были прерваны китайским императором Вуди в 140 г. А Вэйцин разбил гуннов и отвоевал Ордос. Вынесли огромную добычу, скот, людей. В Китае начали строить каналы для орошения полей с помощью рабов (Бернштам, стр. 69).

Вот несколько этапов развития династий: Шаньюев Увэй (114-105 г. до н. э.), Ушулу (105-102 г. до н. э.), Гуйлижу

(102-101 г. до н. э. – усиление мирных отношений).

Река Орхон называлась Хуннухэ, а от Тяньшаня (Небесные Горы) можно было зайти с востока и попасть в Семиречье, по дороге встречается река Ганьвэй (Енисей) и ее притоки, а на Орхоне находилась ставка гуннских шаньюев (А.Н. Бернштам, стр. 110). «Белые гуны» (эфталиты) из династии Вэй (VI-VII вв.).

Поэтому имена героев и персонажей нашего романа исторически оправданы, хотя мы не претендуем на точные даты, исторические имена, географические названия, этнонимы, топонимы и т. д. Но это не значит, что все вымышлено.

Ашин – историческое лицо, Гюн-Вэй и другие имена – полуисторические, с художественным вымыслом.

Русские исторические деятели зафиксированы в исторических документах и летописях¹.

Возможно, что фантастичны образы птиц, коней, животных. Но разве трудно воспитать лебедей, орлов, коней, собак? Ведь среди животных есть особи очень мудрые и легко поддающиеся воспитанию по гуманной системе, а не жесткими мерами для жестоких актов.

Могли ли лебеди нести весть герою, заточенному в неволе? Народная мудрость в образе лебедя видит целую систему в метафоре. Лебедь – символ любви, верности, мудрости, спокойствия, силы и грациозности. Самое чистое и прекрасное выражают образом лебедя, и вообще птицей.

Во второй части (книги) романа освещен путь исторических деятелей тюркского каганата Ашина, Кумана, Берендея, Кури, русских воевод – Изяслава, Святослава, Нестора, Никифора и многих других половецких, печенежских и русских деятелей IX-XII вв. О них пишет

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. II-III. М., 1991.

великий историк Н. М. Карамзин в работе «История государства Российского».

Рядом с ними были весьма активные тюркские витязи, имена которых забыты и о них никто и нигде не упоминает, но они были и без них не мыслима деятельность главных исторических деятелей: Ашина и его команды. К неизвестным героям относится Гюн-Вэй, Тыгыр-Таг, Тарги-Тай, Канк-Сан и другие персонажи.

О том, что были тесные торговые, культурные, военно-политические контакты тюркского мира с русскими, персами, греками, римлянами, государством Кангюйского каганата, сейчас никто не сомневается. И, что эти контакты имели весьма глубокие корни и результаты, также не вызывает сомнений.

Фантастичны замыслы одного из мифических персонажей Дэва-Строителя. Этот персонаж не демон, не оборотень, он – носитель имени Гераклидов. Вспомните действия Геракла. Преемственность в том, что греческая мифология на эпическое мышление тюрков также наложила отпечаток.

Фантастичны кони, масть которых определяется термином Небесный, что значит «көк». В цветосимволизме тюрков сине-голубой, сине-серый (небесный) цвет был весьма ценен и уважаем. Целый народ, в том числе тюрки Ашина, называл себя почтительным «көк»-тюрк.

Весьма символичны образы монголов, скифо-сако-массагетских народов. В отличие от ашинских тюрков они действительно не стриглись и не брились, потому ашинцы их и называют «лохматыми».

Есть образы с весьма комичными чертами. К таким относятся Кударкин, Сурнай, который обитает в «домике с тремя окошечками» - могильнике. О таких домиках упоминает Ибн Фадлан, а при раскопках могильников Пазарыка, Ноин-Луны их обнаружила и экспедиция С. П. Руденко. Нам кажется, что фантастично, когда один из

персонажей говорит «Он вошел в рай» после того, как его отца посадили на лошадиную шкуру и похоронили в «домике с тремя окошечками» (по наблюдениям Ахмада Ибн Фадлана). Но для эпическо-образного мышления тюрок IX-XII веков это представлялось вполне реальным актом, считалось, видимо, что «смерть тоже рай», наслаждение.

Тем не менее, главному герою романа Айрану удалось через диспут Мудрецов Института Древних Цивилизаций узнать о своих далеких этнических предках. Он – потомок Гюн-Вэя, они во всем похожи, - характере, облике, умении сохранять мужское достоинство и гордо нести это высокое звание. Он хороший муж, отец, воспитатель детей и самое характерное для него – это любовь к природе, к своему коню (так же Небесного происхождения (масти) с кличкой Огузбаш), он страстно любит Алену.

Преимственность генофонда и сохранность самых высоких материй через характеры персонажей, их поступки, идеалы воплощает в себе образ Айрана, Алены, персонажей села – коллектива.

Главная наша задача заключалась именно в том, чтобы показать, что нет народа без этнических корней, без прошлых идеалов, без борьбы за справедливость и законность. У такого народа всегда есть свои герои и персонажи с героическим полетом фантазии.

С добрыми пожеланиями читателям, *автор.*

Глава I

ПОХОД ГЮН-ВЭЯ ЗА СОЛНЦЕМ

Часть I

Великий ШАО

Северо-Восточная окраина Китая. Горы Желтой и Красной Змеи. Внизу у подножия селение, где живут охотники, рыболовы, земледельцы. Раннее утро. С вершин гор показались первые лучи солнца. Местные обитатели его называют просто ШАО...

Недалеко от пропасти, под цветущим персиком лежит юноша. В ответ на нежные горные звуки он просто садится на коврик и, наигрывая на свирели, поет нежным сердечным голосом:

«О, Красная Заря!
Стань девой юной.
И нежной для меня,
Иди тропой горной,
Серебром звезд звеня»

Он медленно закрыл глаза и как бы задремал. До него доносятся звуки гор, запахи горного пейзажа. Вот слышен голос затерявшегося ягненка, а вот в листве засвистел соловей, у белого цветка что-то шепчет птичка, к ней летит шмель, пчела спешит куда-то. Но вот и совсем новый незнакомый голос, и звук чего-то шелестящегося, как будто чешуя змеи трется о камни, но очень похож и на шум ветра в сухих былинках.

Юноше очень приятно от всей этой горной гармонии и он медленно засыпает. Шелест шелка теперь мягко ласкает его слух где-то рядом. Будоражит его воображение, он готов поверить, что это только сказка, но в то же время он верит

что это – живая душа. Да, да, живая душа той, которую он только что звал. Ну что же здесь фантастического? Живая душа той или того (существа) не важно, главное шелест шелка говорит о том, что где-то близко хозяин шелка...

Улыбнувшись, он ждет еще чего-нибудь, какого-нибудь сюрприза от гор.

Неожиданно что-то мягкое коснулось его лица, и он вздрогнул. Затем он услышал голос, как будто рядом:

- Эй, не спи! Проснись, ты уже на краю пропасти! Проснись! Отодвинься, можешь упасть.

Юноша знал, что он не на краю пропасти. Не совсем на краю. Там, внизу есть еще выступ, где любят греться в ожидании матери козлята диких коз. Он любил этих животных, иногда в его загон попадались дикие дойные козы, и он с них надаивал в мех молока для малышей. Приносил в свое жилище, где его ждали соседские малыши и старые женщины.

Но сейчас он терпеливо ждал восхода солнца. Лежа на мягкой зеленой траве, он не встал на голос, дремал и ждал солнце.

Но голос повторился, предупреждение было еще более грозным...

- Эй, проснись, упадешь вниз...

Но на этот раз, как показалось юноше, людей было двое, говорили две девушки, Одна обратилась к другой:

- Ах, Красная Змея, ты, что знаешь его?

- Нет, Желтая Змея. Но я видела его здесь недавно: он доил коз, поил диких козлят, а затем взял да перепрыгнул на другой край пропасти. Однажды видела его на выступе горы Горбатый Баран.

- Каким образом он там оказался?

- Да вдоль карниза шел, упираясь спиной к скале. И вдруг с легкостью перепрыгнул на другую сторону.

- Ну да, тебе, наверное, показалось. Он же всего лишь

дителя женщины. Не дикий же орел или козел...

Юноша прислушался к голосам. Это о нем говорили. Действительно, он перепрыгнул, но с помощью шеста. И он медленно открыл глаза. Под цветущим персиком сидели две красивые девушки из китайско-эфталитского рода Тыгыр-Тага. Он их тоже где-то видел. Но особенно не восхитился их цветущей красотой...

Солнца еще не было на горизонте, но пучок золотисто-желтых озорных лучей висел на горизонте, как узел блестящих нитей. И не удивительно, что этот пучок отразился и на расшитых золотом накидках девушек. Чтобы не напугать их, он снова закрыл глаза.

Вдруг снизу из долины раздался голос: «Гюн-Вэй! Гюн-Вэй, спустись к нам, дело есть!»

Юноша открыл глаза, но девушек уже не было. Не было их и под деревом. Он удивился, что те так же внезапно исчезли с шелестом накидок, и стал спускаться вниз к чабанам.

Через несколько выступов он оказался в долине у загона для овец.

Он оглянулся назад, надеясь увидеть девушек на краю пропасти. И увидел их снова, но уже в одеянии. Одна была в желтой накидке, головной убор украшен синими камнями, а другая в красной накидке в головном уборе, украшенном изумрудами.

Мужчины засмеялись, и один из них сказал юноше: «Эй, Гюн-Вэй, что так долго смотришь на них? Они же — змеи! Да, да, это змеи-богини этих гор».

Юноша засиял от счастья: вот уж чего не ожидал, так это увидеть живых богинь. И сказал в ответ:

- Вот как! Змеи, говорите. Но они по-людски добры и милы, чутки и жалостливы.

- С чего ты взял?

- Да, вот я лежал вон там, вроде бы и не опасно было,

а им показалось, что я на краю лежу. И они даже хотели оттянуть назад. Видимо, испугались за мою жизнь.

- Нет, нет, юноша, ты не слушай нас. Это мы пошутили. На самом деле это дочери соседнего князя Тыгыра.

- Ну и ладно. Пусть будут здоровыми. Зачем меня вызвали?

Мужчины переглянулись. Этот юноша ничего до сих пор не понял... и сказали:

- Гюн-Вэй, тебе там кроме девушек ничего подозрительного не показалось?

Мужчины переминались с ноги на ногу, вроде не решаясь ничего сказать. Небритые щеки и длинные волосы отгалкивали своим видом. Но Гюн-Вэй привык и к таким. И снова спросил:

- А что я должен был видеть?

Мужчина указал на вершину горы, где блестел пучок солнечных лучей:

- А вот, юноша, смотри, с каких пор мы ждем восхода солнца, а его все нет и нет. Только вот пучок и все, весь свет в нем. Может тебе там больше заметно было? Есть ли солнце вообще?

Тунг-хан посмотрел хмуρο и сказал:

- Надо бы съездить за этим пучком и найти причину задержки восхода солнца. Что мы стоим без ШАО? Так, что готовься в дорогу, Гюн-Вэй.

- Как можно найти пути-дороги ШАО? Что я мог заметить! Я лежал с закрытыми глазами. Но слышал только шелест листьев, журчание воды, пение птиц.

- А сейчас ты слышишь пение?

Все прислушались, Действительно, над долиной лежали синие в тумане сумерки и ни одного живого звука не было слышно.

Тунг-хан тоскливо и тревожно посмотрел на него. И сказал остальным:

GAGAUZ MILLI ARHIVI

No

3535

«CENTRUL DE CERCETĂRI
ȘTIINȚIFICE AL GAGAUZIEI»

НИЦ ГАГАУЗИИ
им. М.В. МАРУНЕВИЧ

- Проследите за отарами, как бы волки не напали, а мы подумаем что делать.

Гюн-Вэй уже хотел уходить, как девичий голос сверху крикнул:

- Эй, юноша, ты свою свирель забыл.

- Оставьте себе, - сказал юноша.

- Эй, мальчик, мы идем к тебе, мы не умеем играть. На, возьми свирель свою...

Гюн-Вэй смутился, ему неловко было перед мужчинами. Тут чуть ли не всеобщее горе, а он свирелью увлекся. Мужчины же подняли дружный хохот: вот пастух, только не хватает овец, собак, загона и вообще, хотя бы «кола да двора» не мешало бы иметь.

Юноша же остался серьезным: «Неужели эти люди настолько огрубели, что уже и звуки свирели не воспринимают...» Тогда ни шелеста листьев, ни журчания ручья, ни ароматов цветов не слышат, не нюхают, не различают. А траву топчут так, что даже фиалок не видят, давят всех и вся! Но его размышления снова прервал Тунгхан. Он здесь был старшим и руководил в селении всем укладом жизни и быта. На груди у хана висел на цепочке золотой грифон: львиный орлан с распростертыми крыльями. В цепких когтях согнулся заяц. Хан этим знаком различия очень гордился и думал, что внушает страх и подчинение остальным.

Юноша же думал о нем иначе. Имел он грозный и дикий вид, и наверное тоже очень грубый в душе и в нраве, и топчет нежные фиалки среди трав. Несмотря на все это, он вежливо спросил хана: «Что ты думал мне поручить, что я должен буду там увидеть? Разве я отвечаю за Солнце?»

Хан, позванивая бронзовой цепочкой и золотой медалью, сказал:

- Гюн-Вэй! Ты самый близкий родственник ШАО. Догони эти лучи и найди причину задержки ШАО. Мы

очень просим тебя!

Гюн-Вэй засмеялся так громко, что эхо отдалось в горах. Но сказал:

- Так что с того, что я родственник ШАО. Оно знает свой ритм, путь, время восхода, захода. Может оно уже вот-вот взойдет. Подождем еще...

- Оно давно должно было взойти, а вот его до сих пор нет. Уже время для кормления и дойки животных, а тут темно и ничего не видно! - сказал хан.

Часть 2

Первые страхи...

Тунч-хан тяжело опустился на валун. Отовсюду уже доносились тоскливые и тревожные голоса, блеяние козлят, ягнят, тоскливое завывание собак, крики погонщиков ослов и лошадей. Растерянность предавалась от одной отары к другой, от селения к селению. Все встревожились в ожидании солнца, но темно и сумрачно было не от того, что пасмурно и облачно, а просто от того, что солнце не всходило. Его вообще не было.

Недалеко от Тунч-хана Гюн-Вэй стал собирать свои вещи. Несколько мужчин опустились на колени, возвели руки к небу, и умоляя недвижимое ШАО, стали читать молитву:

«О, Великий ШАО,
Не покидай нас.
Мы дети твои от земли,
Мы дети твои от реки,
Как отца родного ждем
И нас грешных ты пощади!»

Гюн-Вэй с недоумением смотрел на молящихся.

Разглядывая их небритые лица и волосы на плечах, он сравнивал их с дикой природой и горами, которые остаются всегда неприступными. Небо оставалось чистым, без звезд и только западный небосклон был светлее, чем восточная сторона. Действительно, ничего не обещало рассвета, хотя давно он должен был быть над землей.

К юноше подошел молодой гунн, но уже женатый и с детьми. Он сказал юноше: «Гюн-Вэй, ты еще холост, нет у тебя детей и семьи. Надо тебе съездить и узнать, в чем дело. Почему до сих пор нет солнца. Мы погибнем без него».

Гюн-Вэй, поправляя черную шапку:

- Как ты это представляешь себе? Сколько дней надо ехать, чтобы узнать, когда взойдет солнце? Ты бы это сделал?

- Надо хотя бы подняться на ту грядку, - сказал тот.

Мужчины заголосили, одни вытирали слезы, другие, поправляя бараньи шапки, с надеждой смотрели на юношу.

- Сядь на белого коня, возьми еще и этого молодого отца, у него дети, надо узнать почему так долго солнце не показывается. Сделай милость, Гюн-Вэй! – заголосил Тунч-хан.

Юноша посмотрел на персиковое, в цветах, дерево. Там те две девушки помахали ему рукой. Одна крикнула:

- Юноша, возьмите и нас с собой. Правда, наши кони каурые, не небесного цвета, но они быстроногие такие же, как вон ваш небесный. Возьмите, мы поможем вам.

Мужчины переглянулись. Ну, уж, если княжны хотят знать судьбу ШАО, то, что может быть лучше. И Тунч-хан утвердительно махнул рукой:

- Пусть. Позови их. Они, видимо, тебя уже знают откуда-то, видимо ты привлек чем-то их внимание. Пусть, пусть едут их княжество под ШАО, пусть испросят Тенгри. Тенгри милостив, он всех любит, а вот ШАО ведет себя по-

своему. Позови их!

Гюн-Вэй сложил ладони лодочкой и крикнул:

- Эй, чего вы хотите?

Девушки, улыбаясь, сказали:

- Подожди нас, мы знаем дорогу туда. А еще, вот твоя свирель.

- Спуститесь и принесите.

- Не можем, поднимись к нам и помоги нам, - крикнули те в один голос.

Эхо в горах удвоилось и всем стало веселее в эти трагические минуты ожидания. В гуле голосов птиц, животных, людей, звонкие девичьи голоса показались живительным ручейком. Всех оживили и обнадежили. Мужчины знали миролюбивого и дружески настроенного ученого князя. Он был китайского происхождения, но к этим овцеводам он питал симпатию и дочерей воспитывал в духе дружбы и помощи.

Гюн-Вэй долго не думая, поднялся к персиковому дереву, но из-за отсутствия полного и яркого солнечного света кругом висели сумерки и было неудобно. Поравнявшись с девушками, он спросил их:

- Почему ШАО медлит? Что может ему препятствовать? Нам свет нужен.

- Это мы тоже хотим узнать.

- Тогда следуйте за мной, но очень осторожно. Во что вы обуты?

Он оглядел девушек с головы до ног. Их ноги были обуты в высокие деревянные сандалии, но крепко охваченные щиколотки ремешками обнадеживали. Он же был обут по-скотоводски: мягкие замшевые высокие чулки-сапоги, сшитые из кусочков овечьей, а может воловьей, кожи. Выглядел смешным своим невысоким ростом. Но княжен это не удивило. Они очень горячо хотели быть рядом с этим ловким юношей, который прыгал с вершины на

вершину...

Спустились медленно, в сумерках трудно было различать каменистую дорожку, но голоса животных слева и справа, как будто подсказывали куда идти, куда ступить. Молча преодолели последние ступеньки спуска. Здесь внизу было прохладно, в тумане то здесь, то там слышны были крики ранних птиц, но привычной трели жаворонка в небе не было. Было жутко и пасмурно вокруг, и даже молодые вскоре умолкли, девушки завернулись в свои плащи и стали похожи на коконы.

Тунг-хан посмотрел на молодых и, как будто ему стало чуть-чуть веселее в этой гнетущей утренней суматохе и мраке.

Вскоре на востоке, едва показавшись, луч света угас тихо и внезапно. Живая природа постепенно смолкла. Не стало обычной утренней, веселой степной жизни, умолкли голоса среди гор и холмов, среди травы в долине и даже ягнята перестали блять, уткнувшись в мягкое вымя дойных овец.

Но мужчины старались держаться смело и бодро, не показывали вида смятения и тяжелого духа перед молодыми. Тунг-хан обратился к Гюн-Вэю:

- Юноша, тебе следует выбрать коня вон из табуна и ехать в направлении первого луча ШАО. Узнай в чем дело. Вернись и расскажи увиденное и услышанное... Но сделай это очень быстро и проворно. А вы, - он указал девушкам и мужчинам, - сходите в село, успокойте людей и животных, не может быть, чтобы Великий ШАО покинул нас навсегда.

Девушки переглянулись и стали протестовать:

- Нет, нет, мы с ним, может быть, мы еще ему чем-то поможем.

- Да по пути зайдем к моему отцу, - сказала девушка в красной накидке с изумрудами.

Гюн-Вэй отошел от мужчин и направился к табуну лошадей. Во мраке мелькали тени конников.

Табун настороженно встретил своего любимца Гюн-Вэя. Но когда он подошел к серому в яблоках на крупе коню, табун сорвался с места. Как будто не было опасности пропасти или болота поблизости. Но Небесный (Гёк) сорвался за табуном и ускорив бег догнал и встал впереди испуганных лошадей. Табун понял: он дальше никого не пропустит. Громкое ржание, топот мощных копыт, отплясывание и взмах мощного и роскошного хвоста, говорили о том, что в табуне хозяин он – Небесный (Гёк).

Гюн-Вэй догнал животных, выбрал ту лошадь, которую он как бы отпросил у небесного; по всему видно было, что жеребец не протестует: почти старая кобыла годна была разве что для перехода на дальнейшее расстояние. Но юноша выбрал еще двух смирных кобылиц и для девушек. Подвел одну лошадь, а за ней шли и те, выбранные, медленно, понуро, храпом и ржанием оповещая о своем прибытии.

Мужчины переглянулись: далеко ли собрался юноша на этих лошадях? Гюн-Вэй подвел к девушкам тех двух, которые шли сзади него, но, судя по выражению лиц девушек, юноша понял, что лошади им не понравились. И вслух сказал:

- Сами пожелали ехать верхом со мной. Мое-то желание что? Я на любых смогу ехать, а вы, как хотите!

Девушки переглянулись и почти одновременно сказали:

- Мы тоже, так как тебе. Мы едем, хоть на чем-нибудь. Хоть на ком-нибудь.

- Ну что ж, нет особых забот, тогда садитесь. Сами взберетесь или помочь? – сказал юноша.

- Нет, мы сами.

И во мраке юноша даже не заметил, как девушки оказались на каурых, невысокого роста, лошадях дикой степи.

Мужчины были заняты отарой овец, и им не до молодежи было. Воспользовавшись свободой, Гюн-Вэй сказал всадникам:

- Поднимемся сначала к персику. Там с вершины все же что-то можно увидеть. Мы должны обозреть небосклон с высоты.

Поднимались они медленно, но по другому склону каменистого холма. И, немного спустя, они оказались на прежнем месте. Здесь все было иначе. Нет не так уж и иначе... тот же мрак и тишина, прохлада, звуки, голоса людей и животных, но небосклон на востоке был светлым. Утренняя синева неба одухотворяла и веяла чистотой на мысли. Правда, им больше ничего и не сулило хорошего, но все же этот небосклон для Гюн-Вэя в это тяжелое утро был не просто искоркой надежды, но и путеводной звездой в этой холодной и туманной влажной высоте.

Девушки заметили его оживление и горящие искрой глаза, и подъехали ближе. Первая, та, что была в красной накидке, заговорила:

- Юноша, не пора ли нам ближе познакомиться? По тому, как вы смотрели на небосклон, я поняла, что нам предстоит длинная дорога.

Гюн-Вэй вежливо посмотрел на девушку, коконоподобную в красной накидке и подумал: «А я-то о них и забыл». И покраснел. Но, чуть поклонившись на спине лошади, сказал:

- Я – Гюн-Вэй! Сын скотовода-овцевода здешних стад.

Девушка откинула сетку с блестящими монетками с лица и сказала:

- Гизил-жан! Но можно просто Гизилгюн.

Юноша понял, что их что-то роднит: не солнце ли их роднит и степь? Но обратил взор на ту, что была под желтой накидкой.

- А эта девушка ваша сестра, да?

Гизилгюн засмеялась:

- Ну да, иначе, зачем же ей носить синие или зеленые наряды? Видите Гюн-Вэй, мы почти в одинаковом, но у нас разные матери при одном отце, поэтому и цвет разный. Здесь все иначе.

Юноша дальше не стал слушать о семейных отношениях в гуннском роде: понятно, одному мужчине можно иметь несколько женщин, но лишь бы не были они кровнородственные, и вслух сказал:

- Что вы можете сказать о задержке солнечного восхода?

- Что-то неладное, но оно подстроено людьми, - сказала та, что была в желтом.

- Ну, уж и людьми! Разве они настолько обладают силой и магией, что властны управлять Великим ШАО?

- Нет, они не властны, нет у них и магической силы, но они – люди, - сказала, молчавшая до сих пор в желтом.

- Да, да, Гюн-Вэй, силы – то у них нет, но они... люди, - сказала снова Гизил-жан. – Ты что не называешь свое имя, - обратилась она к сестре. – Не бойся, он благородный юноша и не возьмет силу твоего имени. Гюн-Вэй ее зовут Сабаагизил – Красное утро, т. е. она еще очень юная, молодая и стеснительная. Она не так уж и старше своей матери, жены моего отца, всего на несколько лет.

Юноша терпеть не мог слушать разговоры о родственниках и семейных отношениях. Это было чисто женская тема, поэтому он обратил внимание больше на их лошадей, чем на их объяснения. И вместо приветствия сказал:

- Девушки, нам предстоит длинный путь до светлой части небосклона, поэтому я предлагаю вам на ваших слабеньких лошадках ехать впереди меня. Если же я поеду впереди, то вы отстанете от меня на длительное время и разойдемся. Так что, начинайте путь первыми.

Часть 3

О чем рассказал странник...

Весна 440 года н. э. в этих местах наступила рано. Быстро расцвели фруктовые сады, земля зазеленела молодой травой. На берегу тихого озера сначала гуси и утки, а затем журавли и лебеди стали весело перекликаться, а затем и выбирать места для гнездовий. Гуси и утки наиболее смелые и наглые, заняли более безопасные места в камышах, а лебеди остались как бы на середине озера и в глубокой тревоге стали трубить каждое утро своим тоскливым тенором. Еще бы, все птицы заняли себе территорию, а вот они (одна, всего лишь одна пара) остались без гнезда. И как-то утром, лисица прогнала каких-то уток с гнезда, яйца уничтожила и удалилась. Лебедь же (самец) сначала вроде и обрадовался, но тревожные и жалобные крики уток остановили пару от опасного места. Но мир озера был не без добрых душ, и в середине озера семейка белоголовых нырков уступила паре место в камышах. Начались радостные и трудовые будни для этой пары; их трубные голоса оповещали пахарей о том, что им тоже пора взяться за работу: пахота ждет крепких рук. Люди, услышав голоса этих и других птиц, это озеро называли не утиным, а лебединым, причем присвоили и титул «Турни» - «Журавль-Лебедь». Это значило, что и люди здешние из рода лебедя (Журавля), что этим птицам они – близкие родственники. «Турнигёл» - озеро, где водилось много гусей, рыбы, на берегу рос сочный папор и камыш, которые шли на корм, да совсем близко была плодородная долина, село, домики-юрты для пастухов. Жители сеяли пшеницу, просо, ячмень, сажали сады. Особенно они любили просо в варенном виде, в крупе и целиком варили в воде или на молоке. Из пшеничной муки и просяной пекли лепешки, пряники на праздники. На праздники собирались сюда

в долину Турнигёл и очень гордились своим птичьим богатством, наблюдали за лебедями с лебедятами, а само чистое и многоголосое озеро привлекало и купцов, путешественников с Великого шелкового пути. Картину мирной долины дополняли многочисленные отары овец. Их сторожили рослые пастушьи собаки, но случались набеги волков. Как говорили пастухи-монголы, - Серые Бури «Бозкурты». Однажды волчица утащила из племенного стада белшерстную овцу с ягнятами. И кто бы мог подумать, что десятилетний пацан догонит воровку и вернет овцу с ягнятами. Сила лошадки оказалась настолько скоростной, что она, казалось, летит над долиной, подобно солнечным лучам. С тех пор пацану дали имя «Гюн» (иногда называли даже «Гюнлю» - солнечный), а затем добавили и обращение-титул «Вэй». Так в селении вырос свой титулованный овцевод «Солнечный», да и еще с приставкой-титулом «Вэй», затем в среднеазиатских степях перешедший в «бей» - титул, указывающий на высокое происхождение носителя.

В то мрачное утро, когда три всадника удалились далеко от селения Турнигёл и одинокого цветущего персика над пропастью, по дороге им навстречу шел одинокий странник китайского происхождения. Его накидка была в пыли и сером песке, кое-где измазана синей глиной. Человек неопределенного возраста пытался дойти до селения, где разводили овец и сеяли просо. Он был врачом и знал целебные свойства проса и пользу овец. Думал тоже заняться этими полезными вещами и шел в надежде встретить кого-либо из этих селений. За пазухой держал бумагу из нежного телячьего меха-кожи - пергамент с иероглифами. Ему китайские пограничники разрешили сходить в соседнее селение к тюрко-гуннам. Но по дороге он немного задержался, сбился с пути что ли, он и сам не знал, но никак не мог определить время суток: все мрак

да туман, утро никак не могло пробиться к свету. Шел и молча читал молитву-просьбу не встретить бы Бозкурта. И каково было его удивление, когда по степной дороге из сумерек выросли сначала два всадника, а затем показался и третий. Пожилой воин на всякий случай приготовил свой мечеподобный посох-тросточку.

Он сложил ладони и стал приветствовать первым, потому что он спустился с каменистого холма Тыгыр-таг. Его странный вид немного напугал девушек-всадниц, и они не ответили, пока не подъехал Гюн-Вэй. Он поприветствовал странника сам по степным манерам, затем спросил о здоровье путника, куда и зачем он идет в такое неопределенное время суток.

«Канк-сан» (так себя определил путник) шел давно, вот уже третий день пути, он вроде знал эти места, но никак не может дойти до гуннских пастухов. Гюн-Вэй спешился сам, помог и девушкам слезть с коней, на которых никогда не было седел, и сам, немного усмехаясь, помог девушкам присесть на овечью шкуру, постеленную мехом вверх. Те, скрытно вытерев слезы, молча сидели в стороне. До них доходил только разговор мужчин.

Канк-сан жил за холмом Тыгыр-таг на китайской стороне. И начал отвечать на вопросы юноши так:

- Я с той стороны.

- Почтенный и мудрый путник, тогда угоститесь нашими лепешками с брынзой. Мы их любим, они и вам понравятся.

И протянул ему пару румяных просяных лепешек, а затем в тыквенной бутылке – молоко... Девушки, услышав эти слова об угощении, тоже вострепнулись, но никак не могли заявить о себе юноше. И вот наконец-то запах еды и питья их опьянил до головокружения. Гун-Вэй принес и им долю запасов, но отошел к путнику.

Канк-сан, подкрепившись, спросил:

- Юноша, куда же вы путь держите? Так рано ведь еще.

- Почтенный Канк-сан, мы ищем начало белого дня. Никак не можем сориентироваться во времени суток. Солнце давно должно было светить, а его все нет и нет. Может, вы что-нибудь знаете? В чем дело?

- Нет, ничего особого я не могу рассказать, но я уже третий день в пути, иду к вам, в вашу долину, но никак не могу дойти. То ли я заблудился, то ли сбился с пути. Может, вы мне поможете найти дорогу.

- Вы правильно идете, но время нас всех сбило с толку, - сказал Гюн-Вэй. - Вы давно видели солнце?

- Знаете, юноша, солнце-то висит, но оно где-то далеко от нас спрятано. То ли горы настолько выросли и поднялись, что его скрыли от нас, то ли люди возвели нечто такое, что оно закрыло солнце. Вот беда-то, без определенного времени, да и сине-мрачные сумерки не подарок для землян. О-ох, о-ох, что делать?

Не успели они еще что-то предположить, как со стороны Китая донесся топот многочисленных конников. Да и вскоре сам отряд выплыл из сине-мрачных сумерек. Гиканье, свист кнута, беспорядочная речь говорили о том, что китайцы что-то решили предпринять против скотоводов-гуннов.

Канк-сан понял, что они летят не с добрыми намерениями. И тихо сказал Гюн-Вэю:

- Быстро спрячь девушек подальше, туда в мрачные заросли камыша, подойди сюда, я выдам тебя за сына, но глухонемого. Это пройдет, авось да Силы небесные помогут... Они злые, я знаю их...

Юноша подошел к девушкам, поднял их за плечи и тихо сказал:

- Немедленно вот туда в камыши. Вон отряд китайцев. Одна из девушек заплакала и сказала:

- А ведь они прошли через земли моего отца, наше княжество очень близко к ним, этим злым собакам-китайцам. Что с ними стало?

Юноша попытался их успокоить:

- Съездим, съездим, только сейчас вон туда, быстро в камыши. И сидите там тихо...

Вернулся к Канк-сану тогда, когда отряд уже спешил с коней. Он разговаривал с ними по-китайски. Канк-сан сурово кого-то ругал, когда Гюн-Вэй подошел и стал сзади, разговор уже носил агрессивно-злой характер. Китайцы еще о чем-то кричали и ругались, затем спешно сели на коней и вернулись в свои земли. И вовремя.

Канк-сан рассказал юноше следующее. Оказывается китайцы не довольны тем, что гунны-овцеводы поставляли им уже сгнившие овечьи кожи. Бронза и мясо тоже были забракованы, и сами гунны часто загоняют свои огромные стада на их пастбища, в торговле обвешивают китайцев, потому что нет единой метрической системы. Еще много «провинностей» перечислил Канк-сан, о которых говорил и китайцы. Вот поэтому они давно задумали возвести Великую Китайскую Стену, закрыть свою пограничную зону от гуннов. И, наконец, стена достигла проектной высоты. Ее тень стала настолько длинной, что солнце навсегда ушло от враждебных гуннов. И теперь им грозит полное естественное уничтожение. Они должны или сняться с мест обитания и удалиться туда в Алтайские горы, или иначе им по-любому грозит уничтожение с лица земли из-за отсутствия Солнца!

Канк-сан закончил свой рассказ. Гюн-Вэй был крайне удивлен этим поступком соседей. Но он в тоже время и развеселился от того, что стену возвели всего лишь люди, а не могучий ШАО. Люди наказали гуннов. И юноша отошел к девушкам, привел их и Канк-сан сказал только:

- Солнце закрыли люди, китайцы закрыли его великой высоченной стеной, и мы все остались в тени этой стены. Что нам предстоит еще?!

Но девушки стали хохотать и гадать, как удалось китайцам с их невысоким ростом построить сверхвысокую стену. Хохотали все, потому, что и Гюн-Вэй и Канк-сан знали слабых невысоких, прямоволосых и узкоглазых китайцев.

- Конечно... Но их было в сотни раз больше... Можешь хохотать, - сказал путник.

Часть 4

Лебеди несут весть в селение

Тунч-хан и мужчины, загнав одну отару овец, стали собирать лошадей в степи. Затем пошли к Турнигёлу, чтобы и здесь оказать помощь сельским пахарям. Сумерки по-прежнему охватывали все пространство, и только западная часть небосклона была светлой. На озере было тихо, но тревожная прохлада и сизый туман говорили о том, что обитателям озера не совсем уютно. И, тем не менее, утята и гусята строго по одной линии, гуськом плавали за родителями. А вот лебеди вели себя не совсем по-домашнему тихо. Самец то и дело трубил на все пространство озера. Ему отвечали гуси, иногда кряквы и нырки, хотя те были заняты ловлей пищи, иногда ныряли, иногда взлетали над водой, но тут же возвращались и, проскользнув над водой, опускались грациозно сложив крылья.

Трубный голос лебедя взбудоражил озерных обитателей. Но и пахари на поле, видя как в небе кружатся гуси в своем полете, журавли и другие перелетные птицы, тоже как бы охватились всеобщей тревогой. Так бывает во

время землетрясения или затмения, когда диск Солнца на несколько минут затмевается тенью Луны или Земли.

Но бывалые степняки готовились не к затмению. В их памяти жили события десятилетней давности, когда на селение напал бродячий отряд разбойников. От криков тревоги, от дыма пожара, от зова на помощь, от сечи и гибели мужчин-воинов в поле, дикие птицы взлетели в небо, и казалось, что они затмили солнце – среди бела дня наступила ночь. И тогда пара лебедей села недалеко от дома Гюн-Вэя прямо в бассейн во дворе. Мальчик подбежал и быстро закрыл ворота, навел навес, сплетенный из камыша на птиц, и они спокойно переночевали, да и вообще пережили побоище. И сейчас лебедь-самец звал своих сородичей взлететь и подлететь ближе к людям в селение. Он то и дело подплывал к самочке и ласковым трубным гоготанием успокаивал и следил, чтобы она не оставила гнездо. Но жалобное блеяние овец, ягнят, козлят диких коз, взбудоражило обитателей озера. Неожиданно лебеди взмыли в небо, оставив гнездо с двумя яйцами.

В это время Гюн-Вэй, Канк-сан и две девушки, немного оправившись после набега китайцев, стали совещаться. Канк-сан просто сказал:

- Я добьюсь встречи с визирем императора. Изложу ему свой протест. Пусть сбросят часть стены, она никому не нужна в песках и степи.

Гюн-Вэй выслушав его, обратился к Гизилгун:

- Ваше княжество близко стоит к Китаю? У вас есть контакты с ними?

- Гюн-Вэй, мы близки с ними, но нет такой силы, которая бы остановила шалости этого безумца. Он ведь фантаст от природы.

Разговор вмешалась Сабаагизил:

- А я знаю такую силу. Только она может свергнуть хотя бы часть стены, чтобы открыть свет.

Гюн-Вэй одобрительно посмотрел на девушек. И тоже по-юношески загорелся идеей открыть свет и вернуть ШАО.

Но пока они судили-рядили то, да сё, Канк-сан сказал свое:

- Идем Гюн-Вэй к овцам, я выкуплю часть стада, хотя бы племенной состав и перегоню к нам, в светлую сторону. Животные не должны страдать.

Сабаагизил встала, полная решимости помочь людям:

- А я обращусь к Дэву. Дэв-гюню, он поможет людям, он знает, как сделать, чтобы стена рассыпалась.

Все захохотали снова, встали и по старой тропинке вернулись к Турнигёлю.

Лебеди все же сели на свое гнездо. Ведь сизо-синие сумерки не всех птиц взбудоражили. А рядом еще и лисица бродит. Уж это птицы хорошо знают: запах хищницы да и ее шаги по сухому камышу всех обитателей озера поднял на поверхность воды.

Гюн-Вэй и его новые друзья стали искать сначала чабанов с отарами овец, но по пути им встретились и те мужчины, которые послали Гюн-Вэя узнать, что произошло с ШАО.

Тунг-хан держась за медаль на груди, чуть ли не в слезах, бросился к юноше.

- Гюн-Вэй, так что там с солнцем? Почему не наступает день? Что нам делать?!

Гюн-Вэй отошел от друзей и с суровым видом ответил хану:

- Тунг-хан, это китайцы построили стену такой высоты, что на нашу сторону легла ее тень и заслонила солнце от всего живого.

Хан все понял. Долго не пришлось объяснять ему, как это китайцам удалось спрятать солнце. Но юноше он ответил:

- Надо эту стену снести, снести и рассыпать в пыль и песок. Идите в селение, наведите там порядок. А я подумаю... Но среди вас я вижу Канка, что он хотел?

- Он хочет выкупить племенное стадо овец и отогнать на светлую сторону, к себе, туда.

- Хорошо, позови его сюда.

Канк-сан подошел. Он хорошо говорил по-гуннски. И разговорились с ханом:

- Хорошо, подойдем, Канк-сан к отаре. Плати золотом, у нас пока нет ни денежной марки, ни государственного герба. А золото оно есть золото.

Канк-сан согласился. Но одновременно он попросил и людей: пастухи с собаками должны были сопровождать стадо. И он предложил:

- Ну вот я уже имею тут знакомых. Дайте еще пару-две мужчин, можно и женщин, которые хорошо управляют лошадьми, я всех возьму, всех переведу на светлую нашу сторону.

Хан, Гюн-Вэй и еще десяток мужчин подошли к пастухам. Изложив им суть дела и сделки, хан стал слушать, что скажут пастухи, но те хмуро молчали, тем самым показывая, что они не могут продать на сторону племенное стадо.

Хан подошел к главному чабану и тихо сказал:

- Ведь здесь в темноте и сумраке и трава не будет расти, чем содержать стадо?

- Может все же солнце появиться?

- Нет, пока стена фантастической высоты, ждать нам нечего, А стадо надо спасти. Мы потом его вернем. Уступите, ведь Канк чистым золотом готов платить...

Канк подошел к группе мужчин и попросил не терять драгоценное время – скорее приступить к делу. Но за золотом им придется самим идти с ним, перевалить по ту сторону.

Мужчины согласились. И двести голов племенного стада были отобраны и ждали исхода переговоров. Но в панике мужчины не поняли всю ситуацию.

Девушки же, оставшись одни, загрустили. Но не надолго. К ним подошел Гюн-Вэй:

- Ну что голубки, с чего начнем наш путь? Отара идет в светлую сторону, а вместе с ней и я.

- Мы тоже – с тобой. А там по пути мы зайдем и к нашему отцу Тыгыр-Тагу. Он знает, где обитает Дэв-Строитель. А там, как Бог даст. Идемте.

Все было готово к перегону стада. Тунч-хан и его свита уже были в военных доспехах и на конях. В другой стороне – Канк-сан и пастухи еще кое-где складывали юрты, собирали инвентарь – деревянные емкости, ковши, корытца, ножи, складывали уже готовые кожи, круги сыра.

Часть 5

Ашин и обитатели Тени Великой Стены

Другие птицы, оказавшись в сизо-синих сумерках, не видя солнечного света, все же покинули свои обычные места обитания: озера, водоемы, речки и болота. И как ни странно они садились на площади, на крыши домов, старались быть ближе к домашней водоплавающей птице. Лебеди и гуси тоже покинули гнездовья, их гортанные крики и курлыкание в небе встревожили воинов, которые проводили свои обычные военно-спортивные упражнения далеко в поле. Они так были увлечены своим занятием в сине-мрачноватых сумерках, что не обратили внимание на то, что солнечного света нигде нет и не было. Им импонировала эта ранняя темнота и безмолвие. Но, когда птицы стали пролетать над лагерем стаями, криками призывали о помощи, они

остановились в скачках, фехтовании, бросании «топузов» - молотов на цепи. Сегодня с отрядом элитных войск был Ашин – выходец из гунно-китайского пограничного горного района. Его светлые волосы локонами вились по плечам, и даже римские шлем и наплечный плащ не могли их полностью скрыть. Красив он был собой. По характеру же он был необыкновенно жгучий и быстрый, горячий и ловкий в движениях, голубые глаза искрились при каждом взмахе меча и копья. Он родился в скотоводческой среде и хорошо знал повадки степных хищников; но если он их называл презрительно «лентяи», то серыми проворными степными волками он восхищался. До завтрака он уходил далеко в степь и, лежа в высокой шелковистой ковыли, наблюдал за играми волчат, выслеживал на четвереньках взрослых волков, лоя их каждый шаг, изучая их повадки, заглядывая им в веселые и храбрые глаза, повторяя: «Вот бы мне быть таким, как этот Парень!». «Парень» же оскалив клыки, ждал чудо-ребенка, садился недалеко и ухмылялся: до чего же людские дети неловкие и глупые... то ли мол, вот, любуйся их повадками и характерами. А вы, люди, способны только ломать и потреблять «тюфяки – меховые мешки» на четвереньках. Волк не слишком лестно отзывался и об овцах – «тюфяки – меховые мешки» были они. Но этого чумазого соседа он уже обнюхал давно. Хорошо знал его запах, запах навоза, дыма, кизяка и степи. Поэтому и не мешал «малышу» любоваться своими чадами. Так рос Ашин среди степи, пока до их селения не добрались какие-то воины, вооруженные мечами, в латах, шлемах, они боролись совсем не теми приемами, что были в обиходе у воинов степи. А на самом деле это были первые римские легионы и греческие воины Александра Македонского со стороны Вавилона. Но случались наезды и специальных отрядов, которые брали в наемники из числа взрослых мужчин. Легионер выбирал гуннов не столько по

росту, сколько по силе. А для этого они придумали разного рода приемы, в том числе и перенос больших валунов или глыб гранита.

В это утро Ашин тоже обратил внимание на то, что солнца нет и нет. Сизые сумерки мешали определить точность попадания молота или «топуза» - ядра в цель. Но тревога его усилилась тогда, когда с неба стали доноситься тревожные крики журавлей и гусей. А из селения – людские крики о помощи: страх перед темнотой и прохладой во время цветения садов вызвал неслыханную панику. И Ашин с отрядом отправился в селение.

Здесь люди метались в панике так, что нельзя было разобрать, где овцы, где пастухи и кони.

Ашин с трудом нашел Тунч-хана. Тот в страхе сказал Ашину:

- Вот только что вернулся Гюн-Вэй с разведки. Он привел китайца Канка. Ты знаешь, что они узнали?

Ашин расстегивая шлем и ремни на нагруднике, сказал:

- Знаю. Снова китайцы напали. Здесь уже готовятся уходить от них. А кому оставлять нажитое добро: сады, поля? наших детей и стариков?

Тунч перебил Ашина, грубо и громко:

- Сначала выслушай старшего, я – хан! И знаю больше. Оказалось, что китайцы возвели стену такой высоты, что ее тень закрыла нам солнце, и мы вынуждены будем действительно покинуть свои места.

Ашин задумался. К ним подошли воины, еще разгоряченные после учений. Выслушав рассказ, удалились на совещание. Но Ашин часть воинов послал помогать пастухам и пахарям на поле. Ашин подозвал Гюн-Вэя к себе. Он знал храбрость юноши, его сообразительность. И сказал:

- Гюн-Вэй! Нам никогда легко не было. Но сейчас особенно экстремально тяжело, потому что встала проблема

нашего бытия на свете. Скажи что делать? А потом я скажу свое мнение. Одна мысль и одна голова, лучше вместе их держать. Скажи, Гюн! Слушаю, времени мало. Быстрее соображай...

Юноша отмахнул челку с глаз, защитил локон назад и вздохнул. Затем тихо молвил:

- Ну, коль это людское творение, я говорю о Великой Стене, то эти строители были необычными людьми. Думается, китайцы впрягли в работу дэвов-строителей. А с ними надо бороться также — их магией и их же волшебством. Есть у меня здесь две девушки с тех мест.

Ашин слушал с закрытыми глазами. Но напоминание о девушках заставило его открыть глаза:

- Ну что они могут сделать?

- Они-то может и ничего, но вот их отец-князь, человек ученый. Возможно, что и поможет. Хотя, может, девушки хоть что-то знают. Они же с тех мест, как-то по дороге сказали мне, о Дэве-Строителе...

- Позови их. Я всех выслушаю, а потом мы удалимся на собрание народа. Позови их.

Гюн-Вэй вышел во двор, здесь было шумно и суетливо, все что-то таскали, двигали, ругались и плакали. С трудом он нашел девушек и позвал: «Скорее, скорее, вас ждет Ашин».

Девушки охотно согласились не только войти, но даже высказать свою мысль и с порога начала Гизилжан:

- Да. Да, сосед, мы тоже пришли в ваши места на прогулку и уже несколько дней не можем выбраться обратно, так и не поняли, где мы, какой день, какое время суток.

- А что же вы придумали? Уже знаете, что с нами случилось?

- Да. Да. У нас живет мастер-строитель Дэв-Каменщик. У него есть возлюбленная.

- И что же? Что с того, что он строитель? Он что ли возвел такую стену, что Солнце закрылось от людей?

- Нет, нет. Он очень добрый и мягкий, пусть даже он и Дэв. Но для нас он великолепный мостостроитель.

- Да, я что-то слышал о нем!

Он обратился к Гюн-Вэю.

- Немедленно – к нему, договоритесь с ним, предложите все, что он пожелает, но стену надо снести. Немедленно, сейчас же, пусть...

Часть 6

У Дэва-Строителя горе...

- Тунч-хан даст вам на дорогу все необходимое, и сейчас же – на коней! Немедленно, - сказал взволнованный Ашин.

Немного спустя трое наших героев скакали в сумерках по направлению светлого небосклона. Девушки, завернувшись в свои накидки, казались темными коконами, но гривы лошадей и топот их копыт, говорили о том, что скачут люди: «кокконы» упали бы.

К вечеру того же дня девушки оказались у их отца, что жил у подножия горы Горбатый баран. Слуга доложил Тыгыр-тагу о прибытии дочерей. И отец вышел сам на крыльцо встречать их.

- О-о, Великий ШАО, о-о, Кудай!¹ Откуда ты их привел ко мне? О-о, Великолепный Кудай! Я выплакал все свои драгоценные жемчужины-слезы! О-о, дети мои, проходите, мои шаолята.

Всадники (их уже было четверо) спешили и поспешили приветствовать хозяина и побыстрее перейти к делу, к

¹ Кудай – дух Неба, высокочтимый у народов Монголии, гуннов и Китая.

разговору о Стене.

Тыгыр-таг знал о всеобщем горе людей этого края. Он сам уже несколько дней жил при зажженных фонарях. И, усадив гостей на невысокие, покрытые бархатом, табуреточки, стал говорить.

Он протянул руку слуге и тот подал ему свиток. Тыгыр развернул свиток, оживленно рассмотрел и сказал: «Не бойтесь мои шаолята, здесь мои расчеты и коды земляных центров метеоидеограмм».

«Шаолята» (хотя среди них был и Канк-сан, весьма почтенного возраста) ожили при научных терминах. И Гюн-Вэй спросил:

- Имеют ли они силу такую, чтобы вернуть солнечный свет?

- Ну да, уважаемый гунн! От вас надо только одно, - чтобы вы нашли Дэва-Строителя. А он уже дело сдвинет с места. Правда, потом нам всем придется иметь дело с императором.

- А что он настолько силен, что решил поспорить с ШАО?

- Да нет. Дело в том, что по его философии линия поведения мира, космоса и даже ШАО должна быть ниже его сияния, а то, видите ли, Солнце и даже Луна светят на всю Вселенную. А для Вселенной светило – только он, император! Вот и все.

Тыгыр проводил гостей к коновязи, а Кансану, вручив свиток, сказал:

- Почтенный странник, передай этот свиток Дэву-Строителю. Он чертеж прочтет и поступит, так как идет здесь путь Тельца. Он все знает. Правда, у него возлюбленная в подвалах у императорских евнухов, т.к. он

не может иметь на своей территории девушку красивее его тринадцатилетней младшей жены. А возлюбленная Дэва от сил и земных благ расцвела так, что молва пошла по всему Востоку о ее красоте. Но она отвергла императора, и ее наказали тем, что закрыли в подвалы, а сторожами поставили душевнобольных евнухов. Можете себе представить положение Дэва...

Канк-сан по пути рассказал эту историю Гюн-Вэю. И они решили, что, как только появится Солнце, освободить возлюбленную Дэва.

Встреча с Дэвом состоялась недалеко от пограничной зоны.

Он пас коз, которые забрели слишком близко к ограде, где пролегалла канава с водой, - того и смотри, провалятся в нее.

Сабаагизил первая заметила его и, толкнув сестричку, сказала:

- Гизилжан, смотри, смотри кто там! Ты узнаешь этого юношу?

- Ну да! Это же сам красавец Дэв! Дэв, Дэв, эй, оглянись, оставь ты этих коз! — наконец крикнул и Канк-сан.

Дэв был на китайской стороне и сквозь решетку входных ворот с аркой заметил знакомых «коконы»-сестричек, дочерей Тыгыра.

И в воздухе раздался его могучий голос:

- Вы откуда едете и как вы оказались здесь?

- Мы к тебе приехали от Тыгыра с письмом-свитком тебе, вот! Подойди ближе, нам срочно надо поговорить, - ответил из сумерек и мрака Канк-сан. — Дэв выручай нас, нам крайне сложно в сумерках.

- А что случилось? Почему у вас сумерки, где же солнечный свет?

Долго не пришлось объяснять. Канк-сан показал на своих спутников и сказал пограничному воину:

- Этих людей позвал к себе император. А я с ними. Ему срочно нужна медицинская помощь.

Воин, оглядывая спутников китайца, вроде бы согласился. Но все же потребовал список и приглашение.

- А вот здесь все. Все они мои лучшие ассистенты. А у императора, по этическим соображениям он не сказал, что самая младшая жена беременна и плохо себя чувствует.

Воины расступились, пропустили команду Гюн-Вэя в длинный коридор прохода под широкой стеной.

Канк-сан сказал спутникам:

- Там яркий солнечный свет, глаза могут ослепнуть, поэтому перед выходом мы остановимся.

Да, действительно, их на другой стороне стены ждал Дэв-Строитель. Гюн-Вэй удивился этому красивому юноше: длинные светлые локоны блестели на солнце, голубые глаза радостно, по-детски, светились от каждого звука, его внутренний мир был полон радужных красок счастья.

Канк-сан и Гюн-Вэй первыми вышли на свет. Жмурясь от солнца, они подошли к Дэву. Канк-сан предложил сразу же приступить к делу. Но шепотом сказал:

- За нами следят. Будьте начеку.

- Откуда? Кто следит?

- Да вы взгляните наверх. Что вы там видите?

- Вершины вообще не видно. А сама стена напоминает глубокий каньон или пропасть. Неужели это возвели земные люди?

- Кто возвел, нам не важно. Нам надо ее снести... разрушить до основания.

Дэв, Гюн-Вэй, девушки ахнули в смятении:

- Разве можно этот гигант разрушить?! – спросили девушки.

- Можно, да еще как! И очень легко!!!

- Разрушать – не строить, - сказал Гюн.

Канк повел всех за собой в сторону, а затем они вообще

исчезли в ложбине в кустах. Надо было вдали от глаз развернуть свиток и тщательно изучить все, что предложил ученый Тыгыр.

А дело было так. Тыгыр давно заметил, что император болен. Его самомнение было уязвлено всем тем, что было лучше него, чище, умнее и светлее. После закрытия ряда высших школ для юношей Тыгыр остался без работы и был вынужден заниматься не земной корой (проблемы внутри магмы), а скотоводством. Выгнали из инженерного факультета красавца Дэва за его локоны и голубые глаза... и дерзкое поведение в университете. Тыгыр стал одновременно изучать движение воздушных масс в атмосфере, явления землетрясений, бури, ураганы, термические зоны поверхности земли и прочее. Но, когда возвели Великую Стену с целью закрыть солнце для гуннов, тогда Тыгыр понял, что дело вовсе не шуточное: сегодня погибнут гунны, завтра они – уйгуры. Он начертил схему разрушительных явлений в земной коре, отметив наиболее уязвимые зоны. А когда видел этих смелых людей, которые взялись за Стену и Солнце, он понял, что перед ним – соратники. Канку он все объяснил заранее: суть – задействовать тепловое излучение магмы и вызвать разлом под стеной. Хотя он и знал, что высота Стены свыше километра, но он был уверен, что тяжесть этого гиганта на сваях будет с ним в союзе – все сооружение обречено на разрушение.

Правда, он боялся за последствия не из-за гнева императора, а из-за природных катаклизмов. Но и отсутствие солнечного света на огромном пространстве ученого Тыгыра ввергло в не меньшее смятение. Поэтому морально он все негативные стороны разрушения Стены-губительницы всего живого, взял на себя. Он четко разграничил на карте-свитке опасные зоны: сначала надо было снести все то, что мешает обитателям Степи, а затем назначить следующий

этап очищения, все обосновав математическими расчетами. А они еще не были готовы.

Дэв-красавец все это понял, как только они раскрыли свиток-карту. Правда остальных членов «ученого совета» он держал в тени: у тех вскрылась неизвестная болезнь глаз из-за долгого пребывания в темноте. Он сам прочитал смысл условных знаков по зонам, отмеченных римскими и тюркскими цифрами-символами. Вот «шляпки» гвоздиков – деревянных колышков – надо вбить чем-то тяжелым.

В это время проснулся Канк – главный хранитель кодов зон. И он ослепленный и опьяненный светом, молвил:

- В эти зоны «вбитых шляпок» можешь даже своих коз пустить.

И не прошло получаса, как колышки-гвоздики были готовы. Смысл физического воздействия на «больные» зоны около Стены или под ней заключался в том, что надо было выйти на «дыхательные пути» земли и магмы. Задействовать их и вызвать землетрясение, что в свою очередь вызвало бы ураган с ливнем и громом.

Тыгыр знал характер реакции «больной» (молодой еще поверхности), или как он говорил, «юной девы – девственницы», у которой бурлит все).

Дэв готов был начинать разрушение Стены-губительницы. Правда, коз своих он отвел подальше от зоны «девственницы» - разрушения.

Гюн-Вэй и девушки проснулись спустя час и увидели юношу-красавца в каком-то новом для их воображения облачении.

Отряд встал, Дэв все объяснил им кратко и четко: мужчины идут по «зонам девственницы» и медленно забивают колышки. Девушки их страхуют: в случае ранения или не дай Бог, провала вниз, они обязаны страховочными ремнями-карабинами, которые заранее прикреплены к сбруе лошадей, вытянуть из пекла и оказать необходимую помощь.

Часть 7

У Дэва первые радости...

Но этот план не осуществился. Дэв задержался с колышками. Да и он, как строитель, не придавал значения этой затее, и сам задумал снести вершину Великой Стены, чтобы минимально уменьшить тень и открыть Солнце.

В это время из его деревни раздался крик, такой мощный, что ему показалось, будто тысячи голосов собрались в один рупор.

Он подошел к Канку, который собирался уже забивать колья. Но Дэв остановил его, сказав:

- Я сам разберусь с проблемой.

- Почему?

- Этот план чреват катастрофой. Подумай, сколько жертв унесет эта высоченная и тяжелейшая Стена. А если на пути окажутся селения? Что с ними будет? Они же не виноваты, что император болен.

Канк-сан огорченно подошел к Гюн-Вэю с девушками.

- Остановитесь. Дэв не согласен с планом Тыгыра. Посмотрим и выслушаем сначала его, может он лучше знает, что делать с этим возведением.

Дэв, чем-то встревоженный, начал собираться в селение, где была его возлюбленная. По дороге ему сказали, что девушку насильно выдают замуж за императора. Поэтому жены императора подняли такой вой, что показалось, будто тысячи матерей оплакивают своих дочерей.

Дэв поспешил. В гневе он был сверхсильным и не щадил никого на своем пути. Он был не только строителем, но отлично сносил гнилые, неугодные здания, мосты, иногда даже и вершины гор, рассыпая их в пух и прах...

В гневе он вошел в селение. Ничто не могло остановить его, смягчить его злобное выражение лица, собрать разбросанные длинные локоны. Дэву предстояло определить

место заточения возлюбленной. И он немедленно подошел к воротам императора. Стража сначала выставила щиты и копья. Но Дэв, схватив начальника, встряхнул его, затем повернул вниз головой, вытряхнул ключи от подвалов, где держали заключенных и девушек, обвиненных в упрямстве. Дэв знал это, и выхватив ключи, забросил стражника на крышу ворот, другого повел перед собой со словами:

- Где заключенные? Веди собачья натура, веди, а то все там окажется...

- Вот, вот, сейчас покажу, сейчас, только не губите меня, я отец двоих детей.

Дэв отпустил стражника, а сам открыл камеру «упрямых» - здесь были закрыты самые красивые и молодые девушки из дальних селений и горных деревень. Они находились в ужасных условиях, спали на соломе и камыше, из-под которых иногда, не боясь никого, выползали крысы и мыши.

Дэв открыл двери и скомандовал:

- Выходите все. Никого здесь не оставляйте. Все, быстро, не бойтесь.

Люди стали выходить. Но среди них не было той, ради которой он пришел сюда. Он был взволнован и чуть ли не сорвал дверь с петель. Когда все вышли, в углу осталась все же еще одна девушка. Черные волосы закрывали ее лицо. Дэв подошел к ней с вопросом:

- Почему не выходите? Выходите, вы свободны.

Та молчала, тогда Дэв сам поднял с лица волосы: это была его возлюбленная, только ее лицо было изъедено крысами. Уродливое лицо юношу не напугало, а наоборот, возбудило чувство жалости и сострадания. Радость, гнев, слезы сожаления переполнили сердце юноши. И он, взяв осторожно ее на руки, вынес на свежий воздух и крикнул:

- Стража, немедленно врача! Где врач?

- А он сбежал вместе с гаремом...

- Куда? В каком направлении они ушли?

- Мы не видели, потому что все лежали лицом вниз. Сами ищите.

Дэв так и ушел, неся девушку на руках. Перед ним было широкое поле, где виднелась одна единственная изба, в которой жила старушка-врачеватель. Она лечила от всяких болезней, выправляла ожоги, обновляла кожу с помощью молочной сыворотки диких коз, гусиным и ондатровым подкожным жиром. Дэв постучал в дверь избышки. К нему вышла сама хозяйка, и он увидел молодую цветущую девушку. Он так обрадовался этой встрече, что подумал о высочайшем мастерстве врачевательницы: иначе, чем объяснить ее цветущее здоровьем и красотой лицо.

- Я всезнаю, Дэв. Мне давно люди говорили об истязаниях «упрямых» крысами. Есть у меня одно средство от этого. Будет снова твоя возлюбленная Яблоневым Цветом. Будет! А истязатели – трухлявыми пнями. Знай, сила ШАО велика и могущественна.

- Ну, хорошо, хорошо, Мать Лесов, сделай что-нибудь, я очень прошу, в долгу не останусь. Вот, посмотри, чем стало ее лицо...

Оставив девушку у врачевательницы, Дэв вернулся к своим новым друзьям, у которых была одна беда – Великая Стена-губительница.

Он сказал им:

- Если сможете, то влезайте за мной все. Вон там есть высоченная лестница, которая ведет от этажа к этажу, по ней мы поднимемся на самую вершину Стены.

Стали лезть, впереди – Дэв, за ним Гюн-Вэй, а за ними остальные, Вскоре они достигли вершины Стены, и Дэв ударом ноги стал сбивать купола и башни со стены, и все что лежало на верхних этажах. Грохот и пыль, треск и взрывы падающих частей стены, заглушали все вокруг. Дэв был еще в гневе и он ломал, ломал, ломал. Остальные

стаскивали и отталкивали обломки вниз. Гюн-Вэй стал замечать, что солнечный свет стал пробиваться сквозь пыль и песок на сторону гуннов. Стало светать среди дня, и отовсюду донеслись крики радости и восхищения, были слышны голоса и песни из ближайшей деревни: люди запели от радости. А Дэв крушил и крушил все на своем пути, орал и кричал в сторону императорского дворца. Тут поднялась паника: кто посмел разрушить веками строившееся сооружение?!

К Стене стали подтягивать войска и пушки. Они сверху казались всего лишь букашками. А отряд Канка и Дэва продолжал все рушить. Наконец, стена стала ниже на сотни метров, настолько, что тень имела всего лишь два-три метра длины, что служило укрытием в знойной степи.

К вечеру следующего дня все слезли со Стены, и Дэв пошел к избушке в поле, где он оставил Яблоневый Цвет. Когда он вошел к врачевательнице, он был уже веселый и бодрый. Протянув мешочек с золотыми монетами, взял свою возлюбленную. Ее красота засияла так ярко, что действительно напоминала яблоневый цвет: светло-розовые щеки, чистая белая кожа лица излучала сияние и счастье. Блестящие волосы цвета вороньего крыла были дополнением к этой немеркнувшей красоте. Вот уж где Дэву пришлось искренне и сердечно порадоваться.

Вернулся к своим козам, Яблоня сидевшая рядом не могла нарадоваться зрелищем обновленной гуннской земли. Но новых друзей Дэва уже не было. Они на конях вернулись к Тыгыр-тагу. Доложили ему обо всем, что произошло, но он не очень обрадовался, так как работа на Стене пошла не по его плану...

Гюн-Вэй и девушки, Канк-сан сидели под деревом, когда прямо у их ног упала стрела с приколотой на наконечнике бумагой (пергаментом). В ней было объявление войны черным гуннам. Если даже им удастся избежать гибели

сейчас, то они навсегда будут прокляты китайскими шаманами, так что их семя высохнет без потомков и затеряется в веках и в тумане долин Гуна-горной реки.

Часть 8

Ашин собирает союз племен под знамя Золотого Волка

С наступлением солнца и светлого дня, с приходом тепла в долину озера Турнигюл, люди вернулись на свои места обитания родов и племен. Начались весенне-полевые работы на полях и в садах. Начали стричь овец и пересчитывать отары, ягнят зимнего окота выделили на отдельные пастбища с более зеленой и молодой травой. Приближался весенний праздник Иер-Су-Ана. К этому времени со стороны китайского правительства перестали поступать угрозы военного вторжения. Чаще стали приходить торговцы. Но Ашин и его военный совет все же обсудили записку на пергаменте об угрозе военного вторжения. И не только обсудили, но усилили рубежи своих владений на востоке глубоким рвом с высокой насыпью.

Как-то ночью, псы селения были разбужены топотом многочисленного войска всадников, блеянием ягнят и овец, кудахтаньем ворованных кур и индюшек.

Воины и командиры Ашина немедленно сели на коней, вооружившись копьями, луками со стрелами. Впереди отряда ехали всадники с факелами, освещая путь отряду. Вскоре они вышли на окраину селения. Впереди скакали чужеземцы. Всадники Ашина по команде обстреляли их стрелами. Дождь стрел быстро догнал разбойников. На рассвете их остатки показались на насыпи, кидая добычу в ров. Оттуда слышались крики, мычание, кудахтанье еще

живых кур, бляение раненных ягнят.

Всадники Ашина загнали всех оставшихся разбойников туда же в ров. Первые ласковые лучи солнца осветили картину на дне рва. Всадники Ашина выстроившись на краю насыпи, плевали в еще живых разбойников. Добив их, отряд вернулся в селение. Здесь уже знали о ночном нападении и люди с серпами и вилами стояли вдоль главной улицы между мазанками, а между загонами мелькали фигуры волкодавов и подростков.

Ашин успокоил селян. Но сразу же предупредил:

- Покоя нам уже не видать. Будьте всегда на чеку. Враг силен и нагл, и этот дерзкий налет нам преподал урок. Расходитесь по своим углам и обдумайте мои слова.

Тюркоязычные племена в большей части занимались охотой и разведением овец, а эфталито-иранские племена были заняты земледелием, но разницы между ними особой не было, благодаря смешанным в их среде бракам. Ввиду этих обстоятельств у них преобладало двуязычие. Ашин выбрал себе тюркоязычные племена, обучал их, требовал дисциплину и прядок. Особенно его волновала молодежь, хоть он и был еще очень молод, но сама природа назначила его вождем. Народ племен любил его, подчиняясь всем его указаниям, и потому его последние слова стали предметом всеобщего обсуждения. Простой народ не понимал, за что они так наказаны противником. Но дело было, прежде всего, в налогах, которых было множество, а сборщикам казалось, что их мало. А как избежать насилия и угнетения? Ашин тоже думал об этом, но бросать насиженные места было жалко. И он решил обратиться к Вавилонскому наместнику Александру Македонскому. Ашин слышал об этом молодом полководце.

Однако обычаи дедов требовали проведения праздника Иер-Су-Ана на должном уровне, и главным лицом в сценарии праздника был молодой воин-вождь всех племен

– Ашин. Суть этого праздника Ашин сводил, по-своему, к следующему.

Всем союзом (а это означало шесть-семь родов по материнской линии) выходили на поля, где проводили первую борозду на волах. Рога волов украшались венками из живых цветов, подросток с факелом из полевых сухих трав и цветов шел впереди упряжи. За ним волы тянули плуг с деревянной основой и бронзовыми лемехами, а за упряжью волов должен был обязательно идти молодой пахарь-вождь племени. Люди с семенами проса и пшеницы шли за плугом и сеяли, а за ними девушки и парни шли с кувшинами с водой, которую разбрызгивали в разные стороны. Завершали борозду (это был первый день пахоты) пожилые люди. Это был всеобщий подъем селения, поэтому старались всем миром принять участие.

Вот и теперь Ашин решил сначала провести этот праздник со своими людьми, а потом уехать в Вавилон.

Праздник был ценен еще тем, что молодежь, зная друг о друге только со слов родственников, теперь на празднике встречалась лицом к лицу, выбирала друг друга по нраву, по деловым качествам, а осенью заключались браки.

Ашин знал эти обычаи и стремился, как можно дольше продлить этот ритуал необычными забавами и играми. Но, в то же время, соблюдал золотое право: «Делу – время, потехе – час». Эти дни действительно превращались в радостные праздники труда и отдыха.

Но в этом (440) необычном году пришлось и праздник сократить, потому что надо было успеть не только вспахать, но и посеять. Да еще подсчитать и потери после налета отряда разбойников. Несмотря на это, Тунч-хан, Ашин, Гюн-Вэй были счастливы и довольны тем, что все роды и племена вышли на праздник и встретились со всеми предводителями, увидели воочию их физическую и духовную закалку. Дух единения, а не расхождения

руководил в этот день всеми, поэтому Ашин, поручив Гюн-Вэю и хану руководство племенами, стал собирать совет по отъезду в Вавилон.

Он уединился в любимом уголке у озера Турнигёл. Здесь под плакучей ивой доброволец-эфталит постелил ему коврик, принес невысокую табуретку, складной столик на невысоких ножках. Затем вытащил снедь, немного вина и брынзы, фрукты, свежий дикий чеснок «көмүрен». Парень отошел в сторону, дав возможность Ашину уединиться. С озера доносились крики и курлыканье озерных птиц, но неожиданно к ним присоединился лебедь-самец. Ашин улыбнулся этой гармонии звуков, ароматов, чистоте матушки-Природы – Иер-Ана.

Что он знает о личности Александра Македонского? Да, пожалуй, ничего. Но арабы из остатков войск Дария рассказывали о необычном молодом и красивом завоевателе Востока.

Ашин позвал эфталита:

- Таргитай, подойди ко мне. Мне одному тоскливо. Расскажи о себе...

Таргитай подошел и сел на пень.

- Я тоже думаю о своих делах, Ашин.

- О чем же? Какие твои дела? Я хотел спросить у тебя, Таргитай.

Юноша приподнялся, его скифская короткая накидка как-то свесилась с плеча и Ашин увидел шрам от сабли. Он смутился: они были почти ровесники, а вот ты, погляди, он уже успел получить ранение. И спросил, как бы невзначай:

- Когда успел? – Его глаза выражали тоскливое сожаление, что он еще не успел побывать в бою, как этот молодой воин.

- Да было дело. Мы оборонялись от греков... Дело было в Причерноморье...

- Ты их видел? Какие они?

- Да. Они высокие, очень аккуратные и, видимо, отличные спортсмены.

- Ну да, у них развита культура тела и духа.

- Они образованные. Однажды увидев их, запоминаешь надолго.

- Чем же они запоминаются?

- Да тем, что они почти мирные, для детей в завоеванных селах, открыли школы. Солдаты стали обучать детей греческому языку, писать, считать. В отличие от арабов, они делились хлебом, врачевали в деревнях.

Ашин удивился многому. И сам же решил составить план встречи с Александром-Искандером. И сказал Таргитаю:

- Знаешь, мы могли бы съездить к нему в Вавилон. Согласен ли ты, меня сопровождать?

- Да, конечно, надо бы подучить язык. Он легкий, но здесь книг нет на греческом.

- Почему же? У нас арамейское письмо, только вот надо учителя привести.

- Ты слышал о Тыгыр-Таге? Он же ученый, надо бы съездить к нему.

- Хорошо Тарги. Я позову тебя, когда буду готов. А пока дай мне немного времени, я отдохну, и съездим к Тыгыру.

Тарги ушел к себе на берег озера, и сам был весь в восхищении и смятении. Ведь Ашин отличался неутомимой энергией, горячностью, а тут заявляет, что устал. Да, видимо, он что-то такое грандиозное замышляет, что нужно уединение. А что терять время? Съезжу-ка я к Тыгыру. Все же свой – из гунно-китайских племен.

Вернулся к Ашину. Но его в помещении уже не было. Выглянул в поле. Там, одинокая фигура упражнялась в стрельбе из лука. И Тарги подумал: «Ему бы к умственному развитию не помешало бы подключиться. Физически он развит, но грамотой не очень владеет – книг не хватает».

Стал рыться в хламе в углу: под седлом обнаружил книгу с арамейскими значками. Ну уж, для такого самородка этого мало. И юноша решил подойти к нему и начать разговор о науках и развитии во всем и по всем правилам гармонии. Без этого Искандер его примет за раба, хотя в этих местах о рабстве они не имели понятия: без разрушительных войн и захватнических походов эти племена жили своей природной демократией.

Тарги подошел чуть ближе к мишеням, где располагались камни-столбы. Они-то и служили пограничными отметинами на территории племен Ашина и китайско-гунно-эфталитским союзом. Но особой строгости пограничной зоны никто не соблюдал. Отары овец, просто заметив еще не растоптанное поле трав и ароматных цветов, перебежали туда, весело звеня своими колокольчиками.

Ашин заметив Тарги, сам собрал колчан со стрелами, меч и копьё, топорик взял в руки и пошел навстречу юноше.

Издалека Ашин очень напоминал греческого воина. Но походка все же выдавала горно-долинского жителя: ноги шли чуть-чуть криво, как у всадника. Но красавец был по-своему привлекателен. И он очень обрадовался, увидев Тарги.

Издалека он крикнул ему:

- Приведи одного из Небесных коней, приготовь знамя с Золотой волчьей головой, и мы объездим все племена. Надо это сделать, пока люди не занялись сельхозработами.

- А как же поездка в Вавилон к Искандеру?

- Он должен знать, что мы не просто горсточка под китайским названием «Туг-ю». Мы – сила и единение.

Группа всадников, в том числе и Гюн-Вэй, Ашин, Тагир-гай, Тунг-хан рано утром с восходом солнца начала объезд территории племени с тюрко-эфталитским и сако-массагетским населением. Все приветствовали их, и Тунг-хан раздавал старшинам родо-племенного союза жетоны с изображением волчьей головы.

Часть 9

Ашин у Искандера.

Учения войск Александра Македонского

Ашин в одном из селений, где собрались в основном тюркоязычные племена охотников и скотоводов, сказал во всеуслышание:

- Сейчас перед вами знамя Золотого Кыскыра-Волка. Все, кто признал его силу и мощь, в веках не пропадет. Их имя будет вечно сиять под небом нашего Бога Тенгри, ибо, человек смотрит на наше лицо, а Господь – на сердце. Если мы лицом не очень выдались, то сердца наши чисты и благородны. Поэтому мы – под защитой Господа и берегите эту чистоту сердец. Да будет так, как мы хотим! – закончил речь в гуле голосов.

Слова встретили дружным «Гюн-Вэй! Гюн-Вэй! Гюн-Вэй!» - что значило «мы дети солнца, мы любим его, мы отстоим наше Солнце», - вторил им другой союз.

Отряд в этом же составе двинулся в сторону у-сюней, чтобы оттуда, перевалив гряду горной цепи, спуститься в Долину Ефрата, а затем переправиться к Искандеру. В это время Искандер со своей квадрой преданных греков в долине отбивался от остатков войск сына Дария I. Квадра выдержала все натиски врага и, перестроившись на ходу, продолжала пробиваться в сторону у-сюней и у-ечжи: скифские племена, из числа которых Искандер набирал себе воинов.

К полудню Ашин и его небольшой отряд оказался между квадрой Александра-Искандера и наемниками Дария. Не задумываясь Ашин дал клич (боевой уран) «Гюн-Вэй! Гюн-Вэй!». Весь отряд двинулся на наемников Дария.

Перед воинами появились на серых крупных конях воины небывалой силы и закалки. Охватив ряды Дария

они делили их на части, заманивая в глухие места, добывая и топча конями - урўками.

Искандер так и не понял, куда делись длинные шеренги персов, зачем они гнались за серыми конями, и куда они потом подевались. Они исчезли так, как будто провалились сквозь землю.

Искандер послал двух своих пеших воинов к тем, которые были на Небесных. Ашин вернулся только что из долины, куда загнал последних персов.

Греки, не понимая о чем идет речь, подошли близко и оказались заарканенными. Связанные воины, показывая на квадр, пытались что-то объяснить Ашину. И, наконец, Гюн-Вэй понял – они оттуда, просят пройти с ними, чтобы их увидел сам Искандер.

Так и сделали. Освободив греков, поехали за ними и спешили у большой белой палатки.

Рядом с Искандером были два тарджумана, которые знали тюркский, персидский и китайский, и даже греческий. Ашин и его свита, не успев встряхнуть свои накидки от песка и сухой травы, предстали перед Искандером.

- Кто такие? – спросил Александр, - Почему вы деретесь так необычно?

- Я Ашин, а это мои воины, - сказал вождь тюрков. Наша тактика ведения боя нас всегда спасала, а ее мы переняли у скифов.

- А что вы делали в этой долине? - спросил тарджуман, шепнув что-то Искандеру.

Тот кивнул головой. Принесли еду и питье. Искандер пригласил сесть. Ашин и свита присели, но свои короткие бронзовые мечи держали наготове. Это заметил Искандер и очень удивился их форме и материалу.

Греки давно забыли бронзу в качестве боевого и стратегического материала. И к великому удивлению греков, бронзовые мечи были у гостей далеко не как

украшение.

Принесли птицу из горячей печи по-скифски. Ашин ждал, что скажет хозяин. Искандер показал воинам, что гости не только голодные, но и немые с дороги. И тут же появились медные тазы, вода в длинногорловых высоких кувшинах и горсть золы какого-то дерева: она отбеливала кожу не хуже синей речной глины, которой пользовались тюрки и гунны.

Омыв руки, свита Ашина села за трапезу. Напитки — вина разных цветов и оттенков были также в стеклянных прозрачных сосудах, но неожиданно рядом с ними появились высокие бокалы с чистой водой.

Для тюрков это было привычным напитком. Тут же били бокалы, на дне которых, уже было вино, Искандер налил воды, разбавил вино почти один к трем — гости вообще ничего не поняли, крайне были удивлены и испуганы.

Но гостеприимный хозяин поднял свой бокал и произнес короткую речь:

- Смелые воины Ашина, пусть вода и хлеб в этой пустыне восполнят истраченные вами силы. Поднимите бокалы с вином и приступите к пище.

Он глазами указал на обслугу, те удалились, а Ашин своим коротким мечом стал отрезать кусочки от жаренной птицы.

Искандер сидел и только наблюдал за гостями: бронза отлично служила и кухонным и сервисным ножом.

После обеда, обслуга убрала посуду, ввела в приемную Искандера стройных персиянок и те стали петь и пластично, медленно кружиться в ритме восточных танцев.

Ашину стало не по себе. Никогда в суровой степи Манчжуро-Китайской пустыни и голодной Степи он ничего подобного не видел.

Искандер это заметил и не стал перенасыщать еще очень и очень «сырых» в эстетике и философии сынов

гуннов. И удалил всех и все, что могло бы помешать суровому и жесткому духу воинов-гуннов. И спросил через переводчика-тарджумана:

- С чем все же вы пожаловали, преодолев такое большое расстояние?

Ашину было поручено вести переговоры и он первым заговорил:

- Почтенный хозяин этого дома, мы приехали на Небесных издалека. Хотим с вами, греками, заключить военный союз. Нас китайцы предупредили, что они нам «навязывают пожар и меч». А мы – мирные скотоводы, наше руно славится во всем торговом мире, наша степная трава богата витаминами, лекарственными качествами, наши обычаи строгие, но гуманные. Если мы все это потеряем, мы потеряем свое лицо в мире, наши имена осрамят, как жестоких налетчиков. Мы ищем друзей и военных союзников.

Искандер слушал внимательно перевод и указал секретарю, чтобы тот приготовил все, что необходимо для заключения договора. Принесли законники всех видных греческих философов и юристов, привели юристов по делам земельного, семейного, военного, территориального кодекса. Собралось много специалистов по этнографии по лингвистике, литературе и истории. Поскольку Искандер был чрезвычайно образованным, опытным и дальновидным полководцем, он себя не считал завоевателем-разрушителем, а был как бы миссионером по гуманитарной поддержке степи и гор, долин и обиженных, беспомощных, тихих птичьих гнездовий. А что касается степных народов, то этот белокурый грек только и радовался встрече с их самобытной культурой. Он хорошо знал труды Геродота, Страбона. Авиценны, мифы Греции и Востока. Поэтому он юристам поручил в течение нескольких часов (до вечера оставалось мало времени) разработать юридическую основу союза

греко-гуннского и греко-тюрского, акт о добровольном заключении бессрочного договора, согласно которому перед этими народами открывались широкие возможности сотрудничества в сфере просвещения, военной подготовки, религии и закона, права всех уровней.

На следующий день свита Ашина была восторженно встречена домом сбежавшего Дария, поэтами, музыкантами, политиками Искандера. Незабываемый документ был оттиснен золотыми буквами старо-греческого и арамейского письма. Завершался текст документа оттиском изображения Небесного Коня (символ скифо-эфталитской культуры) и изображения Золотой головы Волка. Подгром аплодисментов документ в виде свитка был вручен Ашину. Свита Ашина стала на колени и на бронзовых мечах произнесла клятву верности этому документу.

Затем по сигналу медных и серебряных труб, объявили построение войск квадры. Впереди на белых конях стояли полководцы, в центре площади на отличном арабском скакуне гарцевал Искандер. Нет, это была не показуха дисциплины. Это был великий парад в лице квадры и ее военачальников, которые под звуки оркестра выехали на учения в широкую долину Ефрата.

Свита Ашина стояла на специально отведенной ей возвышенности. Искандер очень хотел, чтобы эти смелые и умные воины-скотоводы видели самое лучшее в тактике и стратегии его войска. Учения были близки к боевым: жестокие переходы через болота, плавни, пожары в камышах, нападение львов и тигров в камышах, приемы римско-греческой борьбы и т. п. На следующий день Ашин со своим отрядом отправился домой.

Часть 10

Что произошло в отсутствие Ашина?

Действия Дэва-Строителя привели в ярость императора. Зная, что силы у Дэва очень ограничены, он удивился и обозлился на его действия. Император приказал своим лучшим строителям восстановить Стену, с учетом приливов и отливов реки Янцзы. Совет инженеров принял решение столь дерзкое, что содрогнулись даже самые хладнокровные евнухи: вообще свернуть ШАО с его обычного пути, причем приливы и отливы реки использовать как устрашающую силу Серебряного Дракона, - реки, которая течет вспять.

Инженеры знали, что река во время прилива течет вспять, при этом высота волны достигает 7-8 метров и сметает все на своем пути в море. Но причем здесь Стена и путь ШАО?

Так было рассчитано, что путь восхода Солнца и путь Дракона совпадут и удар придется на гуннов.

Дэва позвали на совет, как бы для извинения за содержание его возлюбленной Яблони в подвале с крысами. Но Дэв обладал даром ясновидения, и не трудно было догадаться, они знают, что он виновен в разрушении Стены, за что и будет наказан.

Главный инженер подал юноше свиток и сказал:

- Расшифруй эту карту. Что нового ты видишь здесь?

Юноша отмахнул локонь с плеч и ясным взором стал «читать» сетку карты и ужаснулся: «Они собираются вмешаться в путь ШАО?! Да кто они такие?». Но вслух сказал:

- Вижу пожар и меч. Слышу многоголосый плач матерей.

- Ну, это нас не остановит! Когда можно начать строительство плотины, чтобы ее сила ударила по Степи гуннов?

Дэв не понял, но ответил:

- Лучше вообще ничего не начинать.

Его отпустили. Никому его ответ не понравился. Но Дэв, уходя, еще раз взглянул на карту и ему показалось, что на дне реки видны пузырьки воздуха. Откуда бы это? Но он ничего не сказал и ушел к своей неувядаемой Яблоне в цвету.

В это время в селении Турнигол люди, отметив день Иер-Су-Ана, занимались своими домашними делами. Дэв решил навестить Тыгыр-Тага и поделиться впечатлениями от встречи с инженерами-гидрологами.

Тыгыр во дворе за что-то ругал дочерей, особенно злила его своими грубыми насмешками Сабаагизил. Появление Дэва удивило их. Мужчины уединились в помещении, подальше от женщин.

Дэв взволнованно сообщил о совете у императора и о намерениях вообще остановить движение Солнца и реки Янцзы. Тыгыр стал громко смеяться:

- Ну, уж у императора фантазия неиссякаема в отношении гуннов. А что касается течения реки, то понять можно: там везде нужно орошение. А что касается пузырьков, - так это выходит газ со дна реки. Там газовые карманы и их можно использовать против них самих. Так что не бойся. А вот Стену надо до основания разрушить, иначе беды не оберемся. Делай это ночью, - сказал весело и с тревогой Тыгыр-Таг.

- А как? Твой план не выполнили. Зачем нам магма? Ведь катаклизмы не избежать. А это гибель людей, да и не наше это дело.

- Тогда подложи под каждый столб в Стене динамит, соедини их, и с помощью детонатора взорви столбы, и стена под своей тяжестью сама упадет.

Долго еще беседовали мужчины в помещении, и когда Дэв вышел, было уже темно. Он направился к себе на

китайскую сторону и по пути встретил отряд всадников. Они скакали по направлению к гуннам, и самое опасное было то что, награвив и разорив долину Турнигюл, они спешно скрылись за высокой стеной. Действительно, надо было что-то делать. Во чтобы то ни стало надо было снести эту Стену и снять укрытие для набегов.

Ночью Дэв проник под своды огромной стены. Там столбов не было, но были фрагменты опор стены. На них и держалась громадина. Местами подземные воды оголили основы, и ему оставалось только открыть эти каналы и затопить основы соленой водой. Так он скрылся под стеной на несколько дней, и убедился, что Стена сама по себе все равно рухнет. Только надо «помочь» ей... А вот, что сделать с самим «автором» - императором, восставшим против Солнца и гуннов?

Мыслиегопутались, головатрещалотдесятковвариантов. И, наконец, решение простое и мудрое, пришло: заменить «автора» дурных планов его двойником-гуманистом. Только кем же? А что, если Тыгыр-Тага взять на эту роль?

Юноша медленно шел по степи в лунную ночь, направляясь ко дворцу императора. В саду проходили вечерние церемонии чествования бумажных фонарей. Все были увлечены светом от разноцветных фонарей, оживляющихся при дуновении ветерка. Сам император восседал под балдахином в своих невероятных, безразмерных атласных одеяниях и накидках. Запросто можно было влезть в рукав его накидки среднего сложения китайцу. Дэву особого труда не стоило это сделать сзади. Сидящему императору только в спине что-то зачесалось, но очень незначительно, поэтому он и не стал особо тревожиться.

Дэв схватил тело некрупного мужичка в десятках накидок и халатов, обернул его так, что тот не успел и охнуть, поднес к его носу пучок сонной травы, а далее особого маршрута не надо было выбирать – прямым путем

к Тыгыру. Того, не надо было и спрашивать о согласии, Дэв точно таким же образом перенес Тыгыра в одеяниях императора в сад вечерних церемоний и посадил на трон. Все было просто... Особыми церемониями и манерами двор не отличался и для ученого Тыгыра быть в «статусе» императора не стоило особого труда.

Утром он собрал совет гидрологов и астрологов и велел принести карту о пути ШАО и под его особый крикливый визг заставил всех на коленях извиниться перед Солнцем и разорвать гнусный план. Затем велел всем подняться, отряхнуться, спуститься к берегу Янцзы и все живое снести или отвести на десятки километров, потому что очень скоро намечается прилив Белого Дракона.

Тыгыр не случайно самих «авторов» послал на это дело. Он видел насколько эта армия бездельников отяжелела в императорских лабораториях, что они понятия не имеют о состоянии дел с приливами и отливами, которые ритмично зависят от фаз Луны. Он знал, что невежество этих любителей веселья и церемоний их же и погубит. Во время движения волны высотой 7-8 метров со дна реки поднимается невидимый метан. Достаточно искорки, чтобы разгорелся пожар. А искорку получить можно было от их же стеклянных и драгоценных камушек и украшений, которыми очень любили себя украшать эти бездельники и лентяи. Этим самым для себя создавали менталитет и престиж «ученых».

Утром вереница двухколесных бричек и рикшей направилась к берегам реки-газоноса.

Тыгыр и переодетый Дэв в окружении ничего не подозревающих сановников, наблюдали с высокого берега первые признаки прилива: волнение воды, обнажение дна реки, грохот надвигающейся семиметровой волны. Солнечные лучи, отраженные в камушках, создавали искры.. И даже это никто не заметил...

Часть 11

Особые конструкции из облегченных материалов. «Hotos-, O»»

Постояв немного на высоком берегу, Тыгыр и Дэв в окружении сановников, вернулись во дворец. Авторы и гидрологи остались на берегу реки внизу. Они в суматохе бегали вдоль берега, пытаясь что-то доказать друг другу жестами, руганью, палками и криками, указывая в сторону волны-горы...

Тыгыр отослал от себя всех, кроме визиря в красно-желтом шелковом кимоно – Дэва. Оставшись одни, Тыгыр кратко сказал: «Надо осмотреть все подвалы и лаборатории этих «авторов». И вдвоем спустились по ступенькам в полуподвальное помещение под крышей в саду. Здесь было все тщательно прибрано. Стены были окрашены в голубой цвет. Серебристые лики, переливаясь, создавали приятное ощущение раскованности и релаксации. Тянуло ко сну, мышцы слабели и ноги подкашивались на ходу. Но Тыгыр знал природу этого умиленного состояния: это – незаметный дым из наркотических трав, окутывающий все здание. Поэтому он немедленно прикрыл лицо шелковой тканью кимоно, велел Дэву, который уже почти засыпал, сделать то же самое и направился к выходу. Отдышавшись, они взбодрились. Тыгыр через прорези в шелке на лице видел Дэва и тот показал взглядом ему, мол веди дальше. И они пошли по длинному коридору лаборатории. Тыгыру-«императору» было сподручно и дозволено открывать любую дверь. И он вошел в помещение с табличкой «F-Hotos-O»! Ни он, ни Дэв не знали, что бы это означало. Но все же переступили светящийся порог-границу. Здесь стояла тишина. Но открытые дверцы шкафов-холодильников говорили о присутствии людей.

Тыгыр подошел к открытому шкафчику. Там на полках стояли глиняные кувшинчики грушевидной формы, закупоренные сверху сургучом. Какие-то цифры и даты. Там же, ниже на полке стояли колбы с зародышами человеческих эмбрионов.

Тыгыр прочитал иероглифы-инструкции: «Спермантины женского пола. Срок роста девять лунных месяцев». Из другого помещения доносились странные звуки. Наверху светилось табло «Испытание конструкции». Тыгыр указал Дэву к выходу. Иначе чем объяснить надпись «Посторонним вход воспрещен». Но Дэв категорически отказался выходить и первым двинулся к запрещенной двери. Тыгыр все же опередил его, и то, что он увидел, его страшно смутило. В помещении был кабинет для испытания живых (лет 14-15) женского пола красивых, выхоленных и разукрашенных кукол-дев. Они ничем не отличались от человеческих жизней, если бы не табличка на груди со знаком «Homo-O». Недалеко в роскошных постелях шло «испытание их сексуальности» на воинах и визирях императорского двора...

Тыгыр немедленно вышел сам и потянул за собой Дэва. Но за ними так никто и не пошел. Вся охрана была занята «испытанием существ»...

Дэв ничего так и не понял бы, если бы не Тыгыр. Он знал о том, что творится в целях удовлетворения похоти чрезмерно насыщенного ленью императорского окружения. Но решил промолчать ради сохранения рамок застенчивости молодого красавца Дэва. Но когда они вышли в безопасную зону, юноша все же спросил:

- «Куда мы попали, Тыгыр?»

- Дэв, нам надо снести Стену, а потом я расскажу обо всем. Потерпи.

- Нет. Не води меня в искушение. Я горю любопытством. Идем, по дороге я наберу сухой травы и обследую нутро стены.

Тыгыр зашел в императорский дом, заглянул в тронный зал, там никого не было. Послов в ближайшие дни не ждали. Поэтому решил при ночной темноте смяться и скорее привести самого императора: уже он не был опасен, самые безумные «авторы» макроскосмических проектов уже были поглощены волной Янцзы. И потянув Дэва в облачении визиря, понесли к выходу через главные ворота к домику у подножия горы Три Желтых Змея.

Во дворе было шумно. Но Тыгыр четко услышал голос младшей дочери, той, что особенно горячилась в споре и была неуправляема по характеру. К ее ругани присоединялись звуки прутика:

- Где козы? Где козы? – спрашивала она, похлестывая прутиком старого императора, - Куда делись козы?

Тыгыр не выдержал и вошел во двор.

- Да я их закрыл в загон! – крикнул он шепелявя. – Они в загоне!

Дэв и Тыгыр быстро оттащили старика от Сабаагизил, завели в дом, и пока тот приходил в себя, переодели в его же накидки, и унесли к главным воротам Стены, где и оставили его. Через некоторое время императора обнаружили часовые и в переполохе отправили под охраной во дворец. С тех пор он даже на вечерние прогулки в сад не выходил.

Дома Тыгыр пошел к дочерям. И надо было видеть их лица, когда они увидели своего отца, сидящего на своем любимом возвышении под шелковицей в полном здравии. После короткого замешательства Тыгыр спросил: « Так что, Сабаагизил, вы императора заставили коз пасти?».

Девушки смутились и ответили:

- Так, ты же пасешь коз, бывает и теряешь их, а они, видя, что ты опять заснул над чертежами, сами приходят к воротам. А сегодня они пришли, но чуть опоздали, и мы хотели тебя наказать!

- Ух, ты! Какая же ты тиранка? А ты не знала, что это

был сам император? Не знали? Я представляю, что вы с ним тут вытворяли! – сказал отец.

Дэв и Тыгыр, прикрыв рты, смеялись до слез...

И теперь, когда наступила минутная передышка от дел, Тыгыр ответил на вопрос Дэва:

– Дэв, то, что мы видели в подвалах Дворца есть не что иное как «Номос-О». Это означает, что во дворце есть закон, не то для утехи, не то для устрашения. У всех военнопленных, да и вообще провинившихся мужчин, отрезают половой член, т. е. всю систему. Это евнухи, они – то остаются в живых, но до чего надо было додуматься, чтобы из их спермы готовить, так называемые конструкции из спермантина. Эмбрионы из этого материала вырастают в живые существа под кодом «F», т.е. женского пола. Нет, они не уроды, не роботы – это специально закодированные на сексуальные развлечения женщины-куклы. Красивые, очень привлекательные, но они безразума, недееспособные, не злобные и могут, как особые капсулы, выдержать все причуды заказчиков.

Дэву стало жалко «Номос-О» и он спросил:

- А нельзя ли освободить их, разбить всю лабораторию?

- Зачем? Тогда вместо них будут брать деревенских девушек. Разве не лучше использовать эти конструкции?

- Но они же тоже полулюди! – Дэв возмутился.

- Ну и что? Они без рассудка!

- Нельзя допустить, чтобы у женщин забирали девочек во дворец для потех визирей и чиновников. Нет, не трогай их! Ты лучше разрушь эту проклятую Стену. А то чего доброго сама начнет рушиться, а там может случиться беда!

Глава II

Часть 12

Захват земель Ашина и переход Туг-ю в Южную Сибирь

Дэв наполнил глиняные кувшины нитроглицерином и подложил под каждую нишу в фрагментах стены. Затем соединил их сухой, сплетенной из лыка, веревкой длиной в сотни метров и поджег. Взрывы раздавались поочередно в течение двух дней. И никто не знал, от чего рушится стена: вроде бы стояла, красовалась, а тут садится в тумане и облаках пыли, и песка. И далее она рушилась по принципу стенки из домино.

Императору донесли об этом. Он немедля, созвал полководцев и, крикнув: «На «Туг-ю!»», с пеной у рта рухнул... Но коннице не так-то легко было перескочить через горы и руины камней и песка. Переход длился около недели. А тяжелую технику для обстрела и стенобитные бревна пришлось вообще оставить: в долинных поселках не было крепостей. Достаточно было пехоты со стрелками, вооруженными луками с длинными стрелами и страшными масками на лицах. Дикими криками они пытались запугать первых встречных в загонах животных и чабанов. Но не рассчитали, что простые скотоводы были очень не простыми воинами. Подпустив их поближе к загонам, выстроившись полукругом, они осыпали пришельцев дождем отравленных стрел. В дело пустили и пастушечьих волкодавов. Еле отбившись от первого натиска, скотоводы быстро загнали животных, женщин с детьми в подземные загоны-городища с толстыми стенами. А сами вышли в чистое поле принять смертный бой.

Особенно славились бесстрашием братья по материнской линии Ашина, Гюн-Вэй, Канк-сана. К вечеру остатки воинов-всадников застряли на развалинах Великой Стены. А в долину Турнигюля стали собираться пастухи-воины со всех концов Долины Трех Желтых Змеев. Весть о предстоящей битве разнеслась по всей территории гуннского каганата. И каждый вождь племени с жетоном с изображением волчьей головы, стоял и ждал боя с противником.

В это время Ашин и его отряд достигли долин рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Здесь обитали скифо-сакские и кумано-тохарийские племена. Здесь уже приняли христианство. Греко-бактрийскую христианскую веру принимали легко и быстро, потому что, уже видели действия греко-македонских войск Искандера. Ашин побеседовав с христианами, убедился, что в морально-нравственном отношении христианская вера очень схожа с верой в ШАО. Тюркские народы, в частности каракалпаки, уже приняли государственную веру, но не христианскую, а ислам. И через них (с персидского) он узнал, что «Канг» - это река в долине, в которой расположился тюркский каганат, но более сильный и с широкими межгосударственными связями.

Ашин был счастлив, как политик. В этом широко разбросанном тюркском мире, он не единственный тюркский вождь. И здесь много оседлых тюрков, но в отличие от них - гуннов, они уже оседлые и занимаются не только скотоводством. Уже были созданы государства Караханидов, Хорезмшахов (XII-XIII века), а в степях Приаралья гуляли со стадами и табунами печенег, которые к XI-XII веку создали Западно-Огузский печенего-кыпчакский союз. Эти и другие новости обрадовали путешественников во главе с Ашином. И пересекая караванный путь, достигли своей территории как раз в день опустошительного набега китайских полков.

Ашин ужаснулся, увидев разоренные селения, хижины, юрты, угнанный скот, уведенных в неволю, людей. И сняв головной убор, он и его спутники поклонились Солнцу, испросив у него помощи. Затем, похоронив соплеменников, убитых врагом, стали открывать входы в тайные подземные загоны. Во мраке были слышны рыдания людей, иногда бляние ягнят, мычание коров. Только по этим звукам он определил, что не все погибли. Но вывести людей и скот из укрытия не решились. Разрешив только подняться на верхний этаж, они отдохнули, рассказали о новостях в тюркском мире. Все сошлись на том, что надо влиться в большой тюркский каганат Южной Сибири и Арало-Каспийской долины. Чтобы ни случилось, но так жить дальше нельзя, иначе рабство неминуемо.

Совет старейшин собрался поздно вечером при лунном сиянии. Гюн-Вэй с отрядом всадников объехал все пространство вплоть до Китайской Стены. Но кроме разрушений, пожарищ и убитых соплеменников, они никого не обнаружили. Достигнув хозяйства Тыгыра, они заглянули во двор. Там было все пусто и тихо. Один из воинов заглянул в загон с козами. Их там не было. И Гюн-Вэй бережно сдвинул камень от скалы. Прислушались. Оттуда, из глубины грота, доносились голоса и бляние коз. Осветив факелами вход в грот, они увидели, что среди коз были и люди. Они жались к нише грота, не решаясь показаться. Гюн-Вэй окликнул:

- Тыгыр-Таг, это мы, Гюн-Вэй, Тунч-хан. Выходите, не бойтесь!

Внизу его вроде услышали. Зашевелившиеся козы говорили о том, что их кто-то расталкивает. И действительно, вскоре показался Тыгыр, а за ним и дочери. Они были в изорванных грязных накидках, без шапок, без украшений, черные волосы закрывали исцарапанные лица. Тыгыр не мог ничего рассказать из-за охватившего волнения и

страха. Тогда Гюн-Вэй сказал спутникам:

- Поезжайте к Ашину, а я побуду немного с ними. Видите, что здесь делается...

Воины вернулись в стан Ашина. В тишине чувствовалось гнетущее состояние скорби. Но Ашин не терял надежды, потому, что в подкладке куртки типа антери (безрукавки) лежал договор с Искандером и рукописные договора с вождами Огузо-печенежского союза. Есть надежда на спасение, хотя бы остатков соплеменников.

Гюн-Вэй вывел всех из грота, зажег очаг в хижине Тыгыра, накрыл низенький столик. Собрал кое-какую снедь, посадил перепуганных девушек у огня. И, когда они немного пришли себя, спросил у Тыгыра:

- Что здесь произошло? Когда напали чайны?

- Беда пришла из-за разрушенной Стены. Но она была очень опасна своим полуразрушенным фундаментом. И, когда начались скачки Серебряного Дракона, Стена совсем рухнула. Она рушилась как карточный домик: одна часть валила другую...

Гюн-Вэй обрадовался. И сказал в ответ:

- Когда враг корову уводит, так ее не жалко: вместо нее будет другая, но когда людей уводят – горе удваивается. Ты радуйся, что у тебя уцелели дочери. А то, что с ними случилось, то можно восстановить...

В этот момент Сабаагизил в ярости воскликнула:

- Только месть облегчит мой позор и успокоит душу! Мечь, мечь! И не остановлюсь, пока не отомщу им!

Мужчины вздрогнули. И Гюн-Вэй сказал:

- Я – за месть. Но надо все тщательно подготовить. Кроме того, у нас свой план мести. Так что, держись нас, гуннов!

Тыгыр привлек к себе дочерей, обнял их и утешил:

- Я еще не забыл, как увели вашу мать. Так, что месть за нами, а гибель этого драконова гнезда еще впереди.

Уложив дочерей спать, он и Гюн-Вэй вышли, в освещенный лунным светом, дворик. Покормив коз, налили остатки воды и сели на невысокие камни-валуны.

- Гюн-Вэй, - обратился к нему Тыгыр, - я все обдумал. Это разорение им даром не пройдет. Надо снова использовать силу прилива и отлива реки.

- Но как? Мы всего лишь воины-скотоводы. Мы думаем вообще уйти из этих мест. Уйти к своим каганам. Там хоть войско сильное, села, города, государственная власть и даже дипломатия, - закончил речь юноша.

- Вы уйдете? А к кому мы обратимся, в случае опасности? Кто защитит нас?

- Ну, тогда давайте и вы с нами. Жаль, только покидать эти места... Красиво здесь.

- Почему? Пока я здесь, нет необходимости оставлять эти плодородные долины.

- У нас нет выхода. Мы только и работаем на врага и его войско.

- У меня есть реальный план действий и обороны. Только надо, чтобы Дэв тоже был здесь. Он умелый строитель и разрушитель.

Гюн-Вэй пришел в ярость:

- Кто это? Не тот ли светлый, с локонами?

- А ты что, заметил что-то дурное в его тактике?

- Нет. Но он безрассуден. Делает такое, что потом нам всем приходится плакать...

- Он ни в чем не виноват. Двор императора хочет сделать всех нас рабами.

- Говоришь рабами? А что, он сможет остановить этот разбой и вернуть наших людей?

- Да сможет! Он очень сильный. Солнце же вернул! Вернет и людей из неволи.

На этом и закончился их разговор, но Гюн-Вэй заметил тени за каменным дуалом. Сквозь плетенный фрагмент

стены-дуала промелькнули вооруженные люди. Юноша, выхватив меч и лук со стрелами, кошачьей походкой стал выслеживать тени. Влез на дуал, приготовил лук и пустил в последнего стрелу. Фигура упала к стене, другой прицелился, сам не зная куда. Вторая стрела уложила и этого.

Вернулся к Тыгыру. Тот дрожал от страха и мигом затащил Гюн-Вэя в укрытие. Тут он выложил свиток из-за пазухи и сказал:

- Надо бы этих драконов усмирить пузырями.

Гюн-Вэй подумал, что старый ученый от страха стал заговариваться. И странно оглядел его с ног до головы.

- О чем ты, Тыгыр? Какими пузырями? Воловьими, бараньими?

- Да нет же, ты не понял. Был бы Дэв.

- Ну тогда расскажи мне, о чем речь. Идем. Я и Дэву помогу, если надо для пользы.

До утра Гюн-Вэй должен был съездить к своим в долину. Но разговор с Тыгыром его остановил. Речь шла о необычном плане мести чайнам. О чем? И стал стелить под шелковицами свой кожух. Но Тыгыр что-то задержался в помещении у дочерей. В это время с дуала спрыгнул Дэв. Гюн-Вэй затаив дыхание стал ждать Тыгыра. Но Дэв вошел прямо в хижину. Оттуда доносились радостные всхлипывания дочерей. Затем Тыгыр вышел с Дэвом и Гюн-Вэй увидел сине-серебристый наряд белокурого юноши. Они подсели к Гюн-Вэю. Тыгыр был взволнован. Оказывается, чайны разорили домик той женщины, у которой временно жила Яблоневоый Цветок. Поэтому Дэв готов был на все: не только нитроглицерином взорвать все, а и вообще снести все логово императора.

План Тыгыра заключался в том, что после отлива наполнить метаном, как можно больше герметически закрытых тростниковых и бамбуковых стеблей газом,

герметически их закупорить и обложить весь дворец снаружи безобидными на вид палками, и навесить на них рубашки, платья, детские вещи, пропитанные нитроглицерином, якобы для сушки на ветру. А далее дело было проще простого: пустить ночью стрелу с горящим факелом на конце на вывешенные вещи.

Мужчины стали готовиться к операции и до утра так и не ложились. А в это время Ашин проводил совет старейшин племени.

- Слушайте мое слово, соплеменники! — начал он, — у нас и радость превеликая, но и горе немалое. Будем мужаться: необходимо попытаться вернуть своих угнанных людей и скот и готовиться к переходу на новые места, ближе к своим.

Люди, потрепанные двухнедельным разбоем, слушали со страхом, вождя.

- Недавно только посеяли просо, пшеницу, настригли шерсти и вывели птиц на подворье, насобирали массу яиц на продажу, куда это все девать теперь? Может быть, закопать, а может в озеро сбросить? — раздавались голоса со всех сторон.

Ашин и другие вожди никого не пытались остановить, боль за разоренную землю не сразу утихнет. Но и ждать окончательной гибели нельзя было. И Ашин решил всех отпустить, оставив при себе, только около десяти вождей, не считая Гюн-Взя.

Ашин поручил Тунч-хану и Канк-сану вместе с Гюн-Взем и его приближенными остаться в долине Турнигюл, а сам с остальными свободными воинами поедет в Южную Сибирь для того, чтобы подготовить новое место для переезда всех желающих на широкие просторы Южной Сибири.

Такой разрыв союза племен был подобен удару молнии среди бела дня. Ведь решалась судьба огромного союза

племен и их родной культуры.

Но Ашин вспомнил встречу с Искандером, о его рассказах про науку, культуру, религию, о книгах и библиотеках Александрии, Афин, Салонник, и вождь окрылился вдохновением: все это будет и у них тоже. Вслух же он заверил всех, что впереди у них есть возможность повернуть время к себе, использовать его только на благо, а не на разрушение. На этом расстались они до утра.

Утром Гюн-Вэй, Тыгыр и Дэв-Строитель незаметно поднялись на высокую гряду развалин недалеко от реки. Все ждали прилива Серебряного Дракона. Известная река с огромной энергией несла свои воды вспять.

Тыгыр еще раз проверил план действий Дэва-Строителя. Дэв изложил свое намерение собрать метан в специальные резервуары, а затем заполнить им трубы из бамбука и тростника, да использовать и те оставшиеся запасы под стеной. Тыгыр одобрил и дал последнее наставление по ликвидации императорской армии и дворца в целом. С Гюн-Вэем они вернулись к девушкам. Во дворе увидели двух оседланных коней, но самих всадников не было.

Тыгыр вошел в помещение для животных и здесь увидел двух молодых мужчин-гуннов, они помогали девушкам доить коз, переговаривались, шутили и смеялись. Тыгыр не рассердился: уж слишком жизнь дочерей была сурова в этой глухой степи, пусть веселятся. Но молодые воины, увидев Гюн-Вэя, смутились и поправив доспехи, сказали:

- Гюн-Вэй, Ашин и Тунч-хан прислали за тобой. Есть срочное дело и ты должен поехать с нами.

Гюн-Вэй сразу заметил грусть в глазах девушек и сказал Тыгыру:

- А что будет с ними и с тобой, если я уеду?

- Да дело очень серьезное: это же живые и беспомощные души. Их нельзя оставлять одних, и с тобой нельзя отпустить.

- Почему? — сказал один из воинов, - мы не предлагаем вас оставить на произвол судьбы. Езжайте с нами. Мы вас всех устроим.

Гюн-Вэй отвел в сторону Тыгыра. Шепотом сказал:

- Пусть они уедут без меня. Я уже знаю, что Ашин ждет меня. Я приеду, но позже, надо обсудить в столь грозный час, что делать с вами. Хорошо?

- Да, да, любезный и храбрый Гюн-Вэй! Я еще могу пригодиться. А детей нельзя оставлять здесь в степи.

Гюн-Вэй вышел к всадникам и сказал им:

- Езжайте пока без меня. Я вас догоню, здесь у меня есть еще дела. Вы сами видели, что творится вокруг. Передайте Ашину, что я приеду во время.

Воины уехали. Гюн-Вэй и Тыгыр стали совещаться. Гюн-Вэй выслушал мудрого Тыгыра:

- Гюн-Вэй, кому-то из вас надо остаться здесь в степи. Вы не сможете переехать всем союзом одновременно. Подумай сам: дети, скот, птица, богатство. Дорога в сухих и холодных степях, где дикие звери, обвалы в горах, ливни и ураганы, а вы нагружены до предела. Нет! Нет, все равно кому-то надо остаться и потом через некоторое время, выехать с остатками скота и людей, - завершил свою речь Тыгыр.

Гюн-Вэй ахнул от одной мысли, что ему не придется встретиться со своими любимыми друзьями и возлюбленной. Но он воспитанник Ашина и обязан выдержать предстоящую разлуку и невыносимую тоску от вида разоренных селений, садов, растоптанных посевов.

Но вслух он сказал другое:

- Знаешь Тыгыр, уеду я или останусь здесь, в долине Турнигюл, я вас все равно не оставлю в беде. Смотри на этих бессильных девочек, что с ними будет! А так, вы втроем будете под моим покровительством. Так, что не теряем время. Начинайте паковать таблички, свитки, карты,

книги и вещи дочерей.

В это время к дуалу на кауром коне подъехал Дэв. Он громко закричал:

- Тыгыр, у меня все готово к взрыву. Где вы, слышите меня?! – кричал он.

Тыгыр и Гюн-Вэй спросили юношу:

- Ты уверен, что план сработает? Нет ошибки?

- Да и быть не может! Им пора всем взлететь и рассыпаться, как те развалины, - заблестев горящими глазами, кричал Дэв.

Гюн-Вэй открыл сплетенные из жердей ворота и тоже громко позвал:

- Ну, чародей, заходи. Заходи и выслушай. Ты возвращаешься к себе в долину, а мы ночью грузимся и с отарой выезжаем в долину озера Турнигюл. Как завершишь дело, забирай своих и найди нас там, в долине! А теперь – немедленно к своим, туда, в домик, где Яблоневого Цвет! Понял?! Улетай! А то твоим грозит опасность!

Дэв на коне ускакал и в лунном сиянии казался крылатым Небесным конем. Этот вечно молодой и юный, красавец Дэв!

Гюн-Вэй зашел к Тыгыру и стал помогать укладывать свитки и личные вещи ученого, а тот успокаивал дочерей. Они так были напуганы налетом бандитов, что еще продолжали дрожать.

Часть 13

Переход в Южную Сибирь. Встреча с монголами

План по разрушению китайского дворца и уничтожению врага Дэвом, стал осуществляться. Но во время творчества, Дэв забыл о своих женщинах в долине. Доносчик это хорошо знал и ждал удобного момента. Несколько дней спустя, когда

все в ожидании плясок Серебряного Дракона – прилива мощной волны, дрожали от страха за свои ничтожные жизни, доносчик не стал беспокоить командира особого назначения. Он сам организовал захват беззащитных женщин Дэва. Он же сам ломал голову над проблемой метана со дна реки и его применение в бамбуковых трубах, как стратегического сырья. Думал, думал, но что-то ему мешало найти решение проблемы. Наконец, умный юноша догадался – он давно не видел свою Яблоню, даже чуть-чуть забыл ее лицо, лазурные глаза и улыбку... И решил съездить в долину. Когда же он приблизился к зеленой долине, он увидел на месте избушки только пепелище... Юноша завыл от тоски и влетел туда на крыльях ураганах. По следам в свежей траве он узнал, что налетчики увели его возлюбленную в горы Горбатого Барана. Летел на коне до подножия, а затем спешился и стал прислушиваться, нет ли где особой жалостливой тональности женского плача. И уловил... Вот, где пещера Змеев, туда они, эти недобитые собаки, унесли его сокровище. Он знал, что змеи чуют особый запах (аромат) Яблоневого Цвета и обязательно прибегут, а там иди знай...

Дэв опрокинул камень от входа и вошел с Небесным прямо в пещеру. Что было дальше он не особо запомнил, но гремучие шаги Небесного, его грозное ржание оповестили о его присутствии... Женщины, услышав его, завопили:

- Мы здесь, Дэв!

Свобода пришла, благодаря Небесному. Он присел на передние ноги, Дэв выхватил женщин буквально из скопления змей... Небесный вынес всех троих из змеиной пещеры и помчался прямо в зеленую долину. Здесь на берегу горной но тихой реки, в густых зарослях бамбука, он устроил им шалаш и оставил Небесного охранять. Мудрый конь все понял без объяснений и следовал за женщинами буквально по пятам. Если же те норовили забрести в опасные места,

конь загоразивал дорогу и ржал. Женщины возвращались к шалашу, а Дэв в это время выбирал подходящие стебли для «газопровода». Наконец он выбрал столько труб, что хватило бы на большое расстояние, но проблема была еще и в сборе газа. И снова мучительные ночи и расчеты, расчеты. Он знал цену времени и решил больше не терять его. Надо было найти Тыгыра. С ним было все просто. Но он был в стане Гюн-Вэй, а те готовились к переезду. И тут юношей овладела тоска: «Что я буду делать без них? Тут надо обосноваться и выйти на китайцев с предложением о заключении мирного, торгового договора. Но с кем выйти?» И Дэв все же решил остановить друга от переезда в Южную Сибирь. Но сейчас этих агрессивных чайнов надо проучить: «газопровод» можно прямо со дна реки подвести к их дворцу. Дэв стал изучать чертежи, которые ему подарил Тыгыр. Тогда речь шла просто о гидростроительстве, ирригации, строительстве несложных плотин и мостов. И в новом своем бамбуковом шалаше, рядом с женщинами и Небесным, войдя в свой особый интеллектуальный дух, он стал изучать и те места на карте-свитке, о которых шла речь перед атакой Стены-губительницы Солнца. Да, да, вот они места «шляпок», а вот особенно уязвимые места-«карманы». «Карманы»-бугорки чего? Что в них накопилось? Не газ ли? Если газ, то где основной «карман» - резервуар? Был бы Тыгыр? Но Дэву было поручено самому додуматься и решить проблему, поэтому он старался один.

Наутро Небесный подошел к спящему Дэву, убрал локоны от лица и от его теплых и влажных губ, юноша проснулся. Он не стал кричать: «Пошел!» Нет. Внутренняя уверенность и желание помочь друзьям и уничтожить врага шло от его генных корней — семьи Гераклидов. Далеких и очень близких Гераклидов великой Греции...

Дэв вооружившись багром и светильником, спустился

в узкое горное ущелье, именно оно вело ко дну той реки, в лоне которой рождался могучий Серебряный Дракон – отлив реки вспять...

Он еще немного шел, в надежде, найти выход к реке. Шум воды усилился, но в то же время ему стало душно, затошнило, в глазах потемнело, и он остановился. Хотя и не было запаха газа, но он понял, что его источник где-то поблизости. Открыл капсулу, трубку от бамбука, а затем плотно закупорил их. И двинулся обратно: идти в опасность он не стал. Когда оказался у выхода из ущелья, он случайно высек огонь из кремневых пластин и поднес паклю к трещине на бамбуке. Мгновенно вспыхнуло синее пламя, затошнило и он быстро выбросил бамбук в сторону: газ и нефть. Дэв не обрадовался, зная, что газом не уничтожишь врага. Но задумался, а что если газ использовать для обогрева. Но для врага он все же придумал газовые «гранаты» - множество полых трубок, кувшинок, светильников и пр. емкости наполнить нефтью и летучим газом. Затем вынести их в самый разгар дня на солнце. А поджечь с помощью зеркала и пучка лучей, направленных на них... дело сложное, но нужное для мести...

В конце концов, его план удался. Однажды, невинные бамбуковые палки стали вспыхивать от пучка солнечных лучей и сделали свое дело: царские деревянные сооружения, пропитанные лаком и спиртовыми комплексами, вспыхнули факелом. Дэв, смеясь и веселясь, с помощью большого лука направлял трубки бамбука с газом то на легкие крыши, то на сухие кусты, то в помещения с легкими шелковыми портьерами. Все крыши с загнутыми козырьками, вспыхивали факелом. Войска устремились к реке унять Дракона, но не Дракон был виноват в крушении императорского дворца: Дэв хорошо делал свое воинское дело, он был искусным стрелком...

Прошло несколько дней. К руинам дворца со всех

сторон Великой страны Желтого Дракона стали подходить войска стратегического назначения: боевые слоны, пешие лучники, стрелки, копьеметальщики, стрелки из огромных подъемных ковшей, - ядра с нефтью, лучники-поджигатели и все двинулись к подножию горы Горбатого Барана, где обитали гунны-скотоводы...

Ашин и его команда выставили дозоры на границе, но, когда увидели эту тьму движущегося монстра-уничтожителя степных скотоводов, растерялись. Часть воинов он отослал в населенные пункты предупредить людей, чтобы те спрятали всю живность и детей со стариками в подземные загоны, а остальным вооружиться разрывными дротиками, мечами, стрелами из бронзы и немедленно — к границе! Опасность нависла над ними снова...

Гюн-Вэй и его команда немедленно на пути армии чая вырыли и покрыли дерном ловчие ямы. Сверху накрыли дерном уже и заранее вырытые, и слегка покрытые камышом ямы. Они были искусно сделаны: через каждые два-три метра, и расчет оправдал себя. Если прорывались с первого ряда, то падали во втором ряду кони и пешие, уже не говоря о тяжелых слонах. Все смешались в песках и дыму...

Дэв и его близкие, пропустили дерущихся внутрь пещеры, где они прятались. Неожиданно боевой Небесный жеребец, почувствовав запах боя, заржал, вздыбился на передние ноги, сметая все на своем пути, стал выбивать копытами отверстия в пещере. Дэву ничего не оставалось делать, как запрячь боевую колесницу, тоже голубого и золотистого цвета, вооружиться мощным и тяжелым копьем, мечом, колчаном со стрелами и настигнуть врага. Желание было одно — чтобы побольше противников скопилось вокруг колесницы. Враг не ожидал такой атаки Гераклида сзади, с боков, а затем и спереди, потому, что Дэв поворачивал Небесного туда, куда конь сам рвался.

Уже первый день битвы показал, что землю гуннов не так-то легко завоевать.

Ашин, Гюн-Вэй, Тунч-хан, Канк-сан и многочисленные пешие и конные воины, двигались также, как учил их Искандер – квадрами. Но первые атаки врага показали, что эта тактика губительна для скопления воинов в квадре, потому, что у них еще не было металлических щитов и сабель, а мечи и копья были бронзовые и очень хрупкие. Поэтому вечером Ашин всем велел сообщить, что возвращается к скифской тактике – заманить врага и добить его, в отдельности, и по частям.

Они еще не знали о том, что молодой Дэв-Гераклид на Небесном остановил продвижение врага вглубь гуннского союза. И следующий день, да и после, враг, построившись, стал отходить на свою территорию. Шел бы он тихо и смело, если бы не новый приступ гнева и мести Небесного. Дэву ничего не оставалось делать, как снова запрячь, уже облепленную тряпьем и хламом колесницу и догнать отряды желтых драконов. Уже к вечеру остатки разбитых кибиток с ранеными дошли до бурной реки и остановились на ночлег. То был последний поход желтых на неистребимых и неуловимых гуннов. А Дэв (уже не просто «строитель», а «Гераклид») стал у них символом коварства и силы, гнева и победы, здоровья и красоты. Легенды о нем опережали его появление на рынках, во дворце. Эти слухи дошли и до Искандера, но уже тот был по пути к Греции. А жаль, что судьба не свела их ни здесь, ни там...

Ашин и его команда ждали Дэва у себя в стане, в долине Турнигюл.

Часть 14

Гунны в Южной Сибири. Огузы. Горный Алтай. Неизвестанные народы и тропы...

Ждали на совет старейшин, потому, что надо было весь союз народов и племен, собрать и обсудить создавшееся положение. Подвиг Дэва уже был известен Ашину. Он стал признанным героем гуннов, другом гуннов и на него и мудрого Тыгыра, Ашин возлагал очень большие надежды. Переезд нельзя было откладывать: в Горном Алтае и Южной Сибири было больше тюркоязычных племен, нежели в этих, затерявшихся в степях и долинах Горбатого барана. Ашин стремился объединить всех тюркоязычных охотников, скотоводов, земледельцев вокруг своего знамени. Но сразу эту массу нельзя было поднять с мест и двинуть в Южную Сибирь. Вот и решался вопрос о переезде Ашина и его команды с меньшими потерями, душевными травмами. Дело было очень непростое. Поэтому Ашин снова нашел Тарги и сказал ему:

- Сейчас мы ждем всех старейшин и ханов, их помощников, их советников. Но есть одна проблема, которую я должен решить или только сам, или в беседе с очень узким кругом лиц!

Тарги вытерев руки о свой эфталитский кушак, забеспокоился: о чем говорит Великий хан - Кыскыр? Что это за проблема?

Тарги не стал хана допекать излишними колючими и пустыми вопросами, и только сказал тихо и внятно:

- Я всегда был и буду рядом с тобой, я готов создать все, чтобы тебе мыслилось и дышалось легко и свободно.

Он ушел, но вслед донесся голос Ашина:

- Приготовь место, стол, закуску там же, у озера Турнигюл. Да, и еще... сходи, посмотри, как дела у лебедей.

Есть ли у них уже птенцы?

Тарги улыбнулся:

- А то как же? Мы заняты разрушениями, войнами, а лебеди строят гнезда. Уже и лебедята свои, и пары, и у них свои гнезда...

Ашин восхитился таким положением дел на озере: все же любовь, благородство труда и желание сохранить ШАО и Жизнь у птиц выше и крепче, чем у нас... А Тарге крикнул:

- Эй, Тарги, береги их, смотри, чтобы лисицы не повадились разорять гнезда. А мой шатер установи ближе к их голосам, я люблю птиц и эту долину...

«Кыскыр-Хан» было его новое имя, которое дали ему после битв на границе с китайцами, но не официальное; имя все же для него осталось Ашин. Поэтому он, как Ашин, сейчас думал больше о том, как сделать, чтобы сохранить любовь народа, а как хан – спасти этот союз от разорения на чужбине.

Прежде всего, он решил оставить Тарги здесь у озера, как егеря, чтобы он охранял жизнь озера в долине Турнигюл, так как уже настал сезон выведения птенцов. Домашний скот тоже имел неокрепший молодняк. Куда двинуть эту массу? Да и на полях зрел урожай проса, ячменя, пшеницы, сады были полны созревающими фруктами...

Ашин решил набрать смельчаков-воинов и охотников, земледельцев и скотоводов, чтобы оставить их здесь дома. Желательно все роды собрать здесь в долине Горбатого Барана. А затем с отрядом пробиться в Горный Алтай и Южную Сибирь, а там видно будет.

Отдохнув, он вышел из шатра и позвал Тагира:

- Эй, друг, подойди. Есть разговор.

- Говори. Я слушаю тебя, Ашин.

- Нам предстоит переезд. Но ты останешься здесь.

Вырастут птенцы, вырастет вся живность. Я очень прошу тебя, обучи одну пару лебедей для вестников. Хорошо бы,

чтобы они научились находить меня с отрядом.. да, чтобы они вести несли нам с родины... Мы очень будем ждать их с письмом!

Тарги вытаращил глаза от слов Ашина:

- Такое только в сказках бывает. Но если хорошо постараться, то может что-то и получится. Ведь птица она как? Она любит человека...

- А ты постарайся. Птице легче найти нас, чем скажем, всаднику. А нам вестники очень нужны будут. А пока идем в селение, там нас ждут. Я тебя представлю как дрессировщика и егеря.

Здесь под большим навесом уже ждали главу родов и племен. Все спорили и ругались. Женщин не было. Но и мужчины кричали друг на друга не хуже женщин. Спор шел вокруг переезда на новое место. Никто не хотел покидать родные долины и горы. И вот Ашин, Гюн-Вэй, Тунч-хан, Тыгыр появились между рядами сидящих. Все разом замолчали. Эту команду они любили и подчинялись ей. Первым заговорил Ашин:

- Соплеменники и сородичи! Нам угрожает сильная, хорошо организованная армия соседней страны. Я не раз получал атаку, предупреждения, нападения и не раз терпел поражение и потери. Мы пришли к единому мнению: пусть не очень радостному, но справедливому решению: переехать в Южную Сибирь, Горный Алтай, Енисей и далее на Арал, Каспий, Аму-Дарья, Сир-Дарья...

Люди молчали. Они не могли себе представить, как это можно преодолеть такие расстояния со скотом и семьями. Но молчание было нарушено вопросом с места:

- Когда начнем? Когда переедем?

Ашин хмуро молчал. Гюн-Вэй сам ответил:

- Снами едут только воины и охотники. Все земледельцы, женщины и дети пока останутся здесь!

Ашин поднял голубые глаза. Они от волнения были

влажными. Но твердо сказал:

- Может это и жестоко, но мы, воины и охотники, на время покинем вас. Здесь надо вырастить молодняк, собрать урожай, заготовить топливо к зиме. Остаются и те мужчины, которые не в состоянии нести воинские тяготы и воинскую службу.

Все охнули. Такой судьбы никто не ожидал. Никому не верилось, что Ашин может их оставить. И в ответ на это сомнение Гюн-Вэй ответил:

- Я останусь с вами.

Ашин вздрогнул, а как же ему быть в далеком и суровом горном Алтае без этого смелого юноши? К тому же он его лучший друг. На кого можно опереться в пути?.. И он ответил:

- Хоть он мне очень нужен, но кому-то надо быть и с вами. Нет гарантии, что враг не нападет завтра. А он хороший организатор боя, да и сам, как барс.

Да будет так, как он сказал!

В это время в хижине Дэва также было беспокойно. Он собирался пересечь развалины Стены-губительницы и готовил к этому и своих женщин. Давал им несложные наставления:

- Ты, юная и легкая, как лепесток яблони в цвету. С тобой у меня не будет особых проблем, а вот с ней, - он указал на врачевательницу, - наверное, будут хлопоты, - и вышел. Где-то в долине паслись дикие степные лошади - невысокие, но крепкие и горячие, трудно было их приручать. Как-то Дэв поймал одну, сел, набросив на спину лошади куртку вместо седла. И началось почти цирковое представление: лошадь, поняв, что не сможет сбросить ловкого седока начала плясать на задних копытах, то бежала вперед, то кружилась на месте, то сворачивала налево, то - направо, то скакала, как будто перед ней было препятствие. Наконец, уморилась, опустила на передние ноги, и седок соскочил

со спины. Хорошо, что за ними гнался Небесный и вынудил лошадь все же замедлить шаг... И Дэв, вспомнив все это, вышел к табуну. Но он знал силу магии врачевательницы Гур и привел ей весьма интересный экземпляр: пусть укрощает магией...

Когда женщина вышла к лошади, та встала на дыбы, заржала, диким взглядом оглядела женщину в пестрой накидке и, успокоившись, стала щипать траву у калитки. Гур ловким и легким движением надела уздечку со звоночками, привязала разноцветные ленточки и набросила что-то наподобие седла. Подкрепив ремни, она вскочила на седло. Лошадь приняла ее без особых выкрутасов. Дэв же занялся подготовкой Яблоневого Цветка. Но при этом он вспомнил, что надо выйти к реке, где на горном выступе в гнезде ютились два серых крупных орленка – его воспитанники. Он не хотел их бросать и, взобравшись на выступ, сложил серых орлят в корзину и закрыл крышку. Вот и все, что он взял с собой. Водрузив свой скарб, жену, корзину с орлятами, сам сел на Небесного, рядом стояла лошадь Гур. И они тронулись в путь. Дэв повел их сначала к хижине Тыгыра. Он должен был осмотреть хозяйство: не остались ли животные в закрытых загонах, но как только они приблизились, орлята встрепенулись из-за гомона птиц, блеяния овец и коз, кудахтанья кур. Ко всему этому присоединялся лай пастушьих собак, мяуканье диких кошек. Но Дэву все это было нипочем, потому он сразу же решил живность не трогать. Слез с Небесного, наполнил поилки водой, набросал сена, камыша, чеклежа и ивовых веток и, сев на Небесного, вывел Гуру с ее диким другом Скалой, направился в долину Турнигюл. Но впереди их ждало новое приключение.

Орел-великан (размах крыльев его достигал около двух метров) догнал Дэва и, грозно гаркнув, стал кружить над их головами. Дэв привязал к орлану крепкий ремешок под

крыльями, выставил корзину с орлятами. Орлан когтями схватил корзину и, управляемый Дэвом, стал нести ее впереди Дэва. Смеха было предостаточно. К этой картине добавилась и странная «гимнастика» лошади Гура. Так, Дэв с «цирковыми номерами» приехал к площади около озера, где собрались тюрки, скифы, аргитеи-скифы и другие гуннские племена. Посчитав всю эту картину за добрый знак, народ неожиданно заликовал: полетели вверх головные уборы, куртки, меха, цветы, орали, бесились, веселились. Это был народ Ашина.

Ашин и Гюн-Вэй вышли на шум. Увидев Дэва и его семейство, Ашин обрадовался: вот кого он возьмет с собой вместо Гюн-Вэя, но без... женщин.

Часть 15

Ашин и его отряд терпят бедствие.

Новые народы...

На следующий день родоплеменной союз Ашина, в котором состояли все те мужчины, которые выезжали с ним в полном походном составе, стояли у выхода из долины Турнигюл. Большинство всадников были женатые, имели по двое-трое детей. Другая же часть должна была брать невест при осеннем празднике – последний сноп с полей – «Кудай тарыг». Но еще никто не знал, кому из них суждено отпраздновать День Кудая и выбрать себе невесту. Эти всадники сидели молча, хмуро наблюдая, как жены и дети оплакивали уходящих мужей.

Ашин, на сером в яблоках, коне сидел молча. Он был еще холост, но разлука воинов еще больше смущала его. Он многих знал не только, как смелых воинов, но и суровых почти жестоких его всадников в семьях. И все же

конники в парадной, красно-синей форме привлекали его внимание и обнадеживали.

Рядом с ним на Небесном сидел Дэв. Он ко всеобщему удивлению взял с собой орлят в корзинке, а орлана заарканил ремнем так, что тот летал над всадниками, создавая им тень своими крыльями. Под звуки полевых флейт, свирелей и барабанов отряд строем в четыре шеренги двинулся в путь.

В селении остались Гюн-Вэй, Тагир, Тыгыр-Таг, жены, дети, скот, поля и сады и огромное озеро Турнигюл.

Гюн-Вэй собрал своих людей на короткий инструктаж: необходимо мужчинам вооружиться бронзовыми серпами и начать косить траву на лугу и камыш у берегов озера. Молодым и еще боеспособным мужчинам вооружиться боеприпасами и до вечера занять позиции у Горбатого Барана, на рубежах с китайцами. Он узнал от одного перебежчика, что китайцы готовят новое наступление. Сам же Гюн-Вэй и Тунч-хан с молодежью начали готовить зимние крытые теплые подземные помещения-загоны для скота. Здесь очень пригодился опыт Тыгыр-Тага. Он же начертил схему водоснабжения для животных зимой, а также обеспечения кормами. Рядом же был обозначен птичник с выходом птиц на широкий простор в зимние, солнечные дни.

Гюн-Вэй и Тагир организовали сбор и заготовку топлива женщинами. Всеми родами и семьями руководил неписанный закон: все сообща собираем, закладываем, потребляем и защищаемся. Поэтому весь арсенал готовых стрел, наконечников, луков, тетивы, ремней, арканов, запасы конопляной пакли и овечьей шерстяной нити был взят на учет. Хотя они были заняты мирным трудом, но никто не был освобожден от военной подготовки.

В числе наиболее активных девушек, которые успели организовать отдельные вооруженные пешие и конные

отряды, были и дочери Тыгыр-Тага. Они, выученные в условиях постоянной опасности, умело ориентировались в степи, могли читать следы не только волков, лисиц, но и всадников. Умело решали сложные военно-тактические задачи и формулы. Они навещали свое хозяйство, оставшееся без присмотра. Если отец был занят чертежами и коммуникациями оборонного значения, то дочери следили за происками врагов. Тем более в их памяти остались события недавнего прошлого, когда увели мать в неволю.

И как-то в теплое летнее утро девушки во всех доспехах и во все оружие отправились проведать хозяйство, оставленное дома. Было рано начинать полезные дела: тренировки, скачки, медитации, борьбу, гимнастику на конях, но оказалось, что для врага было самое подходящее время для грабежа и насилия.

Девушки приблизились к своему домику и даже при первых лучах солнца заметили, что просо, готовое к скашиванию кем-то растоптано. Поехали дальше к загону. Шум и суматоха в загоне говорили сами за себя. Девушки спешили с лошадей, выхватили мечи и арканы из овечьей шерсти. Лошадей отпустили на луг. Сами кошачьим шагом (поступью) вошли в первый подземный загон. Блеяние овец говорило о том, что там бандиты. Девушки открыли незаметный (скрытый) сколоченный из бревен дощатник. Овцы кинулись к открытым воротам. Когда все оказались перед выходом, небольшого роста девушки, смешавшись с овцами, выгнали животных. Устремившиеся за ними враги, мгновенно оказались в ловушке, потому что сверху быстро опустился огромный камень, который и закрыл проход. Девушки зажигательной смесью облили солому и камыш на земле у загона, а затем бросили прямо под ноги бандитам факел из пакли. Сами вышли с черного входа к овцам и погнали стадо на луг, где паслись лошади.

Сабаагизил сказала сестре:

- Ну вот, ты спрячься здесь, а я вернусь и еще раз

проверю все помещения, где что осталось целым. Все надо вывезти оттуда.

Гизилжан быстро догнала стадо. Загнала их в пещеру, а Сабаагизил побежала в свой двор. Здесь суетились, оставшиеся в живых враги. Телега, груженная добром, стояла тут же, готовая к выезду. Мужчины подвели двух пленных юношей с целью заменить ими лошадей.

Девушка метким выстрелом из лука убила одного из конвоиров, второго замяли пленные гунны. Сабаагизил открыла ворота, те выбежали, а затем девушка снова пустила стрелу-факел на нагруженную телегу. Та вспыхнула ярким огнем. Добро горело, а враги и не знали, хватать ли расшитые золотом кафтаны и накидки, или самим спастись от стрел, выпущенных девушкой. Дым, крики, суета и вопли остались в загонах, во дворе, в комнатах. Дом горел, горели скирды, горели стога сена и снопы сухого камыша. Гизилжан выглянула из пещеры и увидела троих бегущих к пещере. Когда они приблизились, девушка разглядела закопченных и испачканных сажей юношей и сестру...

К обеду они вернулись к отцу в селение и рассказали о случившемся. К стаду овец, кур добавились и овцы Тыгыра и его дочерей. А двух спасенных юношей Гюн-Вэй зачислил в свой отряд стрелками. Счастье!

Ашин и его отряд ехали по горным тропам, пересекая горные ручьи, останавливаясь на ночлег в более безопасных местах: то ли это были кусты и овраги, то ли сами что-то мастерили наподобие навеса.

Как-то в утреннем тумане дозорные заметили движущиеся тени. Они приближались и росли. Вскоре на равнине между горными перевалами выросли всадники. На небольших, но лохматых лошадках двигалось чужое войско. Впереди скакали странно одетые в лохмотья, обросшие всадники. Дозорные подняли условные знаки для Ашина. Но еще раньше их заметил великан орлан.

Он облетел огромную территорию не только в поисках тушканчиков для птенцов, но и каким-то условным невидимым сигналом он уловил чужой грязный запах. Вернувшись без добычи к валуну, на котором были уже две корзинки для птенцов, крикнул тревожным голосом, на что орлята ответили дружным писком.

Ашин поднял по тревоге весь отряд. Каждый воин хорошо знал свои действия и свое место. И стали ждать гостей. Но и сигнал дозорных не упустили. Те прибежали к Ашину и заняли свои позиции.

Стало светать, первые лучи солнца осветили чужаков почти рядом. Ашин вызвал тарджумана тюрко-монгольского и скифского языка.

- Прислушайся, на каком языке они говорят, - сказал Ашин ему. - Не забывай - ты тарджуман-переводчик и знаток языков.

Со стороны всадников донеслись голоса: «Итлар, где мы? Ведь эти пни не должны быть у нас на пути», - кто-то отрывисто собачьим лаем проголосил.

- Не бойся, Кончак, мы идем правильно. К обеду будем у реки Бия, ты помнишь, в прошлом году мы купали лошадей у ее истока - Лебеда, - пробасил второй собачий голос.

Ашин горящими глазами заставил тарджумана-переводчика немедленно перевести. Тот сказал:

- Итлар и Кончак - это монгольские полководцы. Они, очевидно, обходят свою территорию.

Ашин немедленно раскрыл карту и сказал тихо, но так внятно, что услышали все воины:

- Были ихними, стали нашими. И никаких отступлений. К бою! - скомандовал хан Кыскыр-Ашин.

Перед монголами неожиданно ожили кустарники и через мгновение из них дождем посыпались стрелы. Всадники тоже приготовились; так, выпустили массу летучих и свистящих стрел. Бой был коротким, но Ашину

нужен был хотя бы один из монгольских ханов. Попался Итлар. Остальных загнали в горы, в пропасть, в снега.

Ашин велел всем своим воинам привести себя в греческий вид. Это означало: стричься, бриться, до блеска натереть бронзу, вычистить и выхолить коней. Когда все были готовы, Ашин в кругу своих блестящих, по-гречески красивых воинов, вышел к строю. Вывели грязного и вонючего Итлара. Перед воинами предстал еще молодой, но окончательно растерянный монгольский полководец-пограничник.

Ашин представил его строю:

- Перед вами знаменитый Итлар – жадный и грязный степной шакал. Мы его казнить не будем. Но поможем ему ответить на наши вопросы. Переводчики, переведите: почему они такие грязные оборванные?

Монгол ответил через переводчика:

- Мы не знаем, что такое вода, что она очищает. Мы знаем, что огонь очищает, воду мы пьем и то редко. А огонь – не пьем.

- Тогда мы могли бы тебя бросить в огонь, чтобы ты не смердел тут. Хочешь, чтобы он тебя очистил? – Огонь – есть Бог. Он пожирает только грязь, а мы – не грязь, мы его плоть.

- Знакомы ли вам какие-нибудь законы?

- У нас закон – меч, огонь, кровь.

- Тогда мы тебя научим нашим законам. Прежде всего, пока не научитесь мыться, купаться ежедневно, стричься и бриться, вам не видать святой земли. А пока эта земля – наша. А сейчас, воины, отведите его вон туда, к озеру и придайте ему греческий вид.

И под грохот смеха и улюлюкание гуннов, Итлара отвели к озеру. Затем его, переодетого и более-менее приличного, снова привели к Ашину.

- Дэв, напиши ему на двух языках несколько правил

гигиены и несколько законов о земле и собственности. Затем вручи ему это все в виде свитка и отправьте его к их юртам и кочевьям. Пусть оповестит, что приходят сюда священные дети Кыскыра – Золотого Волка. Именно, золотого, чистого, блестящего и вечного на земле... Волка – Кыскыра.

Под гром аплодисментов и барабанный бой Итлар получил свиток с правилами личной и общественной гигиены, и законами о земле и собственности.

Ашину не суждено было увидеть результаты обхода кочевий Итларем. Но, когда, однажды, монголы напали на его отряд, от них, хотя бы не разило запахом вони и грязи...

Воины Ашина потом долго еще плевались, вспоминая этого вонючего предводителя, которому без основания принадлежали огромные отары овец, стада коров, лошадей, просторы земли...

Ашин раскрыл карту, на которой были очертания горных цепей, вершин, долин, песков, рек и морей. Ему все равно было, где это было очерчено, кто это видел и прошел своими ногами. Он помнил слова Искандера: «Устанавливай свои законы, водрузи свой флаг с вашим символом, но это ничего не стоит без Книги Законов. Добейся признания от любого существующего государства такой Книги с твоими идеограммами и гербом».

Сейчас, когда они уже завоевали определенную территорию мирным походом, требовалось их признания таким государством. С Искандером связь оборвалась. Но надо было восстановить не только с ним связь, но и с Кангюем, Византией, Халифатом. И он снова задумался. А размышлять он любил около птиц. Лебеди остались там, на родине, от них еще рано ждать вестей, а рядом орлята и огромный орел.

Он вышел к большим корзинам с орлятами. Орел где-

то летал. Ашин встал у корзины и очень внимательно стал изучать птенцов: не умны, но сильны, грозны, беспощадны. К воинам они привыкли, полюбили их боевые скачки и игры. А этого в красно-синем с золотыми полосками на плечах голубоглазого соседа особенно одухотворяли: его почитали за отца, слушались его, ели прямо с его рук свежие куски мяса диких коз. Так, постепенно эти мудрые птицы стали еще и покровителями этих чистоплотных и красивых воинов.

Ашин позвал воспитателя птиц. Нет, не дрессировщика, Ашин любил достоинства животных и птиц, поэтому не разрешал никому применять насилие над ними, тем более над этими близкими ему, почти такими же воинами, как и ашинцы. Воспитатель подошел:

- Надо бы, Ашин, их выпустить. Пусть облетают долину. Видишь их суровый взгляд. Что-то им не нравится.

- Ну да, пусть. Я хотел просто немного около них отдохнуть после этих лохматых монголов...

Недалеко на лугу паслись кони. Среди них Небесно-серый конь выделялся статностью и стройностью ног. И конь, заметив Ашина, прискакал, звеня псалиями на уздечке. Седло сбилось на бок, серый пышный хвост почти волочился по росистой траве.

- Ну вот, хорошо, что ты увидел меня. Далеко не уходи, я немного побуду один.

«Ну что ж, - решил Ашин, - нужен государь-патрон и поручитель с займами. Китай сам нас грабил, хоть и сосед, но не станет утверждать нас, как государство. Надо искать таких великих патронов где-то в Канге, а затем и дальше, но только с народной демократией, с Книгой Законов, судьями, крепкими армиями. Я знаю куда обратиться. Это Греция или Византия. Хоть и путь предстоит нелегкий, но зато надежный».

Подошел воспитатель орлят. Ашин ему сказал:

- Позови всех главных родов. Потруби, это у тебя получится!

Юноша всего лишь крикнул громко: «К Ашину, Ашину всем явиться». А свой набор духовых сигнальных свирелей даже и не достал из колчана.

Явились почти все, за исключением конюхов – пеших скифов. Ашин увидел Дэва, Канка и те, взволнованно в тревоге спросили:

- Что будем делать? На нас движется орда монголов?

Ашин не ожидал, что те монголы, Итлар и его спутник, соберут против них армию вонючих лохмотьев. Но все же дал команду:

- Позовите дозорных, ведь от них не было сигнала тревоги!

Но всадники уже были готовы к бою. Выехали к ближайшему озеру, где недалеко была удобная долина. Часть всадников спряталась в овраге среди кустарников, а другая – стала за пригорком так, чтобы лучи солнца слепили глаза врагу. Неожиданно раздался клич монголов: «Уулла! Уууллаа!» - что ничего не значило, кроме имитации полета стрел.

И действительно, стрелы летели, но совсем не по живым мишеням. Монголы летели вихрем, и отвратительный трупный запах обгонял их. Это гуннов привело в негодование и в свирепый гнев ненависти к жадности и кровопролитию. По знаку Ашина они, на выхоленных и хорошо обученных конях, быстро догнали нападавших. Жаль, что мечи гуннов крошились быстро и пришлось вонючих монголов стаскивать арканами с их лохматых лошадей. Ашинцы вернулись с несколькими пленными, на которых Ашин даже и не взглянул, только крикнул:

- Да, вон туда этих вонючих, вон, окунайте в то озеро к лягушкам!

А сам с любопытством выхватил у одного из них

металлическую саблю и стал ее внимательно изучать. Он видел такие у Искандера. Из какого металла они сделаны? И велел Дэву испытать саблю. Тот одним взмахом перерубил березку с стволом в обхват мужских рук. Здорово! Хоть и вонючие, а смотри какие у них мечи, сабли, наконечники! Нет, надо перевооружить своих воинов. Вымытых и трясущихся от страха перед водой монголов привели к Ашину. Снова гром смеха, снова улюлюкание и снова монголам указали на горы, в снега. Те, проклиная гуннов, бежали без оглядки. А трофеи от боя Ашин раздал воинам. Но он же перестроил и свои ряды тоже: теперь он решил никого не оставлять здесь, а двинуться дальше на Бий, Лебедь и Пазарык. Какие народы жили здесь, кто они, чем живут, предстояло выяснить.

Часть 16

В долине Пазарыка

Культура древних горноалтайцев сложилась раньше, чем туда пришли Ашин и его отряд. Здесь обитала северо-восточная группа скифских племен. Они обитали в основном в бассейне реки Улаган в Восточном Алтае, и их культура в историю вошла как Пазарыкские курганы. В те далекие времена в долину Пазарыка можно было попасть только узкими горными тропами или со стороны Телецкого озера. Физический тип населения этих мест, как и в Западной Скифии, в данную эпоху был хорошо выражен европеоидным, но встречались народы и с монголоидными чертами.

Ашин и его отряд после недели похода оказался в горах с узкими горными ущельями и тропинками, по которым проходили горные козлы, дикие яки и другие обитатели

здешних мест. Ашин позвал Дэва и Канка поближе к себе. Тропа была узкая, и труднодоступные места особенно были тяжелыми при перевозке больших тюков с военным грузом. Пришлось конюхам привязать коней цепочкой и вести их под уздцы, но бывали моменты, когда пугливые животные шарахались от глубоких пропастей или крутых заснеженных склонов гор. Приходилось завязывать им глаза. Ашин беспокоился за сохранность животных, палаток, запасов воды и еды. Хотя под седлами лежали пластинами говяжье или баранье филе, еду приходилось также экономить. Просо шло быстрее: в любом виде оно утоляло голод, придавало энергию. Но все же для Ашина наступили тяжелые дни в походе.

Когда к нему подошли Дэв и Канк, Ашин не узнал друзей: те были белыми от инея и снега. Закутанные в шерстяные пледы, даже высокие бараньи шапки, делали их чужаками. Ашин оглядел их, они — его, и смутившись вида друг друга, Дэв засмеялся. Его смех подхватили и другие. Ашин всеми силами старался поддерживать здоровый дух и этот смех, как раз и указал на его присутствие в этих молодых всадниках. Наконец, цепь всадников успокоилась от приступа смеха и все услышали голос Ашина:

- Воины Ашина! При первой же пещере делаем привал. А пока крепитесь и берегите коней и себя. Скоро сядем на отдых.

В это время к ним вернулись дозорные, которым было положено обследовать тропинки, выискивать наиболее приемлемые тропы, но не легкие, которые бы завели отряд в тупик.

- Ашин, впереди есть удобная пещера, там можно будет сделать привал! Поддержи людей, осталось немного! — крикнул дозорный.

- Хан дозорный, говори тихо, а то воины от радости расслабятся так, что придется их на плечах нести. Подойди,

покажи мне, где мы сейчас находимся?

Дозорный встряхнул высокую шапку от снега и наклонился над картой. - Вот, недалеко река. А там и озеро.

Все надписи были на греческом языке. Но дозорный их и не читал. Эти горные места знал и без карты. И сказал:

- Ашин, к утру мы увидим вот эту реку, а там – долина озера Телец.

- Ну, тогда идите и найдите подходящую пещеру для ночлега. Всадникам и коням нужен отдых.

Дозорные ушли. Дэв стоял рядом и все слышал. В молодом парне вдруг проснулась тоска по Яблоневому Цветку. Ух, да как ужалит юное влюбленное сердце ядом тоски, у парня аж глаза прослезились. И Ашин сказал, складывая карту-свиток:

- Вижу, Дэв, вижу и читаю твои желания. Вот достигнем Телеца, а там и Бий недалеко. Это примерно будет к концу этого месяца.

Он показал календарь гуннского года, но без арабских обозначений. Тыгыр когда-то составил для племен, чтобы те ориентировались на сельхозработах. А Ашин ловко приспособил к своим военным делам. И Дэв понял, что осенним праздникам они будут у себя дома. Перебросившись несколькими шутками, воины тронулись в путь. Впереди летел, взмахивая огромными крыльями, орел, которого теперь называли Дуан-Кыр – что означало «орел степной и серый» или «небесного цвета орел». Поскольку он летел с дозорными, он был внесен в список воинов и поставлен вместе с отрядами на довольствие.

Дэв вел лошадь вслед за Канком. Тот был семейным, дочь и сын были взрослыми. Дочь вела хозяйство с матерью, а сын был зачислен в отряд специальной подготовки. Ими занимались арабы, китайцы, эфталиты, скифы. Программа была направлена на укрепление духовного и физического

здоровья юношей. Но интеллектуальное воспитание получали по особой врачебно-математической программе. Когда Канк однажды нашел сына на крыше хижины, то убедился, что юноша изучает и звездное небо. Сын очень внимательно рассматривал звездное небо, что-то чертил, что-то вычислял... Отец не стал мешать ему и отошел в сторону, к овцам. Но понял, что овцеводом он не будет: голодные и непоенные животные его не волновали. А жаль! И Канк вспомнил поучение старого, но мудрого чабана: «Канк-сан, если хочешь быть богатым и независимым, держись за хвост овцы».

Жаль было сына-астролога, но отец еще не знал, что именно его сыну суждено было стать главным врачом в персидском медресе, а затем и в эламском госпитале, где раненных поднимал на ноги только, благодаря звездным травам.

К полудню неожиданно увидел, как Дуан-Кыр, внезапно спланировав над передними воинами, влетел в нишу пещеры. Она была незаметной под вьющимися горными лианами. Ашин остановил шествие воинов. Впереди еще белели вершины гор, но они были невысокие. В летнее время заснеженные вершины могли быть только на далеких горах, поэтому и казались невысокими.

Ашин спросил Дэва:

- Вон, посмотри, впереди белеют снега. Чтобы это могло означать?

- Так это - Саяны, где-то очень далеко, но нам нужны долины рек Телеца и Лебеда. Нам-то и спешить некуда - утром будем там.

- Да, Дэв, не лучше ли нам разделить и идти дальше, каждый своим путем? - спросил Ашин. Дэв обиделся. Он не ожидал от Ашина такого отказа ему от коллективного похода. Ашин заметил тень обиды в глазах друга и поспешил успокоить:

- Я хотел тебе и Канку тоже отдать часть руководства. Ведь оба вы заслуживаете большего!

- Вот как?! - сказал Дэв, вспыхнув во гневе. - Ты думаешь, мы жадные до власти?

Ашин повернулся лицом:

- Да нет же. Мы должны опередить тех грязных монголов, которые еще неделю назад куда-то исчезли. Я думаю, они уже в Бийе.

- А что тебя волнует? - спросил Дэв.

- А то, что придется нам опять ввязываться в бой. А для меня время дороже, чем эти...

- А разве мы с мирными намерениями движемся туда, дальше вглубь Алтая.

- Да, Дэв. Я даю бой только тем, кто стоит у меня на пути или нападает на нас.

- Тогда я скажу, Ашин, что я - Строитель, а не воин! И если я нужен, как Строитель, то уважай меня. Оставь при себе.

Ашин поспешил загладить вину. Вот уже не ожидал, что Дэв такой обидчивый. В каждом из нас живет земледelec, скотовод или охотник. Но мы несем ответственность за судьбы грядущих поколений, за ту культуру, которую еще надо создать. Однако, вслух он сказал Дэву:

- Дэв, давай посмотрим, куда все же залетел Дуан-Кыр. Что он там высмотрел, что так долго не возвращается?

И, остановив отряд, Ашин и Дэв, заглянули в проход под лианами. Здесь было темно и пахло гнилью, где-то рядом журчал ручеек. И воины решили здесь устроить привал. Дэв своим горячим нравом быстро всех оповестил о привале и пригласил спутников устроиться в пещере.

Для более безопасного отдыха, воины пиками обшарили все щели, подозрительные углы и потолки пещеры. Очистив место, они стали готовиться к ужину. А Дуан-Кыр снова куда-то улетел. Ашин велел, старшим по возрасту,

отечески накормить своих молодых и еще неопытных в походном быте воинов-стрелков из лука. Весело запыхал костер. Благо, что у всех были кремни и пакля для огня. Вдруг влетел огромный Дуан-Кыр в пещеру, и на землю плюхнулся козленок дикой козы. Все ахнули, а птица суровым взглядом как бы предупреждала: «Не трогать, это для моих птенцов!» И орел, медленно, сурово и жестоко оглядывая еще живого козленка, оттащил к клеткам с орлятами.

Дэв и Ашин первыми пришли в себя от такого полета орла. Ашин с возмущением призвал воспитателей птиц:

- Эй, учителя-мучители, когда вы успели ожесточить этого великана? Вы видели, что он натворил? Разве у нас нет для птиц корма?

Воспитатели виновато смотрели на огонь. Но один из них вымолвил:

- Орел живет по своим законам и инстинктам, свежати́на вкуснее, да и он, как отец, любит своих птенцов!

Ашин, отложив глиняную миску с просом в сторону, покраснев, сказал:

- На цепь такого «отца» посадите!

- Но он свирепый и сильный. Как патрон, он нам нужен. Пусть будет с нами. Я прослежу, чтобы он больше не охотился за козлятами.

Ашин так сильно разволновался, что отвернулся от лиц: да орел – птица, но и природу гор надо опекать. Через некоторое время и козлы исчезнут, и яки, и овцы, и бараны, если хищники будут устанавливать свои законы.

- На цепь! Дуана же кормите заслуженной, справедливой пищей, а к воде ведите всех на цепи!

Ночлег прошел без приключений, но раненный козленок все же не оправился, пришлось его зарезать.

Рано утром отряд воинов, ведомый Ашином, Дэвом и другими старшинами, взял курс в долину озера Телец. Как

только солнце взошло из-за снежной горы, Ашин остановил отряд и скомандовал:

- Всем спешиться с коней и привести себя в греческий вид!

Не прошло и получаса, как он снова отдал команду:

- Куман, Ярун и Берендей встаньте впереди со своими всадниками, разверните знамя тюрок, а остальные знамена эфталитов, саков, скифов с их драконами и хищниками в геральдике, ставьте рядом и чуть-чуть позади! Барабанщики и флейтисты рядами идут по обеим сторонами. Орла выпустите, а птенцы пусть остаются в корзинах с воспитателями. И.... Марш за мной легким шагом!

Впереди зазеленела долина озера Телец. По пути встречались одинокие пешие, иногда брички, запряженные осликами или дикими лошадьми невысокого роста. Ашин велел всех пропускать и никого не трогать. При приближении к селениям он еще раз оглядывал свое войско и давал команду к маршу.

В это время в местечке Пазарык шло что-то вроде собрания. Здесь, в обширном полуподвальном помещении собрались восточные скифы. Они давно имели торговые отношения с арабами, китайцами, далекой Византией и даже Римом. И здесь во всем чувствовались следы этих связей.

Само помещение имело форму «домика» с окнами, дверьми, нишами, склепами. На стенах развешаны ковры гуннских мастериц, оружие арабских оружейников, римские шлемы с перьями на гребнях, кольчуги из тонких ремешков и прочее снаряжение дополняло всю эту коллекцию. В центре на ковре восседал сам Эль-Баши. Здесь скифы свою администрацию называли «Эль» - вроде область, район, долина или еще какое-то деление. А сам глава – Баши («голова»).

Так до скифского Эль-Баши Сурная дошли слухи о

том, что к ним движется какой-то отряд отборных воинов, не то китайско-эфталитского, не то ирано-тюркского происхождения. Весть принесли соседние монголы со слезами на глазах...

Сурнай передернулся, когда ему доложили, что два монгола очень хотят что-то ему сообщить. Ох, уж эти монголы, которые не признают воду...

Сурнай махнул рукой, мол, введите. И ввели... двух чисто выбритых и стриженных монголов, от которых даже и трупного запаха не было... Они были кем-то вымыты...

Окружение Сурная немного расступилось, чтобы тот смог разглядеть пришельцев. Первый монгол, чуть поклонившись перед суровым вождем, ждал, пока ему предложат присесть. Но скифы готовились к походу против гуннов, а по их обычаю, перед походом, они только своим могли предложить «сесть на шкуру». При этом, приглашенному могли преподнести лучший или не очень вкусный кусок говядины. Все зависело от знатности гостя. А тут перед Сурнаем стояли какие-то два монгола, но Сурнай все же выслушал их:

- Там, с горы, спускается необыкновенно сильное войско! Их тьма-тьмущая! Они уже разогнали наше войско. Давайте объединимся и выступим против них вместе!

Сурнай взмахом руки велел часовому вывести гостей из «домика». Их вывели, посадили на лошадей, на которых они прибыли, и прогнали прочь.

Сурнай взглядом окинул «шкуру» со своими близкими и ждал, что скажут воины. А те и сами не знали, о ком идет речь. С арабами знакомы, с греками торгуют, с римлянами – дипломатия, а тут какие-то не то «гунны», не то «хунны» (со слов монголов). Иди знай кто они, каким оружием владеют?! Один из воинов, сидевший на «шкуре», подогнув колени и опираясь на свой меч, молвил:

- Мы выедем на поле, к Телецу и встретим их подобающим

образом! Вот наша клятва Таргитаю, нашему Богу!

Сурнай предупредил:

- И тут же пришлите мне вестника с сообщением – кто они и чего хотят!

Часть 17

Переговоры с Сурнаем.

Возвращение Ашина в долину Турнигюл

К обеду в Пазарык спустились отряды Ашина. Впереди всех ехали воины-скифы: лохматые лошади, лохматые сами, большие мечи и пики, достающие до травы. Гоготали, свистели, стрелы пускали, вроде бы для устрашения ашинцев. А те, скрывая улыбки от вида оборванного конвоя, мигали друг другу: мол, смотри какой почетный караул у нас.

Но Ашину было не до смеха. Как бы его старания навести порядок в своей армии, не были испорчены провокационными действиями этих «лохматых». Еле избавились от «немых монголов»...

Когда же передний воин-скиф дошел до «домика с тремя окошками», то ашинцы остановились на открытой площадке под знойным, уже и здесь, солнцем. Ждали. Кони устало переминались с ноги на ногу. Всем хотелось пить, спать, спешится и размять отекавшие ноги...

Дэв, Ашин, Канк-сан были одеты в парадное. Воины же в полевые куртки через одно плечо. Все говорило о дисциплине и порядке. Любопытные вокруг глядели из-под длинных волос. И непонятно было, кто есть кто по полу.

Вышел длинноволосый скиф. Подозвал какого-то тарджумана. Ашин знал, что скифы коварные и жестокие,

ждал всякой подлости от них. Наконец, показался и сам Эль-Баши-Сурнай. Невысокий, тоже длинноволосый, со шлемом с пером на голове. С двух сторон его сопровождали вооруженные скифы. Ашин ждал, что он вымолвит, сквозь свирепое лицо в волосах. Наконец и слово он «молвил» так громко, что вороны на ближайших деревьях закаркали. Его слова утопали в дружном хоре птичьих голосов. Видимо его же воины догадались, что вороны имеют больше веса в голосах, чем Эль-Баши, и, взяв камни, стали их бросать в птиц. Те разлетелись с большим криком.

Ашин дождался паузы и отработанным хорошим тюркским голосом заявил:

- Ашин не может стоять под вороньим хором и их горошками всмятку, поэтому я заявляю о цели своего визита. Если Вы, Эль-Баши, то примите нас должным образом.

У того ослаб ремень на кожаных штанах, и они стали спадать, подтягивая их перед всеми, он сказал:

- Я на шкуру сажаю только своих близких. А вас я не знаю, и знать не хочу. (И грязно выругался).

Ашина эти слова привели в негодование. Нет, он не ждал любезности, но и скифского хамства от главы не ожидал. И, протянув руку Дэву, сказал:

- Дэв, подай мне свиток.

Дэв и два его воина подбежали к Ашину и подали свиток. Развернув его, показал Сурнаю:

- Вот, подойди ближе скиф лохматый, внимательно посмотри, если еще способен что-то видеть, вот, посмотри на границы моей территории. Так что ты можешь на шкуру меня и не сажать, а мою территорию и ее законы уважать обязан!

Ашин свернул карту, в ответ раздались вопли скифов, которые снова оказались в полифонии вороньего карканья. Несколько стрел со стороны скифов полетели на деревья,

но неугомонные птицы садились снова, и с еще большим неистовством каркали в своих многочисленных гнездах.

«Переговоры» с Сурнаем завершились. И всадники Ашина спешили. Несколько молодых воинов окружили Ашина, и они двинулись на крыльцо «домика-могильника». Впереди бежал Сурнай, раздвигая скифов, и кричал:

- Китайские столики, принесите подушки персидские, установите!

Наконец «прием официальной части» начался. Ашин сел на подушки, рядом стояла его охрана. Ашин развернул свиток и, показав на условные обозначения пограничных границ, начиная от Китайской стены и завершая Южной Сибирью, сказал:

- Вот это моя земля, здесь мой флаг, вот здесь мой главный город, вот мои пограничные гарнизоны. Я – хозяин всей этой земли. Мы ее называем Тюркским каганатом.

Хотя на карте всего этого не было (там были обозначены только горы и долины, даже пограничных обозначений не было в том виде, в каком он называл), скифы обозлились так, что схватились за сабли и мечи. Но воины Ашина их в мгновение ока окружили. Сабли же из благородного металла взяли себе. С интересом и вниманием рассматривая их, они сравнивали со своими бронзовыми. Это единственное, что привлекло воинов Ашина. И все хором выкрикнули: «Да будет так! Как сказал Ашин-Кыскыр-Алтын!» Они не ожидали, что Ашин воспользуется замешательством скифов, и так мирно они проведут свои пограничные посты по всей длине территории, которую неожиданно Ашин назвал своей.

Тут даже и законы не нужны были. Здесь обитали коневоды, охотники, которые сами тоже не знали государств типа Греции или Рима. Но из-за обилия золотых изделий китайских и иранских мастеров, которыми гордился Эль-Баши, стерегли их, соперничали в роскоши «домиков» -

будущих могильников. Их европейские путешественники называли «стерегущие золото грифы».

Но Ашин, все же для приличия, этому акту придал как бы форму соглашения с его планом и на чистом пергаменте под саблями и пиками, заставил сторон лохматых зачеркнуть кое-какие знаки на их диком языке, охотников. С другой стороны, рядом с ними – и ашинцы. Знающие китайские, персидские или греческие письма, нарисовали, как будто они подписали тоже это «соглашение».

К вечеру ашинцы собрали скифов с их женами и сыновьями и зачитали текст о двустороннем соглашении и договор. Одним из пунктов соглашения было то, что как только у Эль-Баши (Сурана) появится первый седой волос, его сместят и изберут ашинца. Дружный дикий вопль оглушил долину Телеца: они «утвердили» соглашение и договор. Ночью же ашинцы тронулись в путь на Турнигюл, но другими тропами, через долину. Впереди летели орлан и орлята с легкими цепочками на ногах. Воспитатели же верхом, улюлюкая, заставляли молодых птиц тренировать полеты над долиной.

Вскоре, при луне, воины запели свою победную песню, им вторили флейты, барабаны, голоса орлят и ночных птиц. К утру, они уже очень близко подъехали своим родным местам.

Часть 18

Тыгыр и Гюн-Вэй – дипломаты

Над ними пролетела пара белоснежных лебедей. Оказалось, что воспитатель подготовил приветственное письмо для ашинцев, подвесил его на шею лебедя и отпустил птиц встречать родных воинов из похода. Лебедь низко наклонился,

и письмо-приветствие стало опускаться над рядами ашинцев. Каково было удивление, когда тарджуман прочитал содержание послания. В воздухе зазвучал уран-клич: «А-шин, А-шин!»

Лебеди, гонимые орланом, поспешили вернуться к себе в тихую заводь. В это время Тыгыр и Гюн-Вэй копали ямы на границе недалеко от Стены. Старый Тыгыр то и дело наклонившись над ямой, молчаливо вытирал слезы. Уж больно было ему расставаться с любимыми местами, удалиться от жены, которая была в неволе, там за Стеной. Гюн-Вэй это заметил и, выпрямившись, сказал:

- Тыгыр-Таг, о чем ты горюешь?

- Да, так, вспомнилась тропинка, по которой мы с женой шли вон туда. Под Стеной купцы развешивали свой товар для молодых женщин, соблазняя их накидками, расшитыми золотом, браслетами, бусами...

- Ну, так что, Стену жалко или ушедших дней молодости? – спросил Гюн-Вэй.

- Нет, о, помилуй, Отец небесный, из-за той Стены слишком часто захватчики нападали на нас. Да будь она разрушена, эта проклятая стена! Жаль мою цветущую! Ох, и была блистательна она. Она была из династии Цинь. У них все женщины такие.

- А как же она вышла за простого и бедного Тыгыра?

- Да, я таким стал после реформы высшей школы. Я был гуманитарником по общественным наукам.

Гюн-Вэй выпрямился. Воткнул лопату в песчаный грунт. Вытер лоб и невзначай заглянул на дорогу. Там, на конях мчались «коконы»-сестрички. Но юноша и виду не подал, что заметил их: еще бы, аж с каких пор он по уши влюбился в старшую Гизилжан. Та умела парня заечь своими карими глазами. И она тоже знала об этом секрете своих очаровательных глаз, яблоневым цветом щек, стройностью тела и невидимых ног в деревянных сандалиях. И вот они мчатся сюда, к отцу на поле у стены.

Девушки спешили. Каурые степные лошади были острижены, а хвосты заплетены. Девичьи руки даже в гривы вплели разноцветные ленточки. Перед мужчинами стояли опрятные и красивые девушки и лошадки, обещая им одним только видом, светлый день и надежду.

Гизилжан улыбнулась отцу светлой улыбкой и достала из-под желтой накидки конверт с пергаментом. Это Ашин сообщал о своем возвращении и просил Тыгыра немедленно вернуться в селение для важного разговора в особом кругу людей.

Гюн-Вэй, узнав об этом, не заставил себя долго ждать. Ему было о чем поговорить с Ашином. Дела обстояли намного сложнее, чем думали в селении: китайцы требовали документ о занятых землях, здесь одними бронзовыми мечами не обойтись...

Девушки по пути заглянули во двор. Опустение и разруха больно щипали душу. Но во дворе, около бассейна с питьевой водой, груша и яблоня были увешаны созревшими плодами, а на камышовой крыше семейка аистов свила из хвороста большое гнездо, и теперь в нем было несколько птенцов.

Девушки набрали фруктов, плотно закрыли бассейн, плетенные, полуразвалившиеся ворота тоже подтянули и закрепили. После чего все вернулись в Турнигюл.

Ашин в кругу своих близких Дэва, прибывших Тыгыра, Канка, Берендея, Кумана, сидел на кошке необычно веселый. Вокруг стояло оживление. Дэв и другие воины рассказывали о «дипломатии» Ашина у скифов. Все одобрительно поддерживали даже разные байки вокруг встречи с лохматыми скифами. Не забыли и о вороньем гвалте во время «переговоров»...

Но Ашин поднял руку в перчатке (он очень любил подражать во всем Искандеру), и все вокруг замолчали:

- Не думайте, что моя «дипломатия» мне дешево

обошлась. Еще неизвестно, что предпримут лохматые, они ведь прославились своей хитрой тактикой. Но чтобы ни случилось, этот наш успех надо закрепить. Поэтому моя просьба к Тыгыру и Гюн-Вэю сесть за книги и составить юридическое обоснование успеха. Вот вам карта наших границ и владений, нужен юрист, чтобы все это обосновал, а историки расставят все на свои места.

Он сел. Девушки в длинных персидских накидках, светлолицые и черноволосые, на широких деревянных подносах-столиках внесли фрукты, птицу, вино, просяные лепешки и иранские сухофрукты.

Заиграли флейты и свирели. Барабаны тихо поддерживали ритм восточных мелодий.

После обеда Тыгыр и Гюн-Вэй подошли к Тунч-Хану, чтобы тот вместо них направил на работы около Стены других мужчин. Да, Тунг-хан это сделал быстро, даже, несмотря на его медлительность. Тыгыр же не стал долго и нудно оживлять тексты законов Ману (Индия), Хамурапи (Египет), Свод китайских законов и Книгу законов Дария. Он знал, что надо избежать повествования, как бурое пристрастие, ибо это, он считал, следствие слабого ума и души. Поэтому они с Гюн-Вэем и Ашином уединились над законниками на несколько дней. При двух писарях и переводчиках (тарджуманах) был составлен свод гуннских дипломатических законов, якобы утвержденных каким-то мифическим крупным государством-патроном. И, через несколько дней эта группа стала объезжать всю территорию своих новых границ, раздавать грамоту, знакомиться соседями и устанавливать дипломатические связи.

И в то же время – ежедневные военные учения, стрельбы из лука на меткость и знакомство с военной тактикой новых соседей. Так они ко времени свадеб, вернулись в селение, как победители и как женихи.

Ашин радовался успехам соплеменников, которые

заготовили камыш, сено, скосили и намололи просо, ячмень, пшеницу, бахчевые радовали урожаем. Ну и ему не мешало было бы подумать о возлюбленной. Да вот судьба его сложилась намного суровее, чем у Дэва или Гюн-Вэя.

Гюн-Вэй послал к Тыгыру лучшего друга Берендея. Смысл заключался в том, чтобы парень заявил о готовности Гюн-Вэя жениться на Гизилжан. То ли Берендей плохо объяснил мудрому Тыгыру, зачем прислал его Гюн-Вэй, то ли старому ученому давно не было дел до любовных отношений молодежи, но Тыгыр все же засмеялся и сказал:

- Мы только недавно расстались с юношей, что же он сам не мог мне сказать? Вот еще юный жених, где как орел, а где как фиалка на поле – еле заметен, когда речь идет о своем. Пусть сам идет ко мне!

Но Гюн-Вэй не успел прийти снова к Тыгыру в качестве жениха. Ашин получил из Пазарыка плохие вести и, вызвав обоих юношей к себе, сурово сказал:

- Вооружайтесь и немедленно в Пазарык усмирять лохматых скифов. Да, Гюн-Вэй, я знаю, вернешься или... подожди. Ты останешься там моим заместителем. Так что сразу забирай и невесту с собой.

Тыгыр взволнованно и смущенно молвил:

- А что мне делать со второй дочерью – Сабаагизил? Она ведь еще совсем подросток!

Ашин только сейчас вспомнил о красавице Сабаагизил. И немедля произнес:

- А ее сюда приведи, она будет со мной, она будет моей... не волнуйся за нее. Все! Нет времени, спешите! За нее не волнуйся, все будет по-людски.

Тыгыр обратился к женщинам помочь ему в столь необычном деле – выдаче замуж дочерей. Ну, коль за дело взялись женщины, тогда и свадьба состоялась, и обе дочери стали женами весьма благородных мужей!

Часть 19

Пазарыкский наместник и его соседи

Сурнай долго не сидел в назначенном кем-то положении Эль-баши. Он разослал по всем направлениям гонцов с сообщением о случившемся. Он считал, что случилось большое несчастье, коль вся его территория уже кем-то занята. Но и сил не было, чтобы этого «кого-то» спихнуть обратно к далеким заоблачным высям, прогнать его пограничные гарнизоны, свергнуть Книги законов. И Сурнай давал горячие напутствия гонцам:

- Смотрите в оба, чтобы весть дошла до Черноморских савроматов, а оттуда спешите к сакам, а затем — к массагетам.

Гонцы скакали на лохматых толстоногих тяжеловесах-лошадях и, проезжая через сако-массагетские территории, наводили ужас своим видом на окружающих, которые испытывали страх и старались побыстрее от них избавиться, какая там дружба и помощь: сами-то вон какие!

Немного смягчились скифы-земледельцы. Но и они неохотно соглашались следовать за гонцами, в самый разгар заготовки на зиму сена, овощей и зерна.

Сурнай же, услышав топот коней и звуки брячек, принял за союзное войско. Вышел на окраину Пазарыка, за ним последовали зеваки и свободные общинники. Каково же было его удивление, когда он увидел шествие гуннских повозок, всадников, флейтистов, барабанщиков. Сколько мог он силиться, чтобы не выдать своего возмущения этим шествием новых хозяев.

Но когда поравнялись с его свитой, гунны во главе Гюн-Вэем, остановились, отдали честь и салют, выпустили голубей, лебедей и орлов, что означало: «Мы идем с добрыми и миролюбивыми намерениями!». Затем охрана Гюн-Вэя с обеих сторон сопроводила Сурнай

со свитой. Но он, скорее всего, чувствовал себя пленником, чем Эль-Баши. Отряд Гюн-Вэя постарался сделать, все по правилам, для того, чтобы избежать столкновения и кровопролития с «лохматыми».

Гизилжан в окружении девушек и ближайших родственников Гюн-Вэя, старалась держаться подобающим образом и произвести впечатление невесты наместника. И вся ее свита, нарядно одетая, веселая и красивая, сбила с толку «лохматых» скифов. Те только и чмокали языками. Цокали и хмурились, когда девушек неожиданно закрыли в арбе от диких взглядов воинов Сурная. Наконец, к обеду шествие остановилось у главного приземистого «домика с тремя окошечками».

Гюн-Вэй и его свита на мгновение остановились, разглядывая неприветливое жилище-могильник. И, чтобы немного смягчить это тяжелое впечатление, воины решили оставить пока девушек в крытых арбах, а сами стали сооружать навес из ковров и кожи. На полу постелили свежую траву с цветами, установили очаг на случай холодных ночей. Так, Гюн-Вэй начал свое наместничество в Пазарыке. Но у него настроение было боевое: с ним были его воины и друзья, обещали и Тыгыра привезти, как советника при нем. Вообще, Алтай надо было завоевать не столько оружием, сколько законом. Присмотреться к местным, изучить их нравы, обычаи, навести порядок в семьях и общинах – родоплеменных союзах.

Но пока с дороги надо было передохнуть, да и дозорных расставить, чем и занялись Берендей, Китан и Куман. А хозяйством и уютом в «тронном зале» наместника занялись женщины вместе с Сантузом и Кударкиным. Если скифы имели какое-то понятие о роскоши китайских бытовых изделий (столики, табуретки, подушки для них, резные, лакированные, позолоченные), то свита Гюн-Вэя быстро расстелив кожаные крутки, подложив под голову

седло, быстро заснули. Женщины же стали готовить невесту с подружками к выходу под венец с Гюн-Вэем, как наместником.

Но Гизилжан, выросшая у мудрого отца Тыгыра, не очень умела кокетничать, гламурничать, напускать на себя ложный вид кокетки. Это была девушка с умом дипломата и характером воина. Поэтому она долго не стала крутиться перед кастеляншами. Сняв сандалии, она обулась в сапоги-чулки для всадников, набросила седло на свою каурую лошаденку и умчалась в долину проветриться. Хорошо, что поблизости находились дозорные. Они стали с двух сторон, проветрились, сделав два-три круга по долине, и привели ее под навес «трона». Здесь уже переполошились: Гюн-Вэй же отвел «ханшу» в арбу и крепко завязал ремешки. В ответ же женщинам сказал:

- Мы еще не в такой мере здесь хозяева, чтобы разгуливать среди «лохматых» скифов, да еще и одинокой девушке. Следите за ней, вечером я сам явлюсь к ней для заключения брака.

Сказал сурово, заглянул в «домик с тремя окошечками», вышел к себе к воинам, но самого Сурная нигде не было.

Гюн-Вэй подозвал одну из женщин, велел накормить Гизилжан и побыть с ней. Нельзя выходить к воинам, скифы коварные, да еще неизвестно, что они нам готовят...

Сам тоже лег на сено, но недолго пришлось ему отдыхать. Прибежал дозорный с запада и доложил:

- Гюн-Вэй, какое-то скопление всадников движется сюда. Подними наших всадников!

Гюн-Вэй в мгновение ока подбежал к арбе с невестой, заглянул к ней и сказал:

- Немедленно переоденься в лохмотья, завернись в дерюжку и притворись, что ты больная... ну, скажем, проказой...

Вернулся к воинам. Поднял всех и через некоторое

время выехал встречать «скопление всадников». Гюн-Вэй только скомандовал:

- Стрелки приготовиться, и конники – вперед!

Сеча началась внезапно, нападение Гюн-Вэя первым обеспечило ему успех. Те, как прибыли «скоплением», так и удрали обратно.

Сурная привели обратно в «домик», правда, посадили только за обычную деревянную мебель, а всю дорожную заперли.

- Сурнай, не копай мне яму, сам упадешь, ведь мы здесь законные хозяева, вот наша грамота: здесь рука китайского и тюркского кагана приложена. Они являются нашим гарантом, а кто ваш гарант? Если он есть, приведи, и мы обсудим вот эту Книгу законов и Сборник Тыгыра. Приведите, посадите всех общинников, я должен представиться им. Мы не воры, не грабители, Сурнай.

Гюн-Вэй злой на Сурная, вышел к своим. Берендей, Китан и Сантуз разбирали металлическое оружие, отнятое у «скопления всадников». Чем больше их рассматривали, тем больше восхищались и тем быстрее остывали к своим бронзовым. Гюн-Вэй вернулся к Сурнаю. Тот грязными волосами вытирал слезы.

Юноша остановился у порога, нет, ему не было жалко этого старого скифа. Он – воин, а не плакальщик. И сразу сказал:

- Сурнай, накинь что-нибудь, и выйдем. Нам надо поговорить.

Два сына Сурная тоже уже не молодые помогли ему выйти на свежий воздух. Те удалились и сели под деревьями, на ветвях которых темнели вороньи гнезда...

Юноша сел напротив Сурная, костер уже пылал и освещал красивое молодое лицо Гюн-Вэя и одутловатое, старое лицо Сурная. Уже сама природа подготовила бравого и здорового воина наместником Ашина сюда, в Горный

Алтай. Но к сожалению, у бравого воина очень мало было оружия, а остального вообще раз-два и обчелся. И то они были трофейные и предназначались победителям в бою.

Сурнай знал о слабом тыле этого юнца. Знал и то, что ему негде обзавестись оружием. И стал набивать себе цену как недоступному в тайны скифского военного искусства. Да, он был прав, но уже никогда не поднимет «лохматых» к бою. И никогда не будет Эль-Баши. Гюн-Вэй же ничего не взял во внимание с дряхлого Сурная. Но еще рано было и ему вставать на дыбы, как дикому коню. Он решил выудить все полезное для своей тактики у Сурная. И придумал нехитрую историю...

«Однажды воины-скифы оказались высоко в снежных горах. Свои стрелы и луки, да и мечи с копьями поручили нести новобранцам. Те отстали с оружием, а на передних напала стая волков. Гюн-Вэй обратился к Сурнаю:

- Как ты думаешь, Сурнай, что было дальше?
- Ясное дело, волки разорвали безоружных.
- А почему?
- Оружие свое надо всегда носить с собой...
- А твое оружие сейчас с тобой?
- Нет, но...
- Но, что? Где оружие твое, а если вдруг барс или волки со степи нападут?!
- Но, но, оно у меня есть, но не здесь.
- А где?
- А-а, зеленый юнец, вот куда ты клонишь. Мы свое оружие закапываем вместе с предками. Вон там, в «домике», там мои предки, они-то и взяли моих коней, сабли, мечи и щиты.
- Зачем это сделали они? А вдруг война.
- Для войны мы еще не готовы, недавно старого отца похоронил, вместе с ним и все ушло, даже лошадей пришлось заколоть.

Сурнай стал вытирать слезы, которые текли ручьем. Гюн-Вэй утешил его:

- Ну, уж ты – мужчина, крепись, а с оружием мы поможем, только наше бронзовое, оно хрупкое, необходимо заменить, но у нас нет такого металла.

- Стой, юноша, металлом мы богаты. Вон там, в горах у нас плавильни, там же и кузнецы, есть умелые рабы...

- Но не сейчас. И об этом никому ни слова. Металл всем нужен, а тем более нам.

- А что ты сделаешь со мной? Говорят вы, гунны, очень жестокие.

- А разве из ваших воинов или охотников кто-то пострадал? С чего ты взял, что мы жестокие. Мы своих не убиваем, а кто к нам с мечом – тот от меча и умрет.

- Ну, хорошо, юноша, тогда оставь меня при себе советником. Ты еще не знаешь коварства скифов.

- А ты не чини нам препятствий и оставайся, как и прежде, Эль-Баши. Наша цель – создать крепкое и могучее государство.

- А из тебя получится хороший государь, ты мудрый не по годам. А теперь отведи меня отдыхать.

- Хорошо, только не в склеп. Вот здесь при костре постели что-нибудь. Будь как мы!

На этом они расстались до утра. А при восходе солнца все скифы встали на колени и начали читать молитву Солнцу. Но вдруг лошадиное ржание прервало утреннюю тишину. Оказалось, что скифы собрались принести в жертву Солнцу Небесного коня Гюн-Вэя.

Часть 20

Приезд Тыгыра. Русская дипломатия у Гюн-Вэя

Ашин обходил любимые места у озера Турнигюл. Лебедята выросли, утята тоже уже летали над озером, оповещая о своем присутствии криканьем.

Ашин ждал Сабаагизил. Прошел месяц, как Тыгыр отправился в путешествие к берегам Итиля на Запад. Там были другие тюркские племена, о которых Тыгыр узнал у голубоглазого, светловолосого и высокого охотника Нестора. Он кое-как рассказал на тюркском немного о них и Тыгыр, не отпросившись, ушел туда с Нестором. Но должен был уже вернуться. А вот до сих пор ничего о нем не известно. И Ашин стал волноваться за старика. По дороге к озеру показалась жена в желтом, и ему показалось, что движется «кокон». Смешно было видеть эту невысокую девушку в розовом свете дня, да еще и под накидкой.

Она подъехала и весело, сверкая глазенками, сообщила:

- Наконец, отец приехал. Ждет тебя, Ашин!

- Ну что ж, к его приезду выросли утята и лебедята. Можно ему письмо прислать, - сказал молодой хан.

- Да лучше оставь лебедей для связи с ним, судя по всему, он собирается обратно, - сказала жена.

- Он один или с Нестором? - спросил муж.

- Да, он один, ждет тебя. Он нашел все же Итиль, а вот с тюрками не удалось встретиться.

Ашин сел на своего коня, которого подвел ему Тагир-воспитатель лебедей. И они уехали в селение. Тыгыр еще издали увидел возмужавшего Ашина. Под голубой накидкой бросались в глаза крепкие мускулы воина. Он успел отрастить усы, но волосы были коротко острижены. Греческий шлем с пером красиво сидел на этой мудрой голове. Ашин спешился и поздоровался с Тыгыром. Под грушей они сели за столик.

Тыгыр тоже возмужал, помолодел, и начали беседу, пока Сабаагизил пошла за вином.

Ашин был весь во внимании:

- Ну что? Расскажи об урусах. Ты видел их? Какие они, как ведут себя, а какие тюрки тех мест? – сыпались вопросы на голову усталого Тыгыра.

- Как? Там большая и широкая река. По ней плавают огромные каики – такие суда на парусах. А на Истр-Хани – множество купцов, торговцев, товара навалом. А один из урусов ходит с берестой в руке и ко всем подходит: теньга берет, перма-гент сует. Очень много людей. Но я же не знаю тюрков, я знаю «туг-ю». А их и не было. Но надо бы нам съездить к ним. Долго ждать нельзя. У них много железных изделий, сабли, мечи, рубашки из колец и шапки из кусков железа – шеломы.

Ашину стало очень интересно:

- Раз есть у них «теньга», «перма-гент» - береста, значит, есть и царь и закон. Съездим, попросим, чтобы они стали нашим патроном», - сказал он подумавши.

Вдруг, над грушей взвились и пролетели с гаганием гуси, а за ними и лебеди.

- Вот, видел, Ашин, наших связистов? Они-то и помогут нам отправлять по пути письма-сообщения о наших делах, - с улыбкой сказал Тыгыр. – Очень трудно в пути без связи. Но я был с Нестором, а он мудрый охотник.

- А что, иначе нельзя? Есть и орлы у нас. Ты видел орлят? О-о, какие это воины! Они даже на довольствии у Дэва.

- А что, разве Дэв не с Гюн-Взем?

- Нет, он здесь, у меня ведает канцелярией, принимает иноземцев, показывает учения отрядов и связистов-орлят.

- Ну что ж, мы рады усилению армии птицами-связистами. Говорят, орлы очень зоркие птицы. Они-то и помогут нам в пути. Мало ли что. Везде снуют то скифы, то

персы, то «туг-ю», иди, знай что у них на уме... – завершили беседу и пошли на поле.

Сабаагизил немного задержалась с вином, и когда вышла из подземного хранилища, мужчин уже не было. Ашин как-то затылком почувствовал ее присутствие с кувшином вина под грушей, обернулся и взмахом руки позвал к себе. Жена с накрытым подносом последовала к нему.

В поле рослые кони на узде, под взмахом кнута конюха, бегали по кругу. Воины в доспехах ждали приглашения, и когда Ашин и Тыгыр-Таг подошли, все встали и на одном дыхании выкрикнули: «Ашин олсун!» Затем все сели на коней, а Ашину подвели Небесного. Учения начались.

В это время в Пазарыке у Гюн-Вэя были опять стычки с «лохматыми» скифами: те никак не признавали порядки греческого толка. Особенно неистовал Куря. Он сквозь длинные волосы, падающие на глаза, кричал:

- Вот уже нашли малолетних! Мы в детстве ходим стриженными, а теперь мы – мужчины, волосами мы прикрываемся. Вот и вчера был один безволосый...

Гюн-Вэй, уставший от своих подданных (скифов, монгол, китаев, печенегов, «гуров», уйгуров), сидел на коне и просил женщин отвести, хотя бы жену Гизилжан и самим отойти от мужского сквернословия и цинизма.

Те, выкая и охая, ругаясь не хуже скифов, все же отошли, и Гизил отвели в дальний угол площади перед навесом.

Наконец, подъехали его воины Берендей, Куман, Дэв, который накануне приехал от Ашина с депешей, и во всеуслышание заявил:

- Все лохматые и волосатые обязаны будут платить ясак – особый налог на волосы. Вот приказ (он развернул чистый свиток) самого Ашина. А ему подчиняется даже китайский мандарин, ясно?!

Конечно же «лохматые» ничего не поняли, и тут же на глазах, стали опрокидывать в глотку и осушать большие

кувшины вина. Воины окружили уже опьяневших «лохматых», достали бронзовые ножницы для стрижки овец и приступили к делу. На скандал вышел сам Сурнай.

- «Ашин», они же еще дети. Разве можно принимать их всерьез?

- Однако, они грязные и вшивые. Немедленно разожгите костер под огромным чаном, согрейте воды и искупайте своих «детей». - «Ашин». - Он понял, что «лохматые» его принимают за Ашина. Дэв поднял кнут с длинным ремнем и взмахнул, так в сторону «лохматых», что свист кнута прогремел не хуже грома. Началась эпоха гуннского «завоевания» Алтая...

Весть о присутствии каких-то очень жестоких завоевателей, разнеслась повсюду, начиная от гор и кончая низиной в бассейне Итиля. Из уст в уста молва о гуннском вожде Гюн-Вэе обрастала подробностями, очень далекими от реальности. А в Европу эти слухи дошли в виде эпических сказаний о благородном и божественном витязе, правда, без имени.

В русских селениях очень любили такие байки и, собираясь у костра в священных рощах, слушали сказки о божественно чистом воине - собирателе душ - Дэве и Гюн-Вэе...

Летописцы с великой мудростью, что сказали? - «Историк всему указать свое место должен». Но летописцы знали и о том, что эти вести дошли и до стольного града. Воеводы решили сами во всем разобраться и составили ряд посланий через Иоанна, Никифора. Но самая сильная была Грамота от 1125 г. Однако, и «славяне, утомленные внутренними раздорами, еще в 862 г. призвали к себе трех братьев - Варяжских витязей от племени Русь, которые сделались властелинами в Руси», чтобы усилить власть. Но надо было познакомиться и с восточными соседями.

«Восточная страна, - по их представлениям, это земля,

где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга. Именно эта страна в течение многих столетий ужасала Европу грозным движением народов. Все они были кочующие, жили за счет скотоводства и охоты на диких зверей: гунны, угры, болгары, авары, турки, все они исчезли в Европе, кроме турок и угров. К этим народам принадлежали узы, печенеги, были они единоплеменниками туркоманов, которые обитали между Волгой и Доном, а соседями их были печенеги. Затем их вытеснили из Саратовских степей, и те устремились на Запад. Овладели Лебедью. Но и это мало, через много лет опустошили Бессарабию, Молдавию» - читал летописец Никифор Иоанну. Вокруг было множество свитков, летописей на бересте, пергаменте из Персии, Ирана. Но летописцев интересовали не только восточные земли (Иртыш, Енисей, Тобол), а и Южно-Сибирские и Алтайские земли и их народы.

Никифор развернул еще несколько свитков. На них были расчеты пути. Так, Константин Багрянородный полагал, что печенеги в 896 г. выгнали угров из Молдавии. «Стало быть, от печенегов исходит дух вражды и воинственности. А тут они недалеко от Дона. А Волга пока, что обслуживает русских купцов. А там, иди, знай, что у них за замыслы, надо бы измерить и сопоставить время. Сколько же дней уйдет на то, чтобы все же через их земли попасть к Иртышу и Лебедю», - говорил Никифор сам себе под нос...

Иоанн, одетый в длинную суконную рубаху, путаясь и ежась от прохлады каменных стен монастыря Ипатьева, сказал:

- А вот Багрянородный, полагает, что только день езды от Руси до владений печенегов, а там еще и Узию надо пройти до Хазарии, еще пять дней пути, а от Алоании еще дальше – шесть дней пути.

- Если только день езды до печенегов, а от них до Руси – еще день, особого труда не стоит в течение двух дней

оказаться на землях Руси» - охая, сказал Никифор.

- Надо бы подготовить посольское послание с нашим человеком тем народам, которые за Лебедью. Вот текст, ты перепиши...

Кто-то постучал в дверь, затем вошел дьякон и сказал:

- Святые отцы, к вам пожаловал молодой человек, называет себя охочим человеком.

- Кто еще, так поздно сюда заглянул?

- Говорит, что он - Нестор, охотник на пушнину и пришел из Алтая, с берегов Лебеда, с Востока.

- Позови, может, теплых шкур принес. Вишь, тут сыро и холодно.

Вошел Нестор. Он был легко одет, а обут в лапти, сплетенные из лыка. Он вытащил из-за пазухи свиток и протянул старцам.

- Это от кого?

- От Гюн-Вэя.

- Кто он такой?

- Вождь белых гуннов, и наместник Ашина в Пазарыке.

- Это селение на Лебеде?

- Да, там смешанное население, есть скифы, саки, эфталиты, турки.

- Они чем добывают себе пропитание?

- Кто как. Есть охотники, скотоводы, земледельцы. Но эти обитают ближе к Китаю, у озера Турнигюл, Ашин же уже...

- Ну, хорошо, Нестор. Сегодня уже поздно. Завтра обговорим свиток. Но надо бы сообщить и воеводе об Ашине.

Нестор вышел, пожелав приятной ночи старцам в келье, но меха не оставил. Он из личных соображений спрятал охапку беличьих шкурок под сосной.

Но Иоанн, взяв факел, спотыкаясь о полы длинной

рубахи по монастырскому двору, направился к воеводе Изяславу. Из-за приоткрытой двери Иоанн увидел, что в покоях воеводы не все спокойно. Слуги суетились, а на широкой кровати под ряднами лежало тело немощного старого отца воеводы. Иоанн догадался, что идут последние приготовления к самому ужасному – умерщвлению старика. Таков был древний обычай. И летописец вбежав в комнату, своим слабым голосом, как можно громче заявил: «Слуги не делайте этого. Дайте ему есть, пить, оставьте его в живых. Иначе, по христианским обычаям, вы будете убийцами».

Но слуги есть не просто обслуга, это и рабы по духу, и они продолжали свое дело. Тогда, Иоанн схватил табуретку и со всей силой ударил удавщика по голове. Слуги напали на старца. На шум и возню вышел светловолосый мальчуган и, поняв, что собираются умертвить старого прадеда, выхватил саблю из ножен, висевшую на стене, загородил задыхавшегося старца. Затем быстро снял с него покрывало, а рабов-слуг разогнал саблей.

Старец выжил, он еще несколько лет прожил и вел дела по пограничным конфликтам с тюрко-скифо-монгольскими племенами. Мальчуган же, при наступлении совершеннолетия, получил имя Святослав.

Но в тот вечер Изяслав все же заглянул в покой своего деда. Разогнал блюстителей старины, принял Иоанна и развернул свиток. С помощью старца прочитал содержание послания, как было написано на арамейском языке «наместником Ашина в Пазарыке стал Гюн-Вэй. Наместник посылал весть о своем намерении приехать со свитой для знакомства с россами».

Изяслав остался в недоумении. Он не знал вообще о чем идет речь. И тут со всех сторон посыпались вопросы на старца Иоанна:

- Кто принес это послание?

М. А. Дурбайло (Куюмжу)

- Охотник один, Нестор по имени.
- Как он туда попал?
- Он охотился на пушного зверя, встретил людей Гюн-Вэя.
- Сдается мне, что речь идет о гуннах.
- Кто его знает, охотник говорил только светлое о них. Это сыны Света.

- Ну тогда готовь послов к нему. Я хоть и слабовольный воевода: почти в руках мракобесов, видел, что затеяли с моим дедом, но от знакомства с алтайцами не откажусь. Найди в приказе человека по горным зауральским, алтайским просторам, и пусть готовит дружину. Я согласен, я на все согласен в такой смутной ночи моего воеводства.

Часть 21

Русь и Гюн-Вэй. Ашин задумался...

В состав миссии на Алтай вошли: сам Изяслав, его малолетний сын, Ростислав – соседний воевода, Иоанн, как писарь, Нестор как проводник, знающий те тропы. Но об этой миссии никто не знал, готовилась она тайно, потому что путешествие намечалось через земли печенегов и половцев. Несмотря на опасности через эти земли, мирная жизнь Руси в IX-XII веках нуждалась в союзниках. Правда, не столько в количестве, их было вроде предостаточно, сколько в верности каким-то общим нерушимым идеалам. А тут Нестор своих знакомых назвал одним словом – Свет. Они светлые не только обликом, но и в своих действиях. Им тоже нужны союзники-единомышленники.

Но Изяслав, зная историю нападений и коварства соседей с Востока, решил все же не рисковать лишней раз жизнью

сына, да и своя ему еще дорога была. И решил оставить двух-трех приказных, пару бояр, охотника Нестора и писаря – старца Иоанна. Перед отправлением он провел еще раз «речь»-собрание с каждым в отдельности. Суть заключалась в том, чтобы послы выглядели не как «бить мы биты» или «бита наша земля ворогами лютыми, антихристами». А его люди должны были выглядеть, как богатые заморские купцы. «Мы не просители, мы сами оказываем поддержку, ибо наша казна полна», - сказал Изяслав в напутствие. И в великолепных каретах, в сопровождении кавалеристов в синих накидках, выехали в путь. Но недолго им пришлось гарцевать в парадных одеждах: Нестор остановил шествие, и все перестроились по его сценарию. В чем он заключался? Впереди неожиданно встретился половецкий дозор. Они-то и предупредили Нестора о том, что им не удастся проехать незамеченными через печенегов. Надо переодеться в одежду калик перехожих, то есть стать «слепыми» и, держась друг за другом, двинуться цепочкой...

Нестор же засмеялся. Подал дозорному мешочек золотых и сказал:

- Веди нас тайно, оврагами, лесами, а там мы переправимся через Итиль сами.

Тот отнекивался, но задумавшись, сказал:

- И все же вам придется сделать, как я сказал. Печенежский князь Темир собирает дань со всех, кто проходит через его земли.

- Ну, тогда пусть возьмет и с нас калым, - сказал Нестор и стал точить саблю. Юный Изяславович тут же достал свой, к ним присоединился и старец Иоанн, Скинув суконную накидку, он подпоясался широким боевым поясом, накиннул кольчугу, приготовил лук и стрелы, кремень и паклю.

Половецкий дозор в составе пяти человек что-то между собой посоветался и сказал:

- Нестор, следуйте за нами. Здесь уже у порогов, Итиль

недалеко, доведем вас, а там переходите сами.

На этом и двинулись в путь через овраги, но как воины, а не «калики перехожие».

Вскоре они оказались у широкой реки, где течение было спокойное. За небольшие деньги (5 копеек), лодочник переправил сначала людей. Нестор остался на этой стороне, для того, чтобы погрузить карету с лошадьми. Это дело оказалось сложнее и опаснее. Пришлось ждать паром на мехах: половецкие стражники нашли своих «паромщиков». Такой своеобразный способ переправы пришлось перепроверить и самому Нестору. Но весь экипаж пришлось разобрать и сложить, а затем и накрыть. Переправились благополучно, и половцы помогли собрать экипаж.

Иоанн и его спутники попали в какой-то торговый городок. Нестор же, оставив людей в трактирчике, пошел в людное место на базаре. Слушая разговоры, он пытался найти русских торговцев. Нашел двух стрельцов. Хотя те были выпившие, но сумели найти сопровождающих в Пазарык. Правда, один сказал: «Туда дорога лежит через горы, там бродячие, лохматые скифы, но вы сильнее их, старайтесь показать, что вы воины». Стрельцы и Нестор вернулись к Иоанну, и к вечеру миссия тронулась далее в Пазарык.

Гюн-Вэй продолжал объезжать необжитые места, горы же вовсе были недоступны, за исключением тех троп, по которым они добрались в первый раз. И все же Тыгыр, следуя за ним, отмечал на своих свитках места удобные для земледелия, где можно содержать скот, пастись лошадей. Довольные обходом, Гюн-Вэй и его воины, вернулись в Пазарык. Но уже дело было ближе к осени, ночная прохлада оставалась и в первой половине светлого дня. Надо было начинать строить дома. Тут снова пригодился опыт мудрого Тыгыра. Во время обхода по пути он отмечал и все виды

почвы: краснозем, глину, чернозем, подзолы.

После приезда с гор и долин, Гюн-Вэй собрал своих на солнечной поляне. Здесь иней сошел, но под кустами лежал еще и сверкал тусклым светом. В заботах пролетело горное лето, и надо было начинать думать о зимовке. Нашли и Сурная. Он долго не понимал, о каких домах говорят пришельцы. Наконец, Куман объяснил ему: «Вы живете в полуземлянках, а вот китайцы давно живут в наземных, добротных домах, где зимой топят печи, в них тепло и уютно. Мы тоже имеем такие дома. Но здесь их нет. Надо строить и здесь».

Сурнай, собрав длинные волосы, молвил:

- Стройте и здесь. Мы поможем. Нам хорошо и с нашими предками, которые живут под порогом у нас.

Воины Гюн-Вэя ахнули. Они же видели, как в доме с «тремя окошечками» хоронят предков, ужаснулись от мысли, что до сих пор этот обычай живет. Нет, уж, они — люди солнечные, тепло и уют любят. Не бывать им слугами у них...

Тыгыр объяснил, как они строили подземные и наземные загоны, дома, навесы, но все из специально высушенной серой глины. Глину сушат в специальных четырехугольных формах. Ему пришлось и эти формы сколачивать, укрепляя их лыком.

Гюн-Вэй поднял ноги всех «лохматых» и под надзором Тыгыра и воинов, стали готовить не только кирпичи из глины, но и из мягкой горной породы. Благо, что здесь ее было много. И уже несколько кирпичных домов, но пока еще без крыш, стояли в ряд, образуя улицу. Армия строителей работала: нашли возможность, где волоком, где на конях и запряженных спокойных и меланхолических быках, доставить и лес. Спустя месяц уже те же строители обмазывали глиной, смешанной с конским и воловьим навозом, стены домов. Щели хорошо закупоривались,

получались добротные домики с несколькими комнатами. Так, Гюн-Вэй оборудовал себе «тронный зал». Здесь он собирал свой совет, иногда сажал на ковер и Сурная с его «лохматыми» соплеменниками.

В одно солнечное утро Гюн-Вэй пригласил его с составом общинного совета. Сурнай был болен. Недолго ему оставалось жить, поэтому Гюн-Вэй прямо сказал, зачем он их собрал:

- Мудрый Сурнай, не пытайтесь показаться мне молодым. Вон голова уже совсем седая. Да и легкие в подвале набрали предостаточно грязи. Отныне будете получать еду из общего котла, как и наш иждивенец. А руководство советом вашей общины передайте Куману. Он хорошо понимает ваш и наш язык, разбирается в строительстве.

Сурнай может, и хотел что-то сказать, но кашель вывел его из равновесия, и он медленно обмяк и повалился на руки своих «лохматых». Через несколько дней он умер. Его похоронили, как и подобает вождю, со всеми почестями. Плакальщики, стригальщики, конюхи и другие общинники выполняли каждый то, что ему было обязано вождем. Но по приказу Гюн-Вэя «домик с тремя окошечками» был полностью закопан, сверху еще нагроулили кучи огромных камней, затем набросали хворост и сожгли остатки конских шкур, копыт, костей, оставшихся еще при жизни вождя. Гюн-Вэй не мешал скифам отправлять вождя к праотцам по их похоронным обычаям.

Прошла неделя. И как-то в туманное утро, по дороге с Запада появилась карета. На дугах упряжи коней были подвешены колокольчики. И на их звон вышел дозорный на границе с уйгурами. Другой дозорный быстро закрыл ворота. Кучер, он же Нестор, спрыгнул и сообщил: «Это русская миссия воеводы Изяслава».

- Вы не спешите, мы вызовем Гюн-Вэя. Не велено

пропускать никого. Тем более, здесь - траур. Подождите в карете.

Другой дозорный узнал Нестора и быстро съездил в стан к Гюн-Вэю. Тот был занят строительством крыши «тронного зала». Но, узнав, о чем идет речь, быстро преобразился, переоделся, сел на Небесного и в сопровождении Тыгыра, поехал встречать гостей.

Сын Изяслава, Ростислав, Иоанн и Нестор расположились на пожелтевшей траве в ожидании Гюн-Вэя и внимательно рассматривали проезжающих всадников с длинными косами из-под шлемов в сверкающих стальных латах и саблях.

Гюн-Вэй, со свойственной ему горячностью, спрыгнул с коня на ходу. И никто и не заметил, как тут же недалеко сел огромный орел с легкой цепочкой на лапе. Орел, сложив огромные крылья, медленно подошел к Гюн-Вэю сзади и клюнул его в ногу. Всем стало интересно: никто никогда не видел ручного орла, да еще и с цепочкой. И гости задались интересом к этой птице. Но, когда все сели в экипаж, то орел взметнулся вверх и полетел впереди Гюн-Вэя, как будто ему было поручено охранять путь высоких гостей.

Нестор правил парой каурых лошадей, но чтобы не привлекать внимание, колокольчики сняли.

В стане их уже ждал сам Ашин со своей свитой, в числе которой была и жена Ашина. Они ждали ребенка, поэтому Ашин сразу поручил ее Гизилжан и женщинам. Сами же вошли в «тронный зал», на полу которого были расстелены ковры персидских мастеров. В очаге горели сосновые дрова в середине зала стояли невысокие столики китайских мастеров и табуретки с бархатными подушками.

Ашин ахнул от удивления и красоты, ему еще не удалось обставиться, а тут Гюн-Вэй своей расторопностью, по-царски обставил зал, чем очень удивил и гостей.

Прошло немало времени, прежде чем Нестор, Тыгыр и

привезенный Ашином гарджуман-переводчик, устроились за столиками с персидской краской и китайскими кисточками для письма.

Слева сидели Ашин, Гюн-Вэй, Куман, Дэв, от скифов – Ярды, Сантуз и другие воины. Справа – гости: юный Изяславович, Ростислав, Иоанн, Нестор и еще несколько человек, которых прихватили с собой по пути у Итиля. Ко всеобщему удивлению и приятному впечатлению, Нестор после того, как переоделся, стал по-настоящему красивым, как все русские воины. Но гости отметили про себя, что и сторона Ашина и Гюн-Вэй изящны, красиво одеты и обуты и чисто выбриты. И совсем земное обличие было у лохматых и небритых скифов зачем-то носивших косы, которые им очень мешали. В их присутствии усилился запах овчины...

Ашин на своем тюркском языке стал приветствовать гостей из Руси, а Нестор переводил:

- Недавно мы пережили необычайно сложное и трагичное состояние – на несколько дней на нашей земле наступил мрак. Солнца мы не видели до тех пор, пока (он указал на Дэва и Тыгыра) эти славные воины не снесли Стену высотой в одиннадцать километров. Страшно жить во тьме. Но еще страшнее жить без друзей и союзников. Мы просим всех, кто сидит в моем доме, изъявить желание помочь нам сейчас, а мы в свою очередь будем помогать и вам.

Нестор умолк. Юный Изяславович первый встал и громко заявил:

- Я первый ваш друг, потому что вы спасли Свет, Солнце, Жизнь на сотни километров отсюда!

Нестор перевел. Гюн-Вэй и Дэв засмеялись: просто сюда собрались одни юноши. Если юноши берутся спасать мир, то мир будет спасен! Да будет Солнце – («Гюн»), свет и ШАО!!! Все захлопали в ладоши.

В это время женщины и воины внесли деревянные подносы-корытца, ножи и вилки — расщепленные деревянные палочки.

Нестор снова стал переводить слова Гюн-Вэя:

- Коль мы упомянули ШАО, то давайте, наших вновь прибывших друзей, посвятим в тайны ШАО. Это означает, что они будут жить по Великой программе Света, Добра, а блага будут получать от земли, только трудясь на ней, не нападая на соседей и отбиваясь от врагов.

Гостям нечего было добавить: они, оказывается, тоже давно живут по этому закону, они любят этот путь, благословляют Солнце, Небо, Землю каждый день. Не ступи нога басурмана на росу утреннюю, не мешай соловьям петь гимн природе, не губи молодых — вот те заповеди их ШАО.

Затем слово взял Тыгыр, он попросил Ашина, а затем и Иоанна перевести его речь:

- Но чтобы ШАО оберегать, мы должны вместе, рука об руку строить великий мост через Итиль и вместе гнать общего врага — болезнь, жадность, жестокость и захват чужого добра. Потому, что на сей день именно этот враг — самый коварный.

В это время в глиняные кубки воины стали разливать розовое вино из винограда долины Турнигюл. И Тыгыр предложил сесть за «хлеб и соль».

Обед завершился песнями воинов и женским хором под звуки флейт. Гунны ценили песни, звуки свирели и флейт их тешили. К вечеру общины собрались у огромного костра. Здесь тоже веселились, но не буйно, а по- степному, чинно, величественно и торжественно, ведя Небесных коней вокруг огромного костра. Затем Ашин объявил (а Тыгыр перевел), что утром всех приглашает на полигон в долину, где пройдут учения для молодых. Пригласили Нестора и юного Святослава. Дело в том, что Изяславовичу уже

исполнилось 14 лет, и ему дали имя Святослав. Так что, Иоанн спокойно встретил приглашение:

- Пушай веселится малый, да и науку военную полевую пусть изучает с саблей в руке. Идите, идите. А ты, Святослав, учись у них...

Не успел закончить слова, как над крышей дома появилась тень, которая переросла в огромную птицу. А затем и сама птица показалась над уходящими рядами воинов. Оказалось, что орел уже хорошо владел навыками узнавания воинов Гюн-Вэя. И кружась над долиной, он садился то на вершину горы, то на выступ скалы. Когда же начались учения, Святослав и Нестор, стараясь не отставать от молодых лучников, тоже учились метать молот (топуз), стрелять в цель на близкое и дальнее расстояние, проскакивать сквозь огненные валы на диких, но обученных лошадях, преодолевать высокие валы, утыканые острыми кольями.

Учения завершились поздно ночью, преодолением высокой скалы, которая считалась неприступной. То и дело раздавались боевые крики вождей, то резко и визгливо кричали скифы, видимо, захватив «лазутчика» и все это наблюдалось сверху Ашином, Тыгыром, Иоанном и Ростиславом.

Когда же вылетели ночные птицы, выглянула полная луна, и долина осветилась голубым светом, наблюдатели осторожно спустились по ступенькам с другой стороны возвышенности. В долине были кое-где раненные тела, бегали одинокие кони, из ближайшего селения доносился лай собак, но Ашин и гости уже шли в стан, чтобы принять рапорты вождей-полководцев и после такого дня принять пищу. Во время ужина Ашин задумался. Его войска были достаточно натренированы, но оружие оставалось по-прежнему, бронзовым. И это обстоятельство его очень огорчало. Это смятение заметили гости. Иоанн, в прошлом

стрелец и воин из царской охраны, хорошо понимал Ашина, и в душе и в мыслях он стал обдумывать кое-какие детали этой большой военно-стратегической проблемы. У них дела обстояли не лучше...

Часть 22

Общая беда...

Приближалось время сбора урожая в долине Турнигюл. И все родоплеменные вожди знали, что необходимо выставить на плетенных и мазанных глиной оградах и воротах («аул») свои флажки-тамги. Это были особые знаки, указывающие родословное древо каждой семьи, рода, племени. Эти же тамги-знаки (гербы, геральдические символы) вышивались на шарфах, куртках, лентах и венках молодежи. Юноши и девушки хорошо ориентировались в системе родства, и старались избегать кровно-родственных и близких по крови, своих избранников и избранниц. Семьи были крепкие, здоровье рода было на первом месте. Конечно, и личным духовным ценностям (красоте, физическому развитию, умственным способностям и т. д.) придавалось большое значение. Но, тем не менее, тамги регулировали брачные отношения гуннов. Этими ценностями особенно гордились Ашин и его команда, которые вложили все для поддержания добрых и гуманных традиций в родоплеменных союзах. Поэтому сбор урожая предвещал и свадебные гуляния среди тюрко-скифских народов.

Вся эта система составляла культуру «гюнлю» - как описывали их китайские летописцы. В то же время она иногда коротко называлась «яньшао».

После грандиозных игр-учений, Ашин пригласил своих гостей в свой стан – Турнигюл. Гости внимательно

оглядывались вокруг, опасаясь нападения, может быть, не из ашинского лагеря, но вполне возможно, со стороны случайных свидетелей триумфа Ашина и его команды. Но и это еще не все источники тревог..

Нестор и Иоанн знали цену, которую им пришлось заплатить при переходе через печенего-половецко-узские степи. Этим родоплеменным объединениям, привыкшим, по свидетельству арабского посланника Ибн Фадлана, добывать себе пропитание не то вымогательством, не то нападениями, пришлось потесниться и «уступить» дорогу славянскому экипажу. Конечно, орда из 10-15 человек представляли все же опасность, но как Иоанн, так и Нестор, были не просто сытые по сравнению с голодными степняками. Они были и физически крепкими, рослыми, могли на плечах перенести (а то и волоком) экипаж, вместе с юным Изяславичем. Но здесь, в стане организованного и слаженного хозяйства Ашина, Гюн-Вэя, Дэва, Дуан-Кыра, Тыгыра им было уютно и очень тревожно. Из рассказов арабских и китайских купцов и путешественников было ясно, что восточные летучие конные отряды, в состав которых входили случайные во всем (культуре, религии, военной и хозяйственной подготовке) люди, представляющие бóльшую опасность, чем этот, затерявшийся в широких просторах Ашин с его командой. Но спустя пару дней, когда долина загудела от народного гуляния, гости немного успокоились. Свадьбы... свадьбы... это покой и свобода.

Тыгыр и Иоанн очень быстро сошлись как умудренные жизнью опытные люди. А юный красавец Изяславович наконец отметил свое совершеннолетие на учениях и мудрецы нарекли его именем Святослав. Поэтому он был в неопишемом, а скорее неизмеримом, счастье и радостных думах. Наконец, он, воин, он получает бесценные уроки выживания в среде этих воинов-земледельцев.

По предложению Дэва и Гюн-Вэя, молодые вожди выехали на объезд границ Ашинского государства. Но, не проделав и дня объезда, они поняли, что мало называться людьми Ашина. Проблема возникла тогда, когда китайские воины-дозорные предъявили им ультиматум относительно государственных документов.

Гюн-Вэй, как старший и доверенный самого Ашина, вернул команду назад, не сказав ни слова, не выпустив ни одной стрелы. Как только воины повернули коней назад, над ними оказался крылатый воин Дуан-Кыр-орлан, но без своих орлят. Гюн-Вэй знал, зачем он прислан: жди опасности с гор. Поэтому команда приготовила на всякий случай стрелы и луки и сомкнула ряды. Впереди летел красавец орлан, как бы оберегая своих. По пути встречались кыныки, ктай, юе-чжи, ю-сени, калтай, скифы-саки, скифы-массагеты. И, узнавая Гюн-Вэя и Дэва, каждый раз их приветствовали особым жестом – рука на груди, а колено на земле...

Гюн-Вэй привел отряд к стану Ашина. Изложил суть возвращения. Тогда Ашин позвал женщин и девушек:

- Накормите воинов. Знаете как?!

Одна из толпы вышла вперед и...

- Ну да, надо одного ягненка рассчитать на двоих. После того, как будет ягненок зарезан...

Ашин не дослушал, позвал Тыгыра:

- Тыгыр, идешь в распоряжение женщин. Готовьте ягненка в печи. Знаешь как?

Тыгыр и еще несколько мужчин удалились готовить ягненка целиком в печи. А Ашин собрал всех своих и гостей в дальнем углу стана, выставив дозорных, сказал:

- Мы отдыхаем. Следите, чтобы была тишина!

«Отдых» же заключался в том, что необходимо было здесь, в присутствии гостей из Руси, составить бумагу на арамейском языке в жанре государственной гербовой

бумаги, с целью утверждения государственных границ Ашинского союза племен.

Задача ошарашила всех. А гости из Руси почувствовали себя так, как будто на боярской Великой Думе: еще бы они должны сказать свое «да» или «нет» новой административной единице на северо-востоке Алтая. Вот уж не ожидали, ни Нестор, ни Святослав, ни Ростислав, а тем более Иоанн, что именно они станут крестными нового, молодого, но перспективного дружественного Союза Ашина.

Ну что ж! Ашин особенно не преклонялся перед ритуалами. Он любил Солнце и был молодым, энергичным и всю эту радость он приписывал своему небесному патрону ШАО.

И сейчас он, озаренный этим светом, молвил:

- Ну что ж, ШАО нам поможет и ШАО нас сохранит! Это великая Сила и пусть мои гости будут свидетелями этому событию: да будет Великий Союз Ашина!

Неожиданно над станом пролетели два белоснежных лебедя. Ашин и Гюн-Вэй остались спокойными, они знали повадки своих воспитанников, но молодой Святослав, вспыхнув в добрых чувствах к птицам, протянул руки и воскликнул:

- Вот бы мне таких!

Иоанн поднял голову от писания документа и тихо молвил:

- Наш княжич большой любитель природы. Но у тебя же тоже есть лебеди в пруду.

- Нет, мудрый Иоанн, я этих или им подобных хочу. Я таких хочу, подарите мне, Гюн-Вэй!

Гюн-Вэй поправил усики над губой, посмотрел на Ашина, на Нестора, те одобрительно закивали головами, а Гюн-Вэй сказал:

- Ну хорошо, молодой царевич, будут у тебя такие лебеди!

Иоанн писал, не поднимая головы. Судя по борозде морщинки на лбу, капелькам пота, сжатым губам, дрожащим пальцам, он был в состоянии высшего напряжения. Он хорошо знал, что от содержания этой грамоты зависит историческая судьба Ашинского государства, от судьбы этого государства зависят судьбы сотни тысяч разноязыких, разноплеменных народов горного и северного Востока. И тем не менее Ашин выслал Дэва, Гюн-Вэя и Тыгыра с их друзьями, чтобы обеспечить безопасность «отдыха» совета старейшин.

Когда грамота была завершена, Иоанн приложил печать перстня своего в четырех углах грамоты. Под ними приложили бронзовые печати Тыгыр, Ашин, Святолав. Когда же вернулись Гюн-Вэй и Дэв, те тоже приложили свои арамейско-греческие «каракули» - завитушки. Грамота была зачитана «отдыхающим» в горнице перед огнем, а затем и на Совете старейшин общин. Правда не все поняли суть грамоты, мало того, одни вообще расценили, как будто Иоанн и Нестор хотят их забрать к себе, поэтому и готовят дорожную бумагу-грамоту, мало кому понятным языком и сутью. И тем не менее, для Ашина и его команды уже было государство-патрон, защитник интересов в международном плане, а кто взял на себя такое обязательство, теперь было не важно: иди, ищи в просторах Вселенной Нестора, Иоанна, Святослава, Ростислава и т.д.

На следующий день гости в сопровождении Тагира, Кумана, Гюн-Вэя и отряда всадников собрались в дорогу. Гюн-Вэй подарил им выдрессированных воинов-птиц: орла, пару лебедей, несколько косуль, молодых горных козлят для разведения их в парке Святослава. Под звуки флейт гости на бело-серых конях (Небесных) в сопровождении отряда отбыли сначала в Пазарык к Гюн-Вэю. Не доезжая до селения, отряд скифов, звеня псалиями и стрелами в колчанах, с гиканьем и дикими уранами – боевым кличем,

встретили гостей. Правда, они были стрижены, бриты, вроде бы и вымыты в ближайшем водоеме, но при их виде Гюн-Вэй брезгливо отвернулся в сторону Иоанна, как бы загородив его собой.

Молодые поняли и, закрывшись рукавами расшитых курток, заулыбались. Вся степь запахла конским потом, полынью, чебрицей и кизячным дымом.

После отъезда основной массы молодых вождей племен, Ашину стало грустно, немного тоскливо и он, как всегда, пошел к лебедям, которые плескались в Турнигюле. Зеркальная поверхность озера для него, как будто излучала серебряную синеву, и ему в голову не приходило, что и над головой у него звенит голубизна неба. А там в вышине жаворонок то приближаясь, то удаляясь, своей песней звал его к себе – к полету в небе.

Нестор и Дэв-воин, орлан-воин и все всадники с тихой, но дружной песней, ехали в направлении на запад к Итилю. Когда же печенего-скифские и калмыцкие юрты остались позади, воины переправили экипаж Иоанна на другой берег Итиля (Волги). И, убедившись, что они уже в безопасности, Дэв и ашинские всадники повернули назад к Пазарыку. Где-то в стороне осталась Камская Булгария, Ак-Гуззия, Ард-Гуззия, угры, болгары; но тюрки тоже уже слышались где-то за холмами. Они сновали то в город Истр-Хан¹, то в сторону Дона, то в Черкессию. Их говор напоминал клочот...

Но дорожная пыль то злым песком, обсыпая путников, оседала на придорожные колючий чертополох, осоку, ежевику, осот, то взбудораженная отрядом всадников, облаком нависала над головами наших героев, ехавших из Пазарыка на тихую, казалось бы, родину-Русь...

«Пыль да облако песчаное, к беде великой быти» - вспомнил Иоанн из книг волхвов... Да к чему бы это

¹ Истр-Хан – Астрахань

сейчас», - думал старый воин. Ох, великая сила, убереги от ворога, хотя бы этого младого Святослава! Ребенок ведь совсем, к чему ему злое облако, - думал он, вытирая слезы от пыли. И подъехав ближе к Нестору, заговорил:

«В 968 году печенеги напали на Русь, зная, что отсутствует храбрый князь, и даже приступили к самому Киеву. Будучи идолопоклонниками, они разрушали святыни славян, а когда Русь приняла христианство, то и — церкви, возведенные руками русских мастеров. Даже князь Игорь, княживший в эти смутные годы в 912 по 945 годы, не сумел огородиться от их нашествия. А двигались они берегом восточной страны и ее рек: Иртыша, Тобола, Урала, мотивируя свои действия тем, что их зверь забежал к нам, россам; они под видом охоты чинили большие разрушения. Благо, что Всевышний их прогнал в Европу, где и сгинули. Среди них были узы, печенеги, угры, турки, козары, скифы. Ох, ох, наша многострадальная земля! Найдется ли какой-нибудь смелый вождь и оградит мою родину от степных полчищ. Да и сейчас, что-то смутно вокруг... К чему бы это облако густой пыли?»

Не успел он закрыть глаза в дремоте, как орел так встрепенулся, что чуть не опрокинул корзину. На его зов заглянул Нестор. Он в отчаянии крикнул:

- Иоанн, выпусти птицу, вот окошко в кибитке открыто!

Нестор стал на место, приготовился к атаке, услышав степняков, выглянул и Святослав. Выхватив саблю, пересел на одну из лошадей и приготовился к встрече с печенегами. Им было все равно кого ограбить, лишь бы найти добычу. Нестор, Святослав, Ростислав и еще несколько воинов из русских пограничных дозоров яростно бились с нападавшими. Им помогал огромный орлан. Он свирепо высматривал злодеев и выхватывал острыми когтями их шапки, вырывая кожу с головы и лица. Паника

среди нападающих возрастала, и через некоторое время, они отстали, только часть осталась в придорожной пыли, где орлан добивал их. Другая часть сбежала, и среди них был и Куря, который зажегся чувством мести и зависти к молодому Святославу. Этим порывом Куря преследовал князя еще очень долго. Но это другая история, о которой Иоанн напишет в своей летописи...

В это время на территории Ашина со стороны севера Гоби напали кидане, которые носили на лбу желтые повязки. Свирепые, жадные и необузданные никакими чувствами благородства и пощады, они разорили почти всю территорию вплоть до Турнигюла. В это время шли молодежные гуляния. Уже намечались свадьбы, готовили свадебные подарки — лошадей, овец, коров, птиц для новобрачных, когда в селение на взмыленных конях примчались дозорные с севера и с востока. Ашин же не спал всю ночь, сидя то за документом о государственности, то заглядывая к жене-роженице. И не было рядом ни Гюн-Вэя, ни Дэва, только Тагир возился с молодыми птицами — орлятами, которые, попискивая, клевали его пальцы и норовили вырваться из клетки. И это еще больше угнетало Ашина.

Поручив жену и малолетних детей Тагиру и женщинам, вышел в центр расположения воинов, у которых помимо военного снаряжения, на седлах в особых корзинах сидели взрослые, хорошо обученные орлы-воины. С ними он выехал гнать сары-киданей, а дозорного отослал к Гюн-Вэю в Пазарык. Врага он застал врасплох. Те лагерем обосновались недалеко от Великой Стены. Кругом царил беспорядок но захваченные стада (видимо животные мирно паслись на лугах), тревожно мычали, блеяли, ржали кони на привязи, а недалеко сидели связанные гунны-пастухи.

Ашин отдал приказ Куману:

- Ты со своими справа, а ты Айдар, лети со стороны рва,

укрывшись в густых зарослях, ждите нападения орлов-воинов. А я знаю свое дело.

Захватчики не ожидали нападения огромных грозных орланов, которые стаскивали с лошадей, невысоких киданей и китайцев. Справа! Слева! С центра – стрелы, камни, пики, мечи и сабли... Недолго длилась освободительная сеча, к вечеру пленных и освобожденных, привели в долину Турнигюля.

Тарги выпустил всех орлов, которые встретили процессию и, с двух сторон сопровождая людей, привели передние ряды в долину. Лебеди, взлетев с озера, своими звонкими песнями возвещали о рождении сына у Ашина и его победу над врагом. Но его друзья из Руси продолжали отбиваться от дорожных банд...

Часть 23

«Ты грубый, не ходи...»

Нестор хорошо знал здешние места и особенный рельеф, заросший кустарником и лесом. Поэтому его задача заключалась в том, чтобы всю миссию довести до оврага, заросшего лесом и кустарниками. Здесь он имел охотничью «хижину» размером в 100 квадратных метров площадью и с углублениями типа подвалов. Они были когда-то пристанищем персидских купцов и «хижина» была спроектирована их строителями.

И вот, наконец, последние стрелы просвистели в листве, но Нестор определил, что они выпущены были наугад: враг не знал, где они укрылись. Орлы, долетая до своих жертв, в пике своего гнева, уже не просто их валили, а играли с неуклюжими, в лохмотьях и вонючими печенегами. Но вскоре и птицы долетели до своих корзин, сложив крылья, припали к чашам со свежей водой...

Нестор, откинув край кожаного полога, служившего дверью кибитки, влез к усталому Иоанну, за Нестором, отдышавшись, взлезли Святослав, Ростислав и два воина-стрелка. Остальные остались на дозоре в кустах и на деревьях. Нестор, сняв доспехи, отдышался и его взгляд упал на орлят в корзине, которая так и осталась лежать закрытой у прохода.

Каково было удивление вошедших, когда Нестор им указал позу, в которой расположились птицы. Видимо, почуяв опасность, орлята решили занять «круговую оборону». Один, растянув крыло, заслонил другого, а тот, в свою очередь первого. Головы повернуты в разные стороны, тяжело дыша, сверкая зоркими глазами, ждали нападения. Такая ситуация всех воинов не просто окрылила, они еще больше восприняли птиц, как самих себя: они – воины, и птицы – воины, которые охраняют запад и восток, но и готовы дать отпор любому нападающему.

Нестор разбудил Иоанна. Тот не сразу проснулся от тяжелой ухабистой дороги и нападения, поэтому что-то еще ворчал про себя. Нестор растолкал все же главного писаря и, указав на «двуглавых орлов», сказал:

- Иоанн, быстро нарисуй эту позу мудрых орлят у себя!

Иоанн, протирая глаза, устало ответил:

- А у меня бумага кончилась, разве что по углам грамоты. Давай, помоги, посвети, а то уже темно.

Дали лучину, и при слабом свете, он на свободных углах грамоты набросал одно тело (так ему виделось) орла с двумя головами, смотрящими в разные стороны. Затем показали всем сидящим и воины со свойственным им юмором, воскликнули: «А теперь, пусть хоть кто-нибудь попробует на нас напасть. Вон, какая у нас стража!». Последние слова утонули в дружном мужском хохоте, а затем орлятам-дозорным воздали шуточные почести, спели

куплеты, сложили эпические четверостишия о храбрых птицах. В углу же тихо дремали белоснежные лебеди. Молодой Святослав бережно укрыл корзину дерюгой, и сам отошел ко сну.

Иоанн задумался над своим рисунком с двуглавым орлом-символом. А затем, взяв перстень-печатку, сделал оттиски на все рисунки, этим символом показал еще не совсем окрепшего государства, но с названием – Русь!

Среди ночи пошел проливной дождь. Дозорных, голодных и промокших, сменили Нестор, Ростислав и Святослав. В вспышках молнии они увидели, как недалеко от их «хижины» цепочкой идут люди с молитвой. Слов не слышно было, но отчетливый голос позвал: «Есть ли кто? Помогите, мы калики-перехожие. Помогите нам, люди, русичи, древоchi или туркоманы! Помогите, мы божьи люди...»

Ростислав, посмотрев на Нестора, спросил:

- И ты веришь в этот час, что это – божьи люди?

- Да, кто его знает? Там, человек десять и то все под капюшонами. Иди, знай! Подойду поближе, послушаю их речь...

Ростислав, испугавшись грозного и смелого Нестора, предупредил:

- Ты грубый, сильный, не ходи... Вдруг это туркоманы-печенеги, а то и наши свои, но недруги!

- Ты что Рости, грубость моя – это честь моя, воин таким должен быть! Только одного вида моего должны бояться. Пойду!

- Нет, Нестор, мы со Святославом пойдем.

- Ну, что ж, моя грубая сила станет вам тылом, идите! Святослав, иди за Рости, не бойся!

Тот выхватив меч, выкрикнул в ливень и ветер:

- Я не привык скрываться за чьей-то спиной! Я и он идем рядом!

Цепочка молящихся уже подошла близко к ним на огонек под широкими лапами-подолами елей. И при свете огня воины-дозорные увидели окровавленные лица остепленных воинов, стариков и старух, молодых женщин...

Дозорные быстро постелили сухую траву, чуть расступились у костра, уступив побольше места у огня и принесли из своих запасов просяные лепешки и брынзу. Пришлые калики не прекращали злобные, тоскливые, жалобные крики и проклятия в адрес гуззов, печенегов, туркоманов скифов. И на шум толпы вышел Иоанн. Из отрывочных рассказов и ответов на вопросы «Кто напал? Когда напал» - сыпались проклятия и какое-то упоминание о забытом народе «...талиты, эфты...» и, наконец, Иоанн восстановил события, и понял о ком идет речь. Он как-то нашел запись в летописи, написанной неизвестным писарем и подьячим. Речь шла об очень давних, казалось, забытых событиях. Причем, к летописи прилагалась надпись на шелке желтого цвета, сделанная черной китайской тушью. На арамейском языке сообщалось, что в 563 году какие-то «тукью» (тук-ю), которые в Европе были известны, как турки, одержали победу над эфталитами. А в VII веке на территорию, занятую этими народами, стали проникать персидские христиане и мусульмане одновременно. «Книги Веры проповедовали христианские миссионеры, что давало очень удобный повод для соперничества за народы этих мест. И, когда турки одержали победу над эфталитами, появилась возможность мстить. Остатки первородных эфталитов, смешавшись с народами других племен и родов, подстрекаемые разным сбродом, совершали эти акты мщения. Не обходили стороной эти акты и друзей из Руси. А эти люди попали в засаду, остаткам недобитых и оправившихся, печенего-калмыко-гуззских орд в столкновении с миссией Нестора.

Святослав, выслушав рассказ страдальцев, схватил меч, сел на коня и под ливнем ждал, кто еще присоединится к нему. Но мудрый Иоанн молвил властным голосом: «Ты – грубый, да и юный, не ходи, сынок! Лучше мы с Рости выедем, но завтра, а сейчас займитесь ранеными!».

Со стороны раненных то и дело слышались какие-то слова: «Куря, Куря, предатель, его, как собаку... надо утопить в реке!»

Но Куря наделает еще много бед, прежде чем будет утоплен в реке... По совету одного из эфталитов, он отправится под видом торговца восточными товарами, в Персию. Пересечет земли аримаспы, массагетов и, договорившись с парфянским пограничным дозором, проникнет в Персию. Имея на груди особый золотой жетон – Золотого Коня, здесь ему легко и просто удалось дойти и до шахского дворца.

Глава III

ДРУГИЕ ТЮРКИ И ИХ БЫТ

Часть 24

Ахмад Ибн Фадлан и Кударкин

Проникновение христианской веры в тюркскую среду вызвало весьма большую тревогу в среде ирано-персидской прослойки духовенства. Оно стало очень внимательно изучать всех пришельцев, как со стороны Семиречья, так и со стороны Вавилонии, Бактрии, Элана. Именно в эти государства с распространением христианства проникали идеи справедливости, духовного единства народов и их сплоченности. Эти обстоятельства не давали покоя и усиленно царствующей верхушке абасидской династии.

Среди купцов и торговцев, выходцев из скифо-эфталито-тюркских областей появляются весьма сомнительного происхождения (не то «лохматые» скифы, не то обросшие до бровей брютеты – эламы), мужчины. Они вызывали сомнение еще и потому, что норовили что-нибудь стащить, украсть – лепешку, денежку (дирхем), яблоко или грушу. Среди этого сброда был и Курия. Он быстро приспособился к толпе базарных бродяг, где чаще всего звучала тюркская речь. Он хорошо понимал окружающих, но смысла сказанного он не постигал. Зато хорошо запоминал термины, выражения, проклятия. Своими быстрыми и горящими глазенками он привлек внимание стражей порядка, и потому очень скоро предстал перед наместником города Багдад. Ирано-персидскую речь он не понимал, но зато ловко и хитро оперировал терминами из «Книги с Неба». На вопрос стражи

«Кто ты такой?» он отвечал, указывая пальцем в небо: «Гök тенгри, гök тенгри, бир (один) тенгри!» Визирь удивился, что у этого оборванца не Мухаммед – «один Бог», а какой-то «тенгри», свалившийся с небес – «Гök». И решил его приобщить к исламу, пока тот окончательно не «свихнулся» на своем «гök-тенгри». Курю поместили в медресе, где было очень много книг, но не «с неба». Они лежали на низеньких складных столиках-подставках.

Наука о великом пророке Мухаммеде ему «давалась» через чувство жестокой мести тем, кого он когда-то упустил из алтайской миссии, особенно мудрому Святославу. И, когда в 921 году в Багдаде была создана миссия посла Ибн Фадлана к царю славян, Куря проник в их среду, как тарджуман-переводчик с тюркского. Хотя и не было в нем надобности, но, гонимый чувством мести и жестокости, он добился этого статуса.

Арало-Каспийские туркмены: кайа, байат, базыр, салор, чавудур, игдир, байнндыр, печенег и скифо-сакские народы продали арабской миссии Ибн Фадлана турецких верблюдов. Они велели сделать из верблюжьих кож мешки (мясо, было продано конеодам-скифам). Так они с помощью камыша, вдувая воздух под кожу туш, сдирали ее целиком. Благодаря тому, что у местных туркменов были такие мастера, они из кож делали надувные меха. Связывая их, они прекрасно могли переправляться через реку к гуззам, где запасались хлебом, просом, сыром, с сушеным мясом на три месяца. Племена Аль-Гуззии узнали в миссии многих знакомых, в том числе и Курю. В свое время и у него был дом из волосяного войлока с глинянным полом. Ни один из жителей таких жилищ не закрывал дверь, просто оставляли свой пастушечий набор палок в торбе, вывешивая ее над входным проемом. Иногда и колчан со стрелами служил своего рода замком. Нищие (а нищих здесь было предостаточно) за небольшое вознаграждение, например,

за кусок просянного «паканда»-хлеба, могли рассказать о чем угодно и выследить кого угодно. Поскольку женщины у них не имели никакого дела с водой, особенно зимой, то попрошайки очень выгодно пользовались этим. Но и это не все. «Женщины не знали (как отмечал Фадлан в своих дневниках) закрывания от мужчин, ни от кого более ничего не закрывают, тела своего, даже перед посторонними», то и эти обстоятельства служили поводом получить «паканд». Как вспоминал Куря, один из таких нищих донес на его жену-красавицу, якобы она совершила прелюбодеяние с кем-то из пастухов. Несчастную, привязав к двум березам, согнутым книзу, разорвали на две части на глазах всей семьи, которая насчитывала несколько поколений рода Кури.

И сейчас, идя вслед за послами Фадлана, Куря, горя мщением, собирал мало-помалу ценные сведения не только о своих обидчиках, но и о славянских сильных князьях, которые с великим сознанием и убеждением склонялись более к христианству, нежели к мусульманству. Они, как и тюрки Ашина с Гюн-Взем, были еще язычниками, но возрастающая опасность со стороны сильнейших и организованных государств, заставляла искать дипломатические пути с Византией и Грецией. Такие сведения Куря ловко и хитро «продавал» (ну, конечно же, не за «паканд») представителю ислама – Фадлану. Тот же, будучи мудрым и образованным дипломатом, вел караван далее, кинув Куре пару дирхемов, избегая всякие разговоры о великих делах, так как о великих делах говорят дипломаты с вождями. Таким вождем у этих турок был Янал. Свои же называли его Йынал, что-то вроде «поверенный», «нам доверенный», а иногда имя его произносили как Йылма – «Спуск». И не мудрено – у тюрков Ал-Гуззии имена давались еще и по природному рельефу, смотря кто, где обитал. Возможно, что предки этого вождя были

из мест, где были холмы со спусками, а может горы... И перед Фадланом предстал мужчина, вполне обаятельный, хорошо сложенный физически, брюнет, невысокого роста. Куря заметил, что Фадлан с ним разговаривает, как со старым знакомым. Он задумался: с чего бы это? И злобно выкрикнул так, чтобы услышали все:

- Если ты принял уже ислам, то ты уже не наш вождь!

Янал взялся за короткий стальной меч, и злобно, сквозь густые усы, сказал:

- Не путай меня с отцом. Я его младший сын, не от твоей сестры!

Куря не отставал:

- Я женюсь на твоей мачехе, когда голова твоего третьего отца будет в корзине!

Янал покраснел и велел вошедшим воинам провести блудного Курю через все селение к Кударкину, родственнику и вождю другого рода, а по дороге хорошенько «объяснить» родственные отношения среди гуззов.

До Фадлана и Янала еще долго доносились ругательства и выкрики Кури: «Кто такой Кударкин?! Я испражняюсь на бороду Кударкина!»

Яналу стало стыдно за такое грязное оскорбление своего соплеменника. Внимательный и, достаточно воспитанный, Фадлан, заметив смущение Янала, решил как бы взять вину на себя: ведь это он нашел такого тарджумана:

- Потом отведи меня к этому Кударкину, который позволяет своей черни «испражняться на свою бороду»!

Янал снял с себя мирную куртку-безрукавку, которую он одевал только по утрам при первых лучах золотого ШАО, когда ходил среди многотысячных отар, отделяя окотившихся овец от ярок. А эти встречи с Фадланом, да еще в сопровождении Кури, у него просто вызвали тошноту...

Но Фадлан, хотя и получил хорошее воспитание и

образование в Багдаде, но не был слабаком. Через некоторое время его миссия, в состав которой теперь влились воины совершенно ему незнакомые, вошла в огороженную плетнем из камыша, территорию. Здесь были не то игры, не то танцы, совершенно обнаженных женщин. Это зрелище было настолько отвратительным, что он поспешил вызвать главного по гигиене и эстетике... Он, представитель ислама и Мухаммеда, жестоко ошибался, думая, что такой санитар есть у гуззов.

Кударкин предстал в полураздетом виде, в рваной куртке, овечьих кожаных штанах и шлеме на голове, и представился, как блюститель, никому неизвестной культуры. Ибн Фадлан хорошо знал признаки всех и вся культур, и понял – перед ним фальсификатор, ложь, разврат и обман идей Ислама. И рассвирепел. Он немедленно послал Халифу депешу: «Отзови меня. Я не в силах доехать до русских, я погибну в этой вони!...»

На другом конце территории Ал-Гуззия, ждали гостей из далекой Персии. Гун-Вэй, Святослав, Нестор и другие представители ашинской цивилизации, которая так и не вошла в историю человечества под своим собственным Ашинско-Гюн-Вэйнским именем, стояли люди Ашина... Кударкин же умер и был погребен в общей яме у своих...

Часть 25

«Грязные всегда мстят чистым...»

Фадлан был наблюдательным дипломатом и при встрече с Гюн-Взем и Святославом, отметил разницу между увиденными племенами и этими молодыми воинами.

Святослав пригласил гостей к себе в горницу. Здесь Фадлану предоставили все, что касается гигиены с дороги, затем пригласили к столу со снедью. Разница была велика

во всем, и он понял, что руссы далеко шагнули в культуре быта, хотя везде было дерево: чаши, блюда, подносы, кубки, ложки и даже вилки. Но блестящий лак делал всю утварь красивой, сходной с персидской, золотой и серебряной кухней. Здорово, очень здорово, и начал он не о превосходстве религии Востока, а о торговле, даже этими же деревянными изделиями из лыка и липы.

Дела шли отлично, и он предоставил возможность Святославу рассказать об отношениях с Византией. Зачем? Дело в том, что Иран и Византия были соперниками в деле завоевания Востока. Но Святослав имел ввиду только Византийскую церковь. И он тоже задумался о дальнейшей судьбе своего народа, судьбе, которая очень во многом была схожа с судьбами народов Ашина. Но неожиданно он заговорил, а тарджуман (Куря затерялся в степях у народов Ал-Гуззии) перевел Фадлану и Гюн-Вэю:

- По-любому, как бы мы ни решали, без участия Византии, нам не обойтись.

Фадлан удивленно поднял брови и спросил:

- А в чем может Византия вам помочь? А нам, персам, эламам, бактрийцам?

- Да хотя бы, помочь установить право и государство, в добром, благородном значении.

- Но христианство к законам относится...

- Относится нормально, ибо нет власти земной без благословения свыше, - заключил Фадлан.

Гюн-Вэй вспомнил все конфликты с «лохматыми», с желтыми китайцами, с печенегами, об их стихийном быте, необузданности, и тихо сказал Фадлану:

- Без воли и силы человека ничего не получится. На то мы и ищем дружественные нам племена, и кроме русских, нам никто не засиял своим светом.

- Но мы тоже готовы вам помочь, только не вступайте в отношения с Визансом, они очень коварные.

Фадлан пожелал встретиться с русскими купцами, которые торговали пенькой, так необходимой для кораблей, которых намеревались пустить по Средиземному морю... персы.

Святослав снарядил экспедицию в Болгарию, с целью посетить и Византию. Избегая всяких разговоров о великих делах, он во главе своих стрелков и лучников, выехал в сторону Болгарии Дунайской. Воспользовавшись отсутствием храброго князя, печенеги напали на Русь, и стали там хозяйничать. Куря только ждал удобного момента. Понимая язык печенегов, он проник в их ряды, завладел отрядом свирепых и голодных степняков, и через своих лазутчиков стал выслеживать князя Святослава на Балканах. Здесь же сильную угрозу для него представляла Греция. В 969 году Святослав отразил нападение печенегов и вернулся в Болгарию. Однако, он тоже допустил ошибку. Дело в том, что в Бессарабии и Молдавии осели другие отряды печенегов, о которых князь то ли не заметил, то ли его лазутчики не донесли вовремя. Непрерывная цепь печенега-тюрко-скифских отрядов помешали завоевать Болгарию и соединиться с Русью. Пришлось ему еще раз отправиться в Болгарию совсем не христианскую, поэтому его встретили, как неприятеля. Греки («ромеи») согласились на мирный договор, и князь стал возвращаться домой в Россию. Однако, россияне терпели недостаток во всем, были сильно измождены этими походами на Балканы, да и печенеги не давали оправиться воинам князя. Печенеги ожидали в Белобрежье, в устье Днепра. Печенеги напали на дружину князя. Куря убил Святослава и, восхищаясь его красотой и мужеством, по совету скифского воина, грязного, лохматого и пьяного, из черепа сделал себе чашу. Как это делается, помогал и рассказывал скиф; у них даже считалось за честь из черепа убитого неприятеля пить, воображая, что вбирают в себя силу и красоту недруга. Эти

кровавые события 946 г. (по описанию Н. М. Карамзина) слухами и рассказами дошли и до Гюн-Вэя, Ашина, его семье, его союзу. Горе за друга, траур в честь этих событий покрыли всю территорию Южной Сибири и Горного Алтая. В Турнигюле, Пазарыке, Лебеди, Телецком озере и их территориях только и говорили об этих событиях. Курю предали проклятию вскоре и его утопили в реке...

Но Гюн-Вэй и Ашин знали, что гнев плохой советчик, поэтому стали еще больше и лучше перевооружать свою армию. С помощью китайских и русских мастеров, стали ковать оружие из металла, бронзу же оставили для хозяйственных нужд.

Как-то, в подземную кузнечную мастерскую, заглянул Нестор с несколькими охотниками. Мастер-оружейник сразу обратил внимание на их доспехи: легкие кольчуги и мечи, шлемы на голове, совсем не говорили о том, что у них мирное занятие. И мастер послал подручного ученика за Гюн-Вэем.

Когда тот явился, они отошли в сторону. Нестор был короток как всегда, но рассказал следующее:

- Ольга отомстила за Святослава. Но Куря пока где-то прячется, надо бы нам человека, знающего ваш тюркский язык. Мы поймаем и приведем его к Ольге. Помогите нам. Он еще может много бед натворить!

Гюн-Вэй задумался: кого бы послать? Тыгыр-Таг подходит, но он нужен здесь в кузнице. Тунч-хан? Нет, он колеблется. Видимо, Канк-сан выполнит эту задачу. И послал за Канком. Тот знал о предательстве Кури, хотя они были тюрками, на самом деле, очень разные по качеству: все же единоначалие Ашина и Гюн-Вэя сказывалось во всем. И Канк-сан согласился проникнуть к Куре, и привести приговор в исполнение.

Часть 26

Дань женщинам...

Победа над эфталитами в 563 году дала возможность укрепить границы и продолжить объединение племен и народов с различной степенью развития в экономическом и культурном плане. И, тем не менее, команда Ашина привлекла внимание представителей китайской династии Тань.

Шли годы и десятилетия. Росло и народонаселение тюркского объединения. Налаженная жизнь молодежи, ее развитие в духовном и физическом плане, создавало условия для благоприятного роста численности населения Союза племен Гюн-Вэя и Ашина.

В семье Ашина выросли и стали крепкими в физическом и нравственном отношении, пять сыновей и две дочери. Увеличивались семьи всего Турнигюля, Пазарыка, Горно-Алтайска, уже многие селения подступили к южным рубежам Сибири, Урала, Казахстана. И в то же время...

Ашин, объезжая селения, узнавал во многих оседлых земледельцах своих бывших воинов. Они тысячами, оставляя военную службу, обзаводились прочными семьями с местными девушками.

К концу VII и началу VIII веков тюрки уже имели свои селения и на берегах Аму-Дарьи, Арала (Кагана или «Гагана», как называли это море местные тюрки).

Ашин, Гюн-Вэй, Дэви Тыгыр продолжали перевооружение своей многочисленной армии. Но еще далеко не все было сделано для пополнения арсенала войска. Но и численность его не высока была, потому что национальное размежевание в Союзе шло своим ходом, а это означало, что и мужское население уходит ближе к границам не Китая, а Ирана, Персии, Византии, Болгарии, Руси...

В такой обстановке начались и природные катаклизмы. Таяние снегов в горах быстро увеличило поток беженцев с затопляемых долин. Турнигюлю это тоже угрожало, и Ашин срочно собрал своих вождей в Пазарык. Собрались Гераклиды всех поколений, Тыгыр-Тага потомки по женской и мужской линии, Баграты, Аш-Ханы по линии Ашина, Канки, Берендеи, Торниды и др.

Ашин выставил дозорных, вернулся в «тронный зал» Гюн-Вэя. Здесь, на персидских и китайских коврах вдоль стен, сидели почетные гости.

Ашин начал почти дрожащим голосом:

- Дозорные докладывают о селевых водах с гор, а долинские наблюдатели сообщают о затоплении полей риса и проса, стада перегоняются на возвышенности, но в долинах остаются корма, навесы, сараи-загоны, птица в беде, особенно пасущаяся. Что делать? Что? Мы будем ждать, пока все пропадет или... — он умолк, почти в слезах...

Или... Но, никто не осмелился первым добавить, далее что делать. «Или» еще и означало перейти всем союзом на другие более благополучные земли...

Встал старый, почти уже немощный Тыгыр. Все повернули к нему головы:

- Что нам делать, Ашин? Лучше не станет, сами видите, что бесконечное таяние льдов и снега в горах приводит к затоплению наших лучших земель и пастбищ. Я предлагаю более молодым и сильным перегнать овец, коров, лошадей в другие, более южные районы, например, в Казакстан, где обитают более или менее дружественные нам кыпчаки, кунересы, ктаи, гагаузы, они нас примут. Поверьте, это не бегство, это выполнение нашего долга перед грядущим... Когда-то мы им помогли плотинами, построили дамбы, вырыли арыки, дурбаны, куйгуны...

Слово «плотина» оживило зал. Да и что плохого в том,

что селевые потоки оградить плотинами, дамбами. Встал Дэв, который сидел в окружении гераклидов, он тоже уже выглядел усталым и изможденным, но бодро сказал:

- Ашин, я останусь здесь, в Турнигюле. Здесь похоронена моя жена - Яблоневого цвет, да и скот мой не выдержит длинного перехода через горы, пески, долины и болота. Давайте все останемся...

- Остаться-то можно, но что мы будем делать со стихией? — раздался голос в углу.

- Останешься — назовут тебя «халаджем» - то есть бедняком без опоры, ведь скот-то общий. Что ты получишь из общего стада? — орал мужик.

- Тебя назовут «кёк-гюрк» - то есть «голубой, небесный гюрк», а не «халадж» - упорствовал другой.

Ашин поднял руку и сказал:

- Я уйду со всеми, кто пожелает идти со мной, пусть идет, а здесь останется Гюн-Вэй. Я ему доверяю. — Вздыхнув свежего воздуха, продолжил:

- Так, что мое Солнышко, сразу прикинь, с чего начнешь. Ты настолько мощный и сильный, что сможешь спасти Турнигюл? Долину отстоять? сохранить границы с Китаем? Улучшить добрососедские отношения с Русью, с другом твоим Нестором?! А то глядишь, и сыновья выберут себе невест из рода Святослава!!! Вот, быть бы единым ШАО для всех...

Тебе этого мало? Так, что наш ШАО с тобой уже! Уже с твоим родным народом, особого светло-голубого, лунного сияния, - народом! — завершил свое слово Ашин под аплодисменты.

Многие в зале уже определились и тут же стали шептаться кто с кем: кто с Ашином к Арало-Каспийскому региону, кто здесь к Алтайско-Сибирскому гнезду прильнет...

Гюн-Вэй, Дэв, Куман и Берендей тоже о чем-то совещались, потому что надо было и свое мнение сказать. Нелегко было

оставаться без общего любимца и могучего Ашина, все еще молодого и красивого, во цвете лет. Мужчины и вождя, воина и заботливого друга, отца своих народов. И все же Гюн-Вэй, со свойственной ему мягкостью и тактичностью, самоуважением и высоким достоинством, сказал:

- Я - песчинка в этом море проблем, но песчинка, сорванная с гранита. А гранит – это мой народ, мои соплеменники, друзья мои и природа моя, я – частичка того светлого, чистого, могучего, что мы называем ШАО. Если я выдержу, честь и хвала моим предкам и потомкам, если же сгину, то с долей огромного дела: я живу, и буду жить для вас, о, мои тюрки!

Многие говорили о плотинах и дамбах, дурбанах¹, куйгунах², о границе и ее укреплении. Дэв и Гюн-Вэй, Тыгыр, Куман, Берендей и их многочисленные друзья и сторонники единодушно согласились остаться с мнением о связистах-птицах: лебедями в Турнигюле. Орлы, орлята, кони, лошади и часть кузнецов уходили в любом случае, наметились ряды уходящих с Ашином.

Так завершилось собрание в первой половине дня. И Ашин пригласил всех под навес к горячему обеду.

Однако, для Гюн-Вэя и Дэва такой поворот событий мало что хорошего и легкого обещал. И Ашину не пришлось бы легко с таким переходом, но и им здесь надо было решить дело со всех сторон. На первом плане, помимо борьбы с паводками, селями, водопадами и затоплениями, надо было решить вопрос и перевооружении армии, обучения ее, оснащением теорией тактики и стратегии боя, а в сильно усеченном рельефе: горы, долины, холмы, болота, камнепады и безводные пески... было особенно важно. Все это ложилось на плечи молодых вождей... Да и семьи, своих возлюбленных, надо было подготовить к таким

1 Дурбаны – небольшие каналы.

2 Куйгуны – колодцы, ямы.

изменениям. И, тем не менее переезд спасал грядущие поколения...

Гюн-Вэй и Дэв-Строитель-Гераклид были довольны своей судьбой. Они любили эту землю, а потому были более «заземлены», чем Ашин с его макропланами...

Не успели они поднять первые кубки вина, как на взмыленном коне, дозорный принес с границы стрелу с бумагой на конце. Дозорный спешился и первому попавшемуся на дворе воину, крикнул:

- Где Ашин? Вот срочная бумага на стреле с той стороны, пусть выяснит, чего хотят «желтые»?!

- Да они обедают перед дорогой, разве ты не знаешь, что он нас покидает?

- Как?! В такой трудный для нас час!

- Не для всех он трудный. Если бы это было так, то не веселились бы ребяташки вокруг. Иди к нему, он вон среди обедающих...

Но Ашин уже шел к ним. Он уже знал о стреле с сообщением и, протянув руку, сказал:

- Что там? Что стряслось, что так спешно ты покинул пост, дай бумагу!

Воин подал стрелу и Ашин снял клочок бумаги с обгоревшим углом. Он понимал, что это означает, но позвал Тыгыра. Тот знал китайские иероглифы: здесь на клочке были изображены символами «женщина», «дань», «немедленно», «а не то – смерть». Поэтому и был обгорелый угол послания. Перевод составил сам Тыгыр, и Ашин сначала покраснел, а затем побледнел от текста: «Пришлите немедленно нам много женщин, как дань, а не то ваша земля будет гореть в огне!»

Ашин и Тыгыр вызвали Гюн-Вэя, Дэва, Кумана, Берендея, Китана. Узнав, что требуют «желтые кидане», они сначала огорчились, но эмоциями делу не поможешь, и стали обдумывать ответ. Сразу же дали дозорному ответ забросить к ним. Ашинцы спрашивали: «Сколько и каких

женщин они хотят, для чего им понадобились женщины, а не другие люди?»

Вместо ответа на горизонте появились всадники с длинными тяжелыми мечами и пиками. Они кричали: «Аш-Хан, тюк-ю, хорош женщина, плодовит женщина, нам много мальчиков нада, много девушек нада, тюк-ю, твой женщина – плодовита»...

У мужчин злобно загорелись глаза: вон, куда клонят наглецы, вон как хотят разбогатеть, увеличить свой род! И, взявшись за оружие, сели на коней и помчались к границе. Там, недалеко от горы Горбатый Баран¹ уже была сооружена плотина через бурную и полноводную реку Змеиная Голова². Воды было так много, что ее хватило бы, чтобы затопить все пространство вплоть до окрестностей Пазарька.

Мужчины-тюрки, одетые в небесно-голубые доспехи и накидки, с таким же флагом, с изображением головы волка, сомкнули ряды. Ашин крикнул в сторону соседей:

- Кто-нибудь подойдите ко мне. Я – Аш-Хан, я хочу с вами говорить!

Подъехал кидан весь в желтом шелке.

- Что вам надо от нас? – спросил Ашин.

- Записка сказала тебе! Что ты дурной или слепой, что «нада», ее так нада, женщин нада, секс нада, мальшки нада!

- Мы не продаем своих женщин!

- Мы не покупаем их. Они – наша дань, наш «подарка». Ты что дурной? Не понимаешь?

- А если не дадим?

- Не даш женщина мы дадим вада, видишь вада, вон сколько вада, всех затопим! Ваг «женщина», наш «уходит», «вада» сидит...

Ашина дернул Гюн-Вэй и шепнул ему:

¹ Горбатый баран – гора, о которой упоминается в «Каталоге гор» Китая.

² Там же

- Оставь его. Я спрошу по-другому.

- Эй, Золотой Фазан, когда и куда привести «женщина»? Сколько «нада»?

- Всех нада, маленькие вырастут у нас, будут нашими, девушки родят «мальчиков, девочка». Нам много «нада». Завтра здесь, у той горы ждем «много нада, много нада»...

И это «много нада» - сразило всех всадников так, как будто каленные стрелы вонзились даже сквозь седла.

Гюн-Вэй и Ашин повернул весь отряд назад в Пазарык; ехали молча, задние, видимо, все же всплакнули, потому что до Ашина донеслись всхлипывание и сморкание, грязная матерщина, слетая с уст, улетала в сторону «просителей дани» на крыльях ветра и песка.

Ашинцы достигли Турнигюл к ночи. Но здесь никто не спал, все ждали возвращения всадников-мужчин. По сему прошел слух о том, что всех женщин (даже малюток) отдают в рабство, и поэтому селение не просто не спало, а напоминало военное вторжение: при свете факелов на площади собрались все молодые и пожилые женщины, девушки на выданье, женщины с грудными детьми на руках, пожилые с тросточками и просто так. Не было безразличных в этом селении: шум, плач детей, лай собак, бляение овец, мычание недоенных коров – все напоминало нападение врага. В клетках даже орлы не спали, лебеди на глади озера Турнигюл тревожно трубили и жались ближе к камышам.

Мужчины слезли с коней, и Ашин сообщил о требованиях кидан. Это название было весьма условно, фактически такого народа не было, были агрессоры и жадные разбойники, которые не гнушались ничем, в том числе и продажей женщин. Но беда была в том, что они захватили многоводную плотину, за которой было, действительно, много воды и, при невыполнении их условий, они могли разрыть плотину или даже взорвать китайским порохом. И

эта угроза стала в их руках весьма сильным рычагом в деле нажима на Ашина.

И их первой реакцией при отказе было схватить стрелы с горящими головнями, обстрелять ашинцев и взорвать плотину, сдерживающую огромный поток воды с гор. А это затопило бы всю долину...

Ашинцы успокоили людей, женщин и детей. Мужья вели их под руки, бережно неся малышей, успокаивая немощных старух и своих дочерей. Все женское население было под темными покрывалами с распущенными длинными волосами. Эта картина сильно озадачивала мужей: так женщин вели в рабство. Но сейчас они были еще под охраной мужей и Ашина...

Ашинцы собрались под навесом у Тыгыра. И снова – совет вождей. Слово взял сам Ашин. Успокоившись после женского хора рыданий, все мужчины внимательно стали слушать вождя. Он же, взглядом указал на дозорного, и тот вышел за полотно во двор. Голос вздрогнул у Ашина, но он произнес:

- Всем желающим отцам, мужьям, братьям, предлагаю самим выбрать, кого послать в последний путь еще при жизни своих близких...

Тяжелое каменное молчание среди воинов. Только и слышно было скрип ладоней о тетиву лука да кожаные куртки. Но неожиданно раздался голос старшего сына Ашина:

- Я никого не отдам, сам пойду войной на них, все пойдем! Знай нас!

- Ты видел плотину, загораживающую потоки бурных рек, ты подумал о том, что будет, если ее взорвать?! – спросил Ашин.

- А ты подумал, что будет с нами без наших женщин и возлюбленных?! – вторил ему кто-то в углу.

- Эй, прекратите спорить, до утра еще есть время: или

кидане утонут, или наши женщины сами что-то решат! Доверьтесь их мудрости, - сказал Гюн-Вэй. Но этого было достаточно, чтобы им напомнить о том, что именно они – мужчины, – главная опора и защита этого края.

Часть 27

Небесные кони и орлы решают судьбу долины Турнигюл. Уход Ашина

Дабы было бы так, но в течение ночи самые влиятельные женщины собрались в доме Сабаагизил. Уложив детей, она вышла к подругам. Среди них были люди из дальних степных аулов. Женщины не плакали, не рыдали, не были грустными от таких вестей. Первая, в спешке открыв лицо, сказала:

- Объявим, что мы идем принимать кодекс ШАО, то есть надо доверить судьбу свою Свету Солнца и Неба, а как нас поймут – это не наша проблема!

- А что надо делать? – спросила девушка в латах, но сирота.

- Просто отвязать Небесных коней, то есть сероголубых, в яблоках, коней от привязи Ашина. И в то же время, открыть незаметно клетки со всеми орлами. В течение ночи их кормить и поить, а потом удалиться от них, к утру они будут готовы летать более энергично – ответила ханша.

В стане же киданей возмущались мягкостью ультиматума. Надо было сразу военным походом захватить не только женщин, но и стада! Что с них еще взять, эти же оборванцы степные... Или же захватить без боя их стада в горах, людей утопить, мужчин кастрировать...

Но дело назревало еще и потому, что затея со

спермантинами-куклами для развлечений, кончилось бедой, навалившейся на мужское население киданей. В утехах и любовных развлечениях мужчины потеряли свою мужскую силу, резко упала рождаемость нормальных детей, а спустя годы народу их стало угрожать полное исчезновение. На помощь пришли миссионеры из ислама и христианства. Но идея захвата женщин была не их идеей, не китайского двора... прекрасных людей, близких к Великим Силам и Духам и Матери-земли – кормилицы, и ШАО, а ожиревшим в утехах монахам...

И матери, и их дети, ашинцев тщательно подготовились к отъезду к соседям, чтобы и «их одарить немного земной силой и небесной энергией» - детьми. Причем, эта программа была неписанным законом для Ашинского союза племен, поэтому его люди понимали друг друга без слов, им светили душевные поэтические порывы даже на расстоянии. Такое понимание друг друга без слов и лишних объяснений, помогало сохранить единство Союза. Именно находили друг друга в любых ситуациях, даже если они оказывались в положении «халаджей», то есть, тех тюрок, которые остались без земли и средств передвижения, средств защиты и выживания в этой ситуации.

Так, и в эту тяжелую ночь, со всех концов Ашинского союза, стали стекаться люди, узнав об общей беде. Все помогали друг другу пережить предстоящую разлуку через закон «муж + жена + дети + соседи + родители», а всему народу + Ашин и Гюн-Вэй. Поэтому перед разлукой, каждый член этого Союза, пересчитывал все сделанное в сторону Добра и все несделанное – в сторону Зла. Если же Добра было больше, чем Зла, то каждый получал еще один год Жизни на страницах Книги Жизни. И все надеялись своими поступками получить еще одну страницу чистого листа и год Жизни в великой Книге Долголетия и Жизни...

Наконец, стало светать. Гюн-Вэй и его команда пригласили всех жителей селения на площадь. Несмотря на ливень, на площади собралось много женщин с детьми, стариков и молодых, привлекательных и не очень красивых, но рослых, высоких и крепких. Именно эти девушки встали впереди многочисленной толпы, заслоняя собой старых и немощных людей.

Восход солнца встретили все же с улыбками на лицах: ливень неожиданно прекратился и, пока все выходили, небо совсем очистилось, показалась голубизна и общедоступная широта пространства.

Ашин вывел своего Небесного коня и, сев в седло, стал приветствовать всех:

- Во имя спасения нашей земли и наших грядущих потомков, все, кто желает пожертвовать своей жизнью, прошу стать на одно колено...

Вся площадь одним духом, как будто охнув, встала, зашевелилась, а затем люди опустились на одно колено...

Единый дух облегчения и удовлетворения своим порывом связал эти семьи и роды одной мыслью. Все они хотят, чтобы их дети, внуки и правнуки жили на этой благодатной земле Турнигюля, поэтому идут на смерть...

Но Ашин продолжал:

- А теперь, самых крепких женщин и девушек прошу следовать за мной!

По его команде построились всадники, за ними сотни девушек-воинов, за ними – просто желающие из пожилых людей идти в рабство. Плач и рыдания многочисленной толпы дошли до орлов и лебедей в камышах. Птицам было очень нелегко от этой человеческой тревоги...

Тыгыр и Дэв догнали (люди под звуки траурной мелодии флейт двинулись по дороге) за Ашином, который ехал впереди всех. План действий уже был готов, но Тыгыр сказал:

- Ашин, твой старший сын так горячо выступил за бой с киданями, чтобы отстоять наших, смотри за ним, нам нужна победа, а не гибель юного!

- Знаю, Тыгыр. Так, что ты предлагаешь?

- Ашин, у него до сих пор звериное имя, пора дать ему достойное имя воина. Так, пусть он организует вместе с девушками, захват плотины и выгонит охрану и поставит своих воинов. Мы ему дадим имя, достойное воина, а кто его знает, а там... и вождя, получит... за ним будущее!!!

- Да, Тыгыр, но он мой первенец, я люблю его, - сказал Ашин.

- Тем более, надо дать парню возможность получить имя и любовь отца, он смелый, сильный, поверь в его силы, и перспективный... - Ну что ж, Тыгыр, будь по-вашему, а ты, Дэв, где получил имя, что до сих пор еще ходишь, как демон? - обратился к Строителю.

- Да нигде, но мне нравится быть демоном, но - строителем, я же - Гераклид, а они и то и другое...

- Ну, тогда, операцию поручаю вам обоим. Но прошу, берегите моего... - Ашин впервые вытер слезы... «любимого» Пусть опекают моего молодого барса, это не позорно для него...

Но Тыгыру сказал:

- Повози кого-нибудь из команды девушек!

Тыгыр подъехал к Асланжан. Она напоминала горную дикую кошку своей осанкой на коне, и характер ее был львиный. Она открыла лицо и выслушала Тыгыра, затем подъехала к Ашину. Он изложил суть плана:

- Плотины отбей и владей ею пожизненно! Ты будешь хозяйкой воды!

Асланжан довольно улыбнулась и добавила:

- Я верну испуганных женщин домой, авы - «побеседуйте» с ними, собирателями «ясака женщинами».

План пригодился и Дэву. У него была мечта восстановить

имение Тыгыра, его яблоневый сад и переселиться туда с семьей и новой женой-тюрчанкой.

Операция началась с активной атаки женского отряда на охрану плотины. Еле отбились от свирепых киданей, как из-за холма набросились на них китайцы в желтых халатах...

Асланжан и Дэв дали возможность и сыну Ашина проявить себя. Он с отрядом молодых всадников кинулся на «желтых», как лев, но с хитростью волка: заманил врага в скрытые волчьи ямы, и добил их, хотя и сам истекал кровью, лицо залито, лошадь ранена. А как удалось ему оказаться около Асланжана и Дэва, совсем не помнит. А все дело в том, что Дэв, подстраховывая его, преследовал «желтых» до самой границы, а затем юношу и его коня привел в укрытие. Дэв-Строитель был еще и Воином!

Тыгыр, Гюн-Вэй и Ашин веля огромную толпу за собой, не заметили, как огромная армия киданей, незаметно выйдя из-за гор, наблюдала за Ашином на тропе на вершине Горбатого Барана. Уже к подступам вершин Тыгыр это выследил и сказал Гюн-Вэю:

- Гюн, мы идем в сопровождении киданей. Посмотри... они ловко укрываются за скалами, что будем делать, сынок?

Тот крикнул Ашину:

- Ашин, мы окружены!

Тогда передние ряды женщин, оказавшись уже в руках киданей, с воплем кинулись в пропасть, а кто и в драку. На помощь поспешил Тыгыр с отрядом, а Ашину – Гюн-Вэй со своими особо свирепыми всадниками, которые даже своих коней обучили драться копытами, кусаться; передними и задними копытами убивать наповал коня и врага.

Ашин и Гюн-Вэй вступили в бой с киданями, но часть женщин все же оказалась в плену... Пока шел бой, в селении тоже шла подготовка к бою, но воины были

очень необычными: орлы в клетках (хорошо, что они были не заперты) встрепенулись, отряхнулись и одним духом связанные, как единый строй, сначала просто вышли из клеток, а затем, взлетев попарно, пролетели над селением, и направились в направлении ушедших людей. Передний орел вел своих орлят на бой, как бы тренируя их в полете и охоте на добычу. Вскоре беркут узнал воинов Ашина в голубой форме! Сам оставил трех орлят на помощь Ашину, а с остальными стал преследовать киданей в желтых одеждах... А те, передние уже первых рядов женщин заводили в особые бани на вершине горы для «очищения от плода». Но беркуты и несколько молодых и сильных орлят, взлетев высоко над дымящимися трубами бань, камнем падали на «желтых», взлетая с ними и бросая их в пропасть; рвали на клочья, сдирали кожу с лица и головы, но и этого было мало. Орлан, как железный, огромный кол, проникал через двери и окна, сметая все на своем пути. Орлята же добив стражу, разрушив бани, только хотели приземлиться перед страдальцами-женщинами, как орлан гаркнул на них, чтобы продолжали бой. И не напрасно... В бане начался пожар, а там уже были женщины, и надо было их спасти от огня. И орлята, тяжело дыша, наполнив легкие свежим воздухом, кинулись в пожар. Одну, другую, пятую, десятую женщину выносили на свежий воздух из дыма и огня. К ним присоединился и Орел. И не отстал до тех пор, пока всех не спасли. Вскоре к ним присоединились и кони, прибежавшие с полей и лугов. А за ними поспели и Гюн-Вэй, Тыгыр, Ашин.

Почти всех женщин спасли, но, к сожалению тех, которые кинулись в пропасть, им пока не удалось найти. И Орел с орлятами вылетели на их поиски.

К вечеру того же дня погибшие женщины и девушки были обнаружены зоркими птицами. Их тела, извлеченные из пропасти, птицы принесли в мощных когтях. Люди

в селении подошли к телам, оплакивая, их узнавали родственники и близкие, тут же и лебеди взмыли в небо...

Вернулись и воины, спасенные женщины, плененные кидане, связанные единой цепью, тащились сюда и раненные воины. Асланжан и сын Ашина тоже кого-то привели их недругов.

При свете большого костра Ашин, по совету Тыгыра, дал сыну Имя «Борил», а Асланжан – Куглижан («Лебединая душа»). Так Борил и вошел в историю тюрок, а Асланжан, не пожелав стать как «Лебедь» (Кугли), так и осталась со своим характерным именем, именем воина и защитника слабых – Львица!

Ашин с группой смельчаков на следующий день выехал к китайской границе и через торговцев передал суровый ультиматум, в связи с вторжением в его государственные земли и причинением умышленного вреда жизни его соплеменников. Ультиматум предупреждал, что если подобное повторится, то он вынужден будет принять свои законные меры для защиты своих границ на Востоке и жизни своих людей! Нет дани женщинами! Но дела на Западе ускорили уход Ашина в поисках новых на Западе ускорили уход Ашина в поисках новых дружественных союзников. Так, он попадает в Арало-Каспийские земли со своими народами. А вместо него в Пазарыко-Алтайском крае остается Гюн-Вэй, Асланжан (Львица), Куман, Берендей, Сантауз, Тагир-попечитель озера Турнигюл...

Глава IV ЭПИЛОГ

Часть 27

Совет Мудрецов в Институте Древних Цивилизаций

Дальнейшая историческая судьба этого союза тюркопеченежских племен, начало которому положила активная деятельность Ашина, Гюн-Вэя, Тыгыра, Дэва. Асланжан, Берендея и других тюркских вождей, была связана с Арало-Каспийским этнографическим регионом, а впоследствии и Балканами. Но это свершилось в XI-XII веках.

История нашего основного героя Айрана связана именно с этими далекими этническими предками.

Однажды он в поисках какого-то нужного предмета в хламе на горище (чердаке или потолке) обнаружил старую толстую тетрадь. Пролистав ее, он заинтересовался содержанием записей в ней и решил обратиться в совет Мудрецов в Институт древних цивилизаций. О чем рассказала эта тетрадь, частично мы уже узнали, но трудно поверить в то, что Совет Мудрецов открыл перед ним очень необычную генетическую связь его с Гюн-Вэем, Ашином и вообще с этим древним обществом.

А все началось с халаджей. Это была та часть тюрков, которая после отъезда Ашина осталась без средств передвижения.

Причин было много. Это и грабительские набеги, это и усиливающаяся сила давления богатеющих соплеменников, это и гибель скота, тягловой силы, кибиток, увеличение числа агрессивно настроенных соплеменников. Они обманом и насилием забирали самое ценное - средства передвижения: коней и повозок. И обедневшие тюрки стали обращать свои

взоры на землю. Она для них стала главной ценностью. Но титул «тюрок» они не получали, даже будучи богатыми. Эти обстоятельства постепенно из поколения в поколение накладывали на них отпечаток неполноценности, незнание же своего рода и племени приводило к унижительному разряду «бедные» («йюксуль»). Именно это сделало их наиболее уязвимыми, на всем протяжении их жизни. Отсюда отмывалось и этническое название, национальность, принадлежность к высшим сословиям. Именно этим слоям населения пришлось на протяжении многих веков искать себе пристанище, страдать и быть униженными из-за комплекса неполноценности среди других народностей. Но героическая борьба Гюн-Вэя, Дэва и других вождей, воспитывала в них чувства достоинства, трудолюбия, смекалки, бодрого и здорового существования. Именно оно подавляло в них ген неполноценности и, благодаря высоконравственным качествам, эти народы все же нашли свое историческое место во всеобщей истории человечества. Именно к ним относятся и наши герои.

* * *

В светлом зале Института шла беседа нескольких наставников. Здесь сидели наставники анализа генофонда и его основы в Древних цивилизациях. Вопрос был задан одним из старейших служителей Института по генофонду:

- Скажите, милейшие, как создается ген неполноценности у человека, лишенного в прошлом самого необходимого?

- А что считать самым необходимым?

- Смотри о какой эпохе идет речь. Сегодня (конец 2000-го года) обижен тот, у кого нет личной одномоторной ракеты американской компании по управлению вращающихся скоростей, - ответил специалист по скоростям.

- Да, но генофонд человечества складывался не в условиях скоростей, а тем более вращающихся...

- Если говорить о древних цивилизациях, то следует обратить внимание на те высокие ценности, благодаря которым мы выжили...

- Коня, повозку, корову, овцу, да?!

- Ну, какие же они ценности? Напал враг, увел «ценности», были, и не стало их... А люди остались на голых камнях... Нет, не они!

- Другое дело – земля. Ее не передвинешь с места, не утонишь в рабство, ее надо любить, она неподвижна, вечна.

- Да, но можно оградить границей. Хотя и ее можно захватить, разрушить...

- Но земля многотерпелива, она может переходить из рук в руки, может стонать и дрожать, но она останется на месте.

Выслушав эту короткую беседу двух-трех наставников, сидящий у окна мужчина, сказал:

- Именно поэтому Создателем халаджи были одарены землей. Она помогала им развивать ремесла, делать изобретения, орудия труда, именно она была «заказчицей» добычи руды и крепкой человеческой семьи, кодекса ШАО, «Книги Жизни» и т. д.

Главный наставник знал о Книге Жизни и ШАО, но имела ли она отношение к древним тюркам? Оказывается, что они были хорошо знакомы, с ШАО, несмотря на то, что они были воинствующими племенами.

Один из наставников сделал небольшой доклад относительно тюркского Кодекса ШАО:

- Совершенно справедливо, что они жили праведно, даже, несмотря на их военно-спортивный характер быта. Разумеется, что если они не убивали невинных, то им приписывался еще один год жизни, им давались чистые

страницы Книги Жизни, как детям природы.

Ради здорового поколения им запрещались алкогольные напитки и наркотические травы. Массаж, игры, состязания, любовь к живой природе и земле были сильным аргументом в их программе ШАО. Высоко ценились птицы, красивые голубоглазые девушки, юноши. Солнцеподобный лик, смелость и умение отстаивать честь и достоинство в любых условиях, были их основными качествами. А вот в отношении религии мы знаем, что канглы добровольно перешли в ислам, но часть и принудительно. Приняли Коран, обряд очищения, установили строгий порядок семейно-брачных отношений. Часть военной элиты, обедневшие торговцы, ремесленники без колебаний приняли законы ислама, а другая часть – ШАО. По этому поводу у нас есть свидетельство в картинах, в живых, как кино. Но поскольку на завтра я назначил встречу с журналистами, то давайте уж и эту картину посмотрим завтра. А теперь на этом мы и остановимся. Помните, что генофонд даже воинственных племен складывается из психосистемной и экономической базы, которая обеспечивает сохранность кода.

Часть 29

Приезд Айрана в Институт древних цивилизаций. Тайна старой тетради

Вечером, когда все домочадцы разошлись кто – куда: кто в кино, кто на прогулку к озеру, Алена тоже куда-то ушла, Айран закрылся у себя с тетрадью. Открыв первую страницу, он прочитал: «История халаджей». Он не был историком, литератором, он был простым механизатором в юности. Так что, история его вообще обошла стороной, но халаджи и их история его заинтересовала, а также термин

«кангли», что в его воображении прозвучало как звук колес телеги на ходу: «канк, канк», и вызвал в нем приятную дремоту. Он закрыл глаза и «канк-канк» прозвучал в ушах еще более ясно, даже какие-то голоса были тут же.

Он стал читать дальше. Неизвестный автор ссылается на сведения, видимо, собранные им по крупице из каждого источника. Название «История халаджей в их генеалогии» говорило очень много ему, и он в душе надеялся, что и его история прояснится. И решил обратиться в известный институт, который он однажды посетил по делу. В тишине он листал тетрадь, но ясного ответа он так и не получил, потому что был далек от исторических проблем, жил сам по себе, заботами о детях, саде, коне. Он решил выехать в Кентбаш, где и находился этот институт. Подошел к светящейся карте на стене (это было табло с особыми знаками), чтобы читать ее надо было знать особый код. Нажал на пульт, и открылись створки на табло. Его внимание привлекло происходящее на карте. На ней какие-то древние народы на телегах и крытых кибитках куда-то медленно двигались, звучал «канк-канк-канк», как их дорожный сигнал. Кангли, халаджи, огузы, мужчины и женщины в туманной тоске куда-то направлялись. Над ними летали огромные орлы, лебеди, голуби. Он внимательно изучал каждое лицо, слышал их далекие и незнакомые слова, речи, слышал смех и плач детей... Он задумался... наш герой.

* * *

А картина эта изображала не простое движение масс в неизвестном направлении. Это был поход Ашина в Арало-Каспийский регион, в те далекие эпохи. О чем и шла речь на табло-экране.

Простившись с народом Гюн-Вэя, Ашин выехал из Пазарыка. Рано утром он построил свои ряды воинов и в темных осенних сумерках не заметил едва различимые силуэты повозок, коней, людей, кибиток, скота и просто мужчин-земледельцев и ремесленников. И когда ряды воинов тронулись в далекий путь, неожиданно раздались голоса многочисленной толпы и людей в кибитках. Он подошел ближе с факелом в руке и к его великому удивлению увидел, что за ним идет многотысячная волна народа, И, конечно, он принял кое-какие меры для безопасного передвижения. Долго эта вереница людей и повозок со звуком «канк-канк» двигалась и ползла сначала по горному Алтаю, а затем по какой-то лесистой местности, с востока окаймленная горной грядой...

Неожиданно перед ашинским войском появились люди в белых чалмах со свитками в руках. Ашин остановил свое войско, а затем послал своих помощников, к задним рядам, чтобы и те остановились. Глашатаи на персидском и тюркском языках читали свитки так, чтобы слышали все. Речь шла о том, что без принятия ислама – Великого учения Мухаммеда, они не будут допущены в долину Арало-Каспийского региона.

Ашин задумался. Что делать ему? Он снял меховую черную шапку, вытер пот.

- Глашатай! Подойди сюда. Мне надо поговорить с моим народом.

К нему подъехал глашатай. Но не один, а с группой всадников, которые были хорошо вооружены. Имам после приветствия особым мусульманским ритуалом, спросил Ашина:

- А зачем тебе говорить с ними, с халаджами. За них Аллах уже все решил. Собери всех женщин и девушек, надо их в банях очистить от скверны. Это сделай сейчас, а

то вон облака и тучи дождевые висят над лесом.

Сказал и остался ждать ответа со стороны Ашина и его команды.

Его же вожди сказали:

- Ашин, мы у них в руках, как в капкане. Надо собрать людей, вот сколько кибиток и повозок полных народом!

Ашину же, ух как не хотелось снова ввязываться в бой, как там у китайской границы, когда потребовали дань женщинами. Однако, беспорядочная стрельба и шум всадников в зеленых тюрбанах и с зеленым исламским знаменем, заставили ашинцев ускорить высадку людей из повозок.

Погода ухудшалась. Накрапывал мелкий, но с ветром дождь. В кибитках тревога росла, усилился плач женщин и детей, как раз то, что не выносил Ашин. Он даже выругался:

- Ах, зачем они увязались за нами. Жили бы там с Гюн-Вэем!

Но под дождь медленно стали выходить люди. Это были в основном женщины и девочки-подростки, за ними шли в черных меховых шапках мужчины.

К Ашину подъехал его старший сын Борил-Кыскыр. Он - молодой воин, с очень странным характером (с точки зрения отца). Да и конь брыкался под ним, как задними, так и передними копытами... Весь в своего неугомонного хозяина - Борила. Но сейчас он был озадачен: дождь усиливался, а решение, что предпринять дальше еще не принято.

- Ата, - Борил как-то странно произнес это слово, да и откуда он его взял, - что будем делать? Ведь эти молодые женщины, а их сотни, а то и больше, не случайно оказались здесь. Подумай, они молодые...

Ашин повернулся к сыну. Тот уже был далеко не юноша в зеленом мышлении, а возмужалый воин. И как с равным,

Ашин заговорил:

- А то и будем делать, подождем, пока все выйдут из кибиток, я и сам не знаю кто они, и сколько их?! Но никого не оставил на дороге.

- Ну тогда, поторапливай их, они – твои люди, за тобой пошли, - сказал и поскакал к последним, замыкающим кибиткам и повозкам. Конь, брыкаясь задними и передними копытами, весело понес седока...

Меткому взору Борила открылась совсем необычная картина: все молодые женщины были беременными, а подростки-девушки во цвете лет.

Из кибиток выглядывали пожилые мужчины и женщины в слезах, голодные, дрожа от холода, глаза их умоляли только об одном: «Не бросайте нас в степи и лесах, мы – тоже с вами!»

Борил и его свита, тут же отделившись, стали на мгновение просто ошарашены увиденным. Но, хоть Борил и был очень необузданный, все же командирским голосом сказал:

- Ашину ничего не скажем. Ты, Аслан-бей, быстро подъезжай к мусульманам. Скажи им, что мы людей готовим, пусть идут в укрытие. А мы тем временем всех беременных («гебя») женщин заведем обратно в кибитки, а пожилых попросим, вежливо называя их «анне», чтобы уступили места беременным и юным девушкам. Все, выполняйте!

Исампервый, на своем кауром, брыкающемся передними и задними копытами коне, подъехал к кибиткам. Тихо, почти шепотом, объяснил, что имам требует «очищения» всех женщин, иначе не даст нам карту нашего нового поселения. Люди поняли своего заступника без слов, и стали выходить из кибиток и помогать своим снохам и внучкам занять сухие и теплые места.

Пожилые ашинцы, помогая своим сородичам выходить

из кибиток, обратили внимание снова на Борила и его странную езду на странном коне. Тот уже не просто брыкался. А еще и вращался на месте, вставал на дыбы, пытаясь сбросить юного вождя. И мужчины, спрятав улыбки ладонями, стали поговаривать между собой. Борил же, вышедшим, сказал:

- А далее слушайте, что вы будете делать. Сейчас вы все подниметесь к имаму, он вон там, под укрытием. Не бойтесь, с ваших голов не упадет ни один седой волос, охрану я обеспечу сам. Все, идите, соблюдая порядок! И слушайте, что они вам скажут!

А сам услышал разговор тех, улыбающихся пожилых людей:

- Что они с нами будут делать?

- Примешь ислам, и будешь носить чалму, и не будешь заглядывать на чужих жен под твоей шапкой.

- Что ты затеял? А ведь у Борила конь видимо тоже прошел обучение у них...

- Не говори глупости. У них во время учений, им-то самим сколько лет было? Много и забавных ситуаций было, там «Борьба», «танцы», ходить так и эдак и т. д. только они могли. Интересно, Ашин видел это?! Бывал он среди них во время учений...

Но Борил и все, кто был в толпе людей, уже подошли к укрытию, где их ждали мусульмане, а недалеко – ашинцы.

Борил как бы доложил отцу, что люди готовы идти в ислам.

Имамы (это те же вооруженные всадники) довольные таким мирным образом «принятия» ислама, повернули коней к вершине горы, где дымились трубы бань-чистилиц.

- А теперь я вас поведу, чтобы совершить с вами молитву, «очищение», одарим вас подарками, а кто захочет, тот и может остаться у нас, получит титул «имам-маамед», -

сказал один из пожилых имамов.

Мужчины натянули снова шапки и двинулись за вооруженными всадниками. Ашин отвел оставшиеся кибитки и повозки от дождливых порывов ветра в укрытие, под скалу, вызвал Борила и спросил:

- Разве только пожилым надо принять ислам? Где молодые?

Борил, свойственной ему шаловливой улыбкой, ответил, поправляя съехавшую на бок, почти на глаза, баранью шапку:

- Ата, ты не поверишь, но удивишься не меньше, чем я. Все молодые женщины беременные, некоторые кормящие грудью, у некоторых вот-вот..., а девушки-подростки нам нужны будут и без «очищения». Иди, знай, что это такое, у наших всадников вот-вот должны быть свадьбы. На что им «очищенные» невесты? — сказал и, играя озорными глазами, указал в сторону удаляющейся толпы пожилых людей.

Ашин вытаращил глаза на своего сорванца-вождя и сказал:

- Тогда нам немедленно надо организовать врачевание, найти женщин-повитух, утеплить несколько кибиток. И вообще взять на себя заботу о детях, о девушках-невестах...

- И я знаю, что ты не договорил. И надо бы несколько тюков бязи и мягкой «фланелевой» ткани, остальное у нас найдется, недаром мы скотоводы! — Борил налил из отцовского кувшина большую кружку красного вина, выпил, натянул свой колпак-шапку и вышел.

Ашин почувствовал какую-то новую волну тепла и чувств: вот почему эти люди поехали с ним: он не ожидал, что такое многочисленное пополнение его рода будет именно в трудном переселении на новое место. Кто же их надоумил на это? Ведь они могли остаться и там с Гюн-

Взем... А теперь ему придется спасать свои семьи, племена и действительно остаться государством на колесах...

В это время Борил стал выискивать пожилых мужчин и женщин, знающих траволечение, массаж, молитвы ШАО, хирургов и сказителей особых лечебных сказаний. Весь их врачевательный арсенал был взят на учет и распределен по кибиткам. Будущих матерей поместили в середину обоза, отыскивали отцов, чтобы семьи не разрывать, а для тех женщин, у кого не было мужа, но она ждала ребенка, попросили о помощи у воинов: все они на занятиях на полигоне изучали врачевание и гуманные наставления относительно самого человека и живой природы...

Борил вспомнил и о птицах, которые ехали в клетках со своими наставниками. И опять подкралась к нему шальная мысль: в случае опасности, они должны спасти своих, а вот еще. И Борил подошел к наставникам орлов. Не надеясь на осуществление идеи, он все же сказал:

- Нужны несколько тюков для наших будущих малышей.

- Каких тюков?

- Таких, какие продают персы, мягкой «пампаковой» ткани, фланели!

- Что это?

- Это – материя, которую ткут из хлопковой нити. Знаешь? Нет? Ты выпусти орлана Дуан-Кыра, он знает склады персов.

Наставник орлов замахал руками:

- Когда-то он стащил козленка в горах, так Ашин или Гюн-Вэй посадил его на цепь. А он – воин! Не может быть в плену. Нет, не могу!

- Но будущим малышам нужна мягкая ткань, их у нас предвидится много-много! Разве тебя это не радует? – сказал Борил и, не думая, достал меч и разрубил все веревки на клетках. Пусть будет так!

И на странном брыкании своего любимца каурого коня, отъехал далее. А «любители таскать что-нибудь» - орлы, увидев своего покровителя, вылетели на свободу и, облетая местность, выслеживали не только дичь и степных грызунов. Мудрый орлан повел своих и к базарам персов, вавилонян, эфталитов, огузов. Что они высматривали там, знает только Дуан-Кыр, но через некоторое время перед Борилом, плюхнувшись в грязь, оказались тюки (свертки «с толстого бревна») бязи, фланели, шелка, льна, конопли...

Борил недолго думая, велел все это отнести в кибитку главного врачевателя и закрыть под замок, пока не увидел его отца, а то бы на цепи мог оказаться не только орлан, но и сын. Он знал отца...

* * *

Часть 30

Открытие конференции с журналистами Айран в Башкенте

Алена, завершив дела в цехе по детскому питанию на основе персика, приехала домой. И оказалось, что вернулась раньше детей. Тудор где-то пропал на вокзале с отправкой продукта, а дочери давно были замужем, в своих домах, видимо, тоже по хозяйству занимались... Она осторожно вошла во двор, но Небесный все же, учуяв, прекратил свой «храп-хруп-храп-хруп». Двор утопал в аромате роз и ночных цветов. В окнах Айрана не было света, но зато в его кабинете тускло мерцал голубой огонек.

Алена нарвала несколько стеблей больших роз и ароматных ночных цветов. Вошла к себе взглянуть, хотя бы одним глазом, на себя в зеркало. А затем пошла к Айрану. Здесь все как всегда, - хомуты, упряжь, ремни, пеньковые

и конопляные канаты лежали то здесь у порога, то там под столом. А сейчас ноги Айрана очень удобно устроились на них и чесались друг о друга.

Алена взглянула на табло: там масса людей, молодой всадник что-то кнутом объяснял массам...

Алена присела. Ох, как ей было трудно привыкать к Айрану, которого горячо и ревниво любила из года в год, а тут еще... она поняла, что смотрит видик по жанру вестерн. Ну что ж, он всегда был большим седовласым красавцем-ребенком, таким и остался и теперь. Какая-то тетрадь его интересовала больше ее!.. Он, наконец оторвался от экрана и увидел ее в голубом сумраке комнаты.

- О-о, о-о, боль сердца моего, ты давно сидишь? Я вот нашел старинную рукопись и видишь она оказалась непростой тетрадью, завтра же еду в Башкент, покажу ее в....

- А я? Как же мне быть одной?

- А разве у тебя все дела завершены? Сходи к Тудору, у него завал со сдачей продукции. А впрочем, ты просто отдохни...

- Без тебя?

- Я, что? Незаменимый? Займись огородом!

- Ну, нет уж! Я без тебя – никуда! Я – с тобой! – ультиматум утвердился ладонью по столу.

Она выключила экран, выволокла его из хлама хомутов и ремней, схватив свои цветы, ушла с ним к себе. Они по-прежнему жили как в детстве и юности – в разных помещениях, но иногда Алена волокла его и к себе. Нет, не любовь прошла, они любили друг друга по-прежнему тепло и горячо, но, будучи в разных комнатах, создавалась иллюзия разлуки, что очень благотворно влияло на семью.

Настало утро. Он не мог успокоиться от увиденного на экране: какие-то далекие по времени люди, вдруг оказались для него близкими, родными, любимыми. В

чем дело? Душевные порывы его и страстное желание постигнуть суть увиденного, заставили его собираться в дорогу. И обнаружил, что Алены нет с ним. А где ее отыскать в такую рань? Куда ушла? Заглянул в ее комнату, подумал о ней, что опять затеяла с ним какую-то игру. Она любила его дразнить, пугать, ревновать, «выгонять» за свой порог, при этом вышвыривать за ним его вещи. И в этом был «виноват» сам Айран. Как-то он приехал на коне с работы. В тот день ездил далеко в виноградник, и вернулся поздно. Въехал во двор, окно Алены было открыто, и он с коня соскочил прямо к ней в окно. Она испугалась, схватила веник и стала обороняться от «пришельца». Вечер завершился «дракой» и «победой» Алены и слезами Айрана от смеха... И «юный испанец» в награду получил и тумачков. Но сейчас ее нигде не было. Иногда она с черным котом пропадала в саду под розой, где кормила его с ладони. Иногда заходила к своему коню, кормила его тоже каким-то лакомством. И из конюшни доносилось «храп-хруп-храп-хруп», да конское насмешливое ржание над Айраном. Ее нигде не было. Вернулся в свою комнату, стал собираться в дорогу, и понадобилась бритва. Но ее Алена тоже прятала куда ей вздумается. Он задумался, сел на стул. Долго не пришлось ему сидеть. Он вспомнил, что все его личные вещи: галстуки, бритву, крема разные она собирала в сумку и подвешивала к седлу: «мол, идешь к ней», сразу забирай и свои «вещи». И сейчас он вспомнил про это. Он принес эту сумку, раскрыл и высыпал содержимое на пол. Каково было его удивление, когда увидел там давно забытые вещи. Крема, бритву, лезвия. И почему-то оказались посторонние женские вещи. Предметы туалета. Так, вот почему она его ругала за «измену», причем, как она выражалась «открытую измену», не просто со слов женщин. Он собрал трофей и «компромат» в охапку и выбросил за окно. Кое-что из «доказательств» повисло на

ветвях, на кустах сирени. Ему стало смешно, но не стал ее больше искать и сложил тетрадь в ту же самую сумку и вышел. Не заходя к «храп-хруп», направился по улице, в надежде, что ее кто-то видел или встретил. И начались ответы от «свидетелей» - мальчишки сказали, что она пошла на стадион, другие – в церковь, третьи – на рыбалку. И все эти доказательства и «свидетели» приводили его все больше и больше в недоумение: зачем ей все это?

Айрану стало очень грустно, и он решил, что после возвращения из Башкента он переселится обязательно с вещами обратно в ее комнату. Но, вернувшись с поисков, он все же заглянул в ее гараж-ангар. Там хранился и иногда ремонтировался ее миниатюрный двухместный «скоростной» тихоход-самолетик. Как правило, там крутился и ее помощник – Черный Пират. Но ее и здесь не было. Еще более взгрустнув, он вернулся к Небесному. Подготовил седло. Сумку повесил, зашел одеваться по-дорожному. Нашел свой турецкий национальный военно-спортивный костюм, каракулеву шапку, нацепил короткий меч и пр. Светло-голубой цвет костюма и меховая шапка с его тюркским обликом очень омолаживали его, да и статный красавец конь и он составлял, как бы единое целое, которое выжило чудом из древних эпох...

Жаль, что не было рядом Алены...

Он выехал за ворота при необычной тишине: никто его не снимал с седла, не бросал его любимую папаху на кусты. А красный кушак так и остался на поясе...

Он любил бурные сцены «женской любви» и ревности к себе одновременно, и он с закрытыми глазами ехал и вспоминал тот дождливый рождественский вечер, когда он нес Алену на руках в глинистой жиже, скользя по дороге. Ах, сладкая бурная юность, как щемит сердце от этих дерзких вечеринок и потасовок у окна... Но прожитые годы заставили его взяться и за что-то более серьезное. И вот

судьба ему послала эту тетрадь, которая на некоторое время заслонила любовь к жене. И на смену этому увлечению пришло чувство ущемленности, потому что...

Небесный сжал спокойно и сумка под такт его шагов, как бы снова на своих легких крыльях принесла звук телег «канк-канк». Видимо, этот «канк» жил в нем тайно и скрыто, и теперь ясно толкал его туда, в Совет Мудрецов, чтобы показать необычную находку. Да все просачивалось оттуда, из неизвестного источника – народа в пути, в поисках чего-то хорошего в жизни. Ни друзья его, ни Алена, ни даже сестра Иванна не знали как гложет его неизвестное происхождение, незнание древних предков и их корней. А Алена? Не стесняясь в выражениях, могла его обзвать безродным, трухлявым пнем. И он был бессилён перед этим обвинением. Иногда именно это и порождало черствость в их отношениях. Дабы только этим она его задевала. Несмотря на приличное состояние и доходы, в его комнате до сих пор пол был глиняным, посуда старинная глиняная, вместо мягкой приличной мебели – топчан, печь, в которой он сжигал вонючий кизяк, да при этом еще и кайфовал, втягивая ароматный дым в себя... Комната пахла конским потом, дегтем от ремней, землей и полынью. А запах тела... Что-то исходило от степей и гор: крепкое, мускулистое, но с запахом степи... Она считала, что ему очень не повезло. Правда, он – красавец, но в приличном (элитном) обществе все же она, этакая дама из «светских салонов», арийка, стеснялась появляться с ним. А это он все видел и чувствовал на себе, а ее цветущая красота становилась еще более недоступной и тогда он «крепость» брал атакой и приступом, и делал он это именно в этом светло-голубом костюме. И тогда «крепость» забывала, что он с «древними манерами, что он конюх и скотовод», в прошлом кочевник.

Она знала, что он очень любил ночное небо. Молчаливый

и красивый при сиянии звезд, иногда луны, он становился и предметом ее «атак». И он, указывая в свою дверь, где надоевший топчан с рогожей, уже вышедший из интерьера даже у самых бедных стариков, заводил ее к себе, и она оказывалась в его объятиях. Он бережно нес свою «крепость», говоря самые пустячные словаи тогда отступали неизвестное происхождение, древние манеры, «цивилизация» же семейных отношений наступала бурно и беспрепятственно... «Крепость» (каля) быстро «открывала ворота» и оба были счастливы...

Огузбаш (иногда Айран вспоминал и кличку коня) спокойно шел по грунтовой дороге, но время торопило, и он подстегнутый хозяином, переходил в галоп. Всю ночь без отдыха они ехали и только к утру достигли пригорода Кентбаша. Спешившись у колодца, он сам немного отдохнул и коню дал отдышаться... Сам сел на валун и задремал. Вдруг чья-то ладонь прикоснулась к глазам. Он вздрогнул, но улыбнувшись, вспомнил как тогда. В тот вечер... И медленно снял эту ладонь с глаз, открыв глаза, он увидел Алену...

Часть 31

Алена в экстриме...

С женскими особенностями характера Алены, иначе и быть не могло... В отличие от красавца-мужа, но очень скромного человека, она была самым бурным и неуправляемым созданием — «крепостью многочисленными лабиринтами».

У Алены уже давно не было коня. И, однажды, попав на престижную выставку летательных аппаратов, она приобрела двухместный самолетик серебристого цвета. В

инструкции были описаны его летательные качества: легок в управлении, ремонте, уходе, на прогулке – надежный, не барахлит – не смешит. Топливом был заправлен от продавца-изготовителя. Но это характеристика была от другой модели спортивно-прогулочного самолета. Для этого же типа («супертехнологичный и легкоуправляемый») не только топливо было особого состава, но и металлопокрытие было совершенно не для него. Нужны были какие-то особые лабораторные аэродинамические условия, чтобы им можно было легко управлять.

И вот, после краткосрочных курсов, пилот-Алена пару раз взлетела на окраине села, взлетела, приземлилась, после осмотра «техником» - местным трактористом, она осталась довольна записью в бортовом журнале «годен для полетов». И, вооружившись этим заключением, в это утро, когда она вернулась от подруги – ясновидящей Анны, обнаружила, что муж снова «загулял к той брюнетке, которая обитает не с людьми» - со слов Анны.

Села в свой любимый летательный минибус и, высадив Пирата на куст сирени, взяла курс к «той». Но трезвая мысль ей подсказывала, что «та» - есть тайная тетрадь, о которой с вечера говорил Айран. Неожиданно, во время полета начались «ошибочные» крены, падение, подъемы по неизвестным для Алены причинам.

Наконец подъемная сила восходящих потоков подняла ее на высоту, где влажность и температура были не для этого типа самолета. Началась болтанка, от самолета стали падать деталь за деталью. И наша «ас-пилот» - Алена вообще перестала соображать, что с ней происходит. Очнувшись на ветру, сидя или лежа на спине птицы. Протерев глаза, очнувшись от страха, она заметила, что у нее крылья больше и шире, чем у ее самолетика, что это огромный орлан... Он бережно приземлился недалеко от Айрана на дугу, посадил еле живую Алену в летном цветном костюме, гаркнул сердито и улетел. Она же решила выйти

на трассу, около которой был колодец с питьевой водой. Пошла по тропинке к нему и тут увидела Огузбаша, я рядом Айрана.

Каково было удивление мужа, когда он увидел испуганную Алену. И он, с любопытством рассматривая ее вид, облик, заглянул в необыкновенно синие и красивые глаза и спросил:

- Как ты оказалась здесь?

- Я вылетела искать тебя.

- И я тебя искал. Где же ты была?

- У меня были дела по бизнесу – иссяк срок действия энергетика талисмана, и я ходила к ясновидящей... К ней надо рано, по росе босиком идти...

- ???!

- Ты думаешь, мне легко с конкурентками...

- А где сейчас твой милый самолетик?

- Видимо он разлетелся, я сне знаю, меня орел спас. Я не знаю как я оказалась у него на спине...

- Хорошо, что не ковер-самолет тебя вынес. А как обратно?

- Посади меня в поезд. Я быстро приеду, даже не знаю, что там дома... Ну, ты тоже «хорошо» себя ведешь! Хорош, хорош! Бросил хозяйство и с «ней» выехал. Да? Ты под предлогом тетрадь показать, бросил нас...

- Ну ладно. Вот уж Огузбаш не хочет нас слушать, мы ему очень быстро надоедаем. Пойдем, я посажу тебя в поезд и жди меня. Я разберусь с «ней» и вернусь.

В это время в Кентбаше в светлом зале собрались журналисты по приглашению старейшины Совета Мудрецов Института Древних цивилизаций.

Айран спешил посадить Алену, если не на скорый поезд. То хотя бы на автобус, лишь бы не натворила еще чего-нибудь из-за «той», невидимой, но сильной соперницы... И действительно, он посадил ее в автобус, снабдив на дорогу едой и питьем. Сам же въехал в город на Огузбаше, как был в древнетюркском костюме... и снова он был полон

юмора от своей возлюбленной: она видимо, не заметила, что вся ее голова была в орлиных перьях, а одно торчало прямо на затылке в пышных волосах, и она вся напоминала ирокеза... Он смеялся в голос от ее вида.

Но не меньше смеха у прохожих вызывал и его сценический костюм кочевника, да еще и на отличном, хорошо ухоженном коне, который никак не вписывался в воображение современного обывателя. А воры-конекрады, вообще чуть сознание не потеряли от того, что никто из них не знал о существовании такого красавца – жеребца Небесной масти...

Всадник и конь произвели впечатление близкое к панике. Всадник в светло-голубом костюме, в каракулевой шапке-кубанке древнего покроя, ехал спокойно и величественно, из-за его движения на коне по трассе (уже на улице Башкента), нарушился скоростной режим движения для автомобилей. Из-за этого начался беспорядок, чуть не приведший к аварии. И патрульный на машине, догнав всадника, показал жезлом, чтобы он следовал за ним. Айран тоже облегченно вздохнул, ведь Огузбашу было очень нелегко в дыму и чаде от машин. И они остановились, вслед за патрульной машиной. Молодой офицер вышел и попросил ответить на его вопросы:

- Кто Вы?

- Айран. Паспорт есть, но пока без фамилии.

- Что значить без фамилии? Вы что из пробирки?

- Нет, но надо уточнить кое-что...

- Платите штраф за эти (мат)...

Айран посмотрел на молодого бледнолицего начальника движения, и ему стало жалко пацана. Но, отдав денежку, тот все же смягчился. И более мирно спросил:

- Куда едете?

- В Институт Древних Цивилизаций.

Таким образом, он себя утвердил в дорожной «цивилизации» и Бледнолицый сказал:

- Тогда следуйте за мной...

Айран направил коня за машиной, и вскоре они оказались перед белокаменным зданием. Здесь толпились фото-, кино- и телерепортеры, часто щелкали фотоаппараты, визжали пускатели съемочных «фуджи-фильм». Это заметили патрульные и, чтобы не создавать панику среди этих «охотников» за сенсацией, Айрана отвели запасным ходом в закрытый дворик. Поблагодарив всадника за «денежку». Они уехали.

Невысокий седовласый мужчина подошел и с великим любопытством стал разглядывать всадника в таком обличье. Айран не хотел, чтобы повторился «допрос» о паспорте: кто он такой, зачем приехал и пр., поэтому сразу сказал тому:

- Я приехал к вам, чтобы показать одну таинственную тетрадь...

- Покажите ее, может, я вам помогу. А вообще вы знаете, где находитесь?

- Да, здесь Институт Древних Цивилизаций.

- И вы думаете, что ваша тетрадь имеет к ним отношение?

- Вы сами дадите мне ответ, посмотрев ее содержание.

- Тогда идемте за мной, я вас познакомлю с вашим наставником. Коня передайте вон тому человеку в спецовке.

Айран отвел коня туда, в дальний угол, где цвели рано по утру цветы. Мужчина подошел к вахтеру, выписал пропуск на первое и второе заседание совета Мудрецов, И когда подошел Айран, вручил ему пропуск. Долго шли длинными чистыми коридорами и, наконец, оказались в зале, где уже сидели слушатели. Мужчина нашел свободное место. Подвел к старейшине Института и доложил:

- Милейший доктор, к нам приехал очень необычный молодой мужчина и привез нам тетрадь с записями с отнюдь непонятным алфавитом. Вот она.

- А где сам гость?

- А вот и гость! Вот он, ну пока пусть посидит у себя

там, надо будет, мы вызовем.

- Ну, тогда объяви тему заседания и пусть лаборант подготовит зал и сцену для работы.

Поаплодисменты людивстали, когда вошел седовласый мудрец. С ними были еще и молодые, совсем подростки, юноши и девушки. Ведущий объявил тему:

- Сегодня мы будем работать над темой «Сохранность генофонда, Условия жизни генов в разные эпохи».

Зал приветственно ахнул, захлопал, и тут же наступила тишина.

- Мы вами знакомы, но сегодня у нас есть гость, с которым вы еще не знакомы. Но о нем потом. Он привез нам тетрадь, которую назвал таинственной. О ней – тоже потом...

- Как называется содержание?

- «История древних халаджей».

- Очень интересно, но о нем мы поговорим завтра, а сегодня дискуссия о генофонде.

После дискуссий, Мудрец Института подошел к наставнику Айрана и сказал, улыбаясь:

- А что вам известно о нашем госте?

- Да ничего порочащего, но зато его высокие достоинства и человеческие качества на виду: оглянитесь, и вы его узнаете сразу...

На этом первый день работы конференции завершился.

Ангел-наставник Айрана подвел его к дежурному по гостинице и сказал ему:

- Оформляйте этого юношу пока по моим документам, у него нет еще родословной книжки-ноутбука. Завтра такую книжку мы ему оформим и выдадим... И, он не один. У него конь Небесной масти. Включи его на мое довольствие: ветеринара, повара, конюха.

- А что так много услуг ему надо?

- Да! Конь высокопородистый, мудрый и нуждается в особом уходе. Сделайте, сын мой!

Когда они отошли, Наставник пригласил его на отдых к цветнику. Сели, Айран снял с себя немного вещей и аксессуаров, облегченно вздохнул. К ним подошла девушка с подносом и подала бокалы с ароматной прохладной водой. Наставник спросил о том, что все же его привело сюда.

- Долгое время лично я и мои соплеменники находились и находимся в унижительном положении из-за незнания своих этнических корней.

- А кто это «мы»?

- ..., нет, не могу сказать «мы» - это народ, который как-то обособленно живет на юге вашего соседа – Баграта. И я хочу, чтобы с помощью этой тетради узнал кое-что из моей генеалогии...

- Да, вы, верно, попали к нам. Но мы решаем и проблему генофонда. Это вам будет вдвойне интересно. Для этого вам надо уже сегодня пройти тестирование.

Запишите, что и какие кабинеты следует пройти. Вот вам наши анкеты:

1. Параметры по гексограмме Кодекса ШАО.

2. Хотя бы в общих чертах, следует выявить скрытые информативные комплексы в вашей генеалогии, памяти кода. Для этого надо ввести ваш код в древнюю систему родоплеменного союзного Кодекса Смерти и Книги Жизни.

3. Зафиксировать в памяти кода все языковые пласты, с которыми соприкасались ваши родственники в древнее время: пассивные (тайные) коды культуры в повседневном поведении, и в экстриме...

Айран кое-что понял, но в целом, он полностью надеялся на сложные психо-химико-физические анализы приборов. Поэтому и встал, чтобы это сделать сегодня же. Научная паутина его не очень освежила, но тетрадь была с ним, и он надеялся на нее больше, чем на тестирование.

Часть 32

*Нектар воспоминаний.
Генеалогия Айрана*

Наставник взял тетрадь Айрана для изучения вместе с его гексограммой. Отвел его в лабораторию, попрощался и ушел. Почти всю ночь шла работа в лаборатории Института. Наутро, усталый и голодный, он поплелся за дежурным в гостиницу. В это время наставник, неотрываясь от его тетради, читал, рассматривал картину, сюжет за сюжетом о жизни и борьбе халаджей за место под ШАО. Он одновременно отмечал наиболее важные места для демонстрации в зале, где проходила конференция.

Немного отдохнув, Айран вышел к Огузбашу. Тот ждал хозяина и встретил его легким ржанием-приветствием. У него был овес, сено и что-то еще в кормушке. Здесь, рядом с конем Айран провел остаток времени, прежде чем за ним пришли.

Наставника еще не было и Айран сел на указанное ему место. А наставник никак не мог оторваться от картин из тетради. Оказалось, что это ноутбук, но с очень древним содержанием. Сведения из него заслуживали общее внимание, поэтому он решил его включить и для приглашенных.

Когда появился наставник Айрана и старейшина Института, зал заплодировал, затем все сели на свои места. Старейшина сказал:

- Сегодня продолжаем дискуссию об условиях роста и сохранения генофонда у людей. Древние цивилизации и их судьбы. Вашему вниманию я предлагаю просмотреть следующую картину с сюжетами из жизни халаджей.

В зале медленно наступили синие сумерки, а на стене появились первые сюжеты из жизни халаджей. Диктор комментировал происходящее:

- Это было давно. В то время тюрки еще не имели

государственного образования, но был Союз племен во главе с Ашином...

На экране молодой энергичный и бесстрашный вождь тюрков Он верхом на серо-голубом коне, люди называют его Небесный («Гёк-Кыр»). Далее Ашин переводит Гюн-Вэя в Пазарык наместником. Здесь также сюжеты о деятельности этого молодого вождя. Но голос диктора внезапно обрывается, и наставник Айрана приглашает его на сцену.

- Теперь взгляните на этого молодого человека и на того вождя (включите экран), которого называют Гюн-Вэй.

В зале тишина. Визуально работает воображение, сопоставление, сравнение, анализ каждой детали и синтез умозаключение. И неожиданно зал оживленно выкрикивает:

- Да это же родственники! Этот человек – потомок Гюн-Вэя!

Все встают и аплодируют этим двум молодым и красивым мужчинам, один из которых близкий потомок древнего вождя...

Да! Старейшина согласен, одобряет множество сходных черт в облике, походке, улыбке, волнистых волосах... И обращается снова к залу:

- Садитесь и очень внимательно следите за развитием сюжета далее.

«Халаджи, оказавшись в пути, неожиданно встречают людей под зеленым знаменем с какими-то завитушками и в зеленых чалмах (голос диктора) – это всадники имама – главы мусульманской религиозной системы. Всадники вызвали Ашина, Борила, те обязаны вывести людей, чтобы пройти ритуал ислама. Но что такое? Выходят немощные, пожилые люди, старики и старухи. И план имама нарушен. Обратите внимание на то, как на это реагируют кони, орлан, лебеди и вообще – природа! Действительно, как только большая толпа двинулась за имамами на конях, орлан взлетел, и его размаха крыльев хватило бы на большую крышу-зонт над толпой, тут же раздались крики и вопли:

«Дуан-Кыр, Дуан-Огуз, защити нас!» И на помощь ему взлетели лебеди, другие орлы, за ними поскакали свободные кони. Вся эта масса налетела на сопровождающих имамов, разогнала их, а орла, схватив переднего всадника, вообще унес, у того только ноги болтались в воздухе.

Вы видите необыкновенную привязанность птиц и животных к своим родам и семьям. Это – те самые родовые патроны, защитники, воспитанники, которые в трудные дни приходили на помощь».

Диктор не закончил мысль, картина медленно исчезла, и в зале стало светло.

Айран восхищенно еще чего-то ждал, он узнал каким-то внутренним чувством своих далеких предков. Особенно взволновал его Гюн-Вэй!

Но тут произошло нечто совсем неожиданное.

В открытое окно зала заглянул Огузбаш с охапкой цветов, вырванных с корнем и землей. Он, как бы хотел тоже поприветствовать собравшихся и громко заржал, выпустив пучок на подоконник. Но не успел он завершить свой аккорд ржания, как раздался выстрел, и животное заржало громко от боли в задней ноге...

Айран выскочил. Животное сильно хромая, отошло от окна вглубь двора, Айран догнал его, взяв за поводья, отвел в тень. К ним подошел сторож с ружьем:

- У меня закон строгий. За каждое слушание, а я кричал, кричал, чтобы он не лез на цветник, а конь не реагировал. И вот...

Вышел наставник Айрана, вызвали ветеринара, вроде перевязали рану, но Огузбаш сразу как-то обмяк и больше никто не слышал его веселого и озорного ржания... Рана оказалась ядовитой.

Тетрадь в зале досмотрели уже без Айрана. Наставник и старейшина подошли к нему, когда он пытался напоить коня ладоней. И старейшина сказал:

- Оглянитесь, видите, этот обидчик без вины виноватого

животного, получил уже наказание за содеянное.

Айран увидел сторожа под густой сеткой, которая медленно впивалась ему в тело, лицо, руки, ноги, глаза, волосы бурели от крови и температуры.

Айран почувствовал вину, как будто это из-за него все произошло. Но наставник сказал:

- Вы не виноваты. У нас все получают наказание свыше за содеянное. Оглянитесь и увидите, как у некоторых лица бурые, в сетках не морщин, а невидимой отравы. Все возвращается отравителю, злопыхателю, за все надо платить.

Завтра мы вручим вам свидетельство о родословной, и вы доберетесь домой с конем. Но если будет худо, вызовите трейлер и коня отправят домой, хотя книжку о родословной мы сделаем и сегодня. Не огорчайтесь. Вы очень интересный человек, милый и веселый.

Ночью Огузбашу стало хуже, и Айран все же вынужден был вызвать трейлер для перевозки коня.

Наставник вернулся в зал. Здесь продолжали следить за событиями на экране...

«Вот арабы, согнав огромную массу людей ближе к Великому Шелковому Пути, стали отбирать мужчин от женщин и от детей, а затем стали сортировать мужчин на молодых и сильных красивых степняков от немощных стариков. Но тюркских всадников Ашина и Борила не трогали: уж слишком суровые были их лица и жгучие глаза. А кони? То были почти львиные предки и потомки: свирепо дыбились, взмывали вверх, желая растоптать неприятеля. То и дело слышно было:

- Дизавул, Кахраман, - выходил один из ханов из палатки, - выходите же к ним на переговоры. Вы же мусульмане, вы их лучше знаете. Выходите к ним, помогите отбить наших мужчин. (голос диктора: Дизавул и Кахраман – имена огузских вождей)... Им удалось и женщин угнать на гору...

Но неожиданно сорвались орлы, кони, птицы, догнав толпу, разогнали конвоиров, и вернули их в кибитки. Борил и

Ашин, построив кибитки заново по-другому, продолжили путь в Арало-Каспийские земли. Их сопровождал Огуз-Дуан».

К Айрану подошел наставник и вручил в дорогой рамочке свидетельство о родословной, в котором значилось, что он из халаджей, но при вожде Ашине и Гюн-Вэе их род обосновался в низовьях Арала или Гагана, а их называли гаганкиши...

Но нектар воспоминаний впитал в себя не только этот тяжелый и мучительный переход. В пути родились сотни малышей и умерли сотни больных и немощных, были беженцы, предатели, воры и хапуги. Но их всех вело кновому свету стремление избавиться от унижений и угнетения. Затем из их среды вышли Борил, Герман, Караханид, Огуз-Хан, Гюн-Вэй, Тыгыр-Таг, Тарги-Тай и другие личности, о которых история вообще не упоминает.

Айран со слезами на глазах из-за болезни коня не мог сосредоточиться на самом главном – родословной его рода и села, и при этом, видя тоскливые глаза коня, он вспомнил любимую, чудаковатую Алену, у которой постоянно была мысль о том, что он с «той», с «ней», которая более моложе и красивее. И все же не одно испытание выпало на их долю за эти долгие годы. И всегда рядом был Огузбаш. Он подходил, обнюхивал его. Недовольно ржал, показывая ровные большие зубы, затем уходил за скирду и оттуда доносился до супругов его «храп-хруп-храп-хруп».

А сейчас он стонал и дрожал от боли. Жаль было такое животное, и Айран вышел во двор встретить трейлер. Подождав немного, он вернулся к коню, отвязал, набросил через седло сумку. И вывел коня во двор.

Часть 33

Смерть Огузбаша и его похороны

Действительно, через некоторое время, машина по перевозке животных подъехала во двор. Опустили задний борт-ступеньки, и конь послушно, понуро и тоскливо

ступил на ступеньки. Он почувствовал, что впервые ему придется идти не своим ходом, и вспомнив, как он легко и бодро бежал по дороге, сюда, ему стало совсем худо и только дрожь и храп говорили о его жизни, что она еще теплится в этом могучем теле.

Прошло несколько тяжелых дней. Айран и местный ветеринар дежурили у коня. Но на шестой день ветеринар сказал:

- Айран, не хочу огорчать тебя, но надо подумать, как ты вытащишь тушу из сарая.

- Разве нет надежды на выздоровление?

- Почти нет. Приготовь платформу на колесах и выбери место для захоронения туши...

Айран побледнел, подошел к коню и отвязал. Более тяжелого дня в его последние десятилетия не было. Со слезами он вывел коня и привязал к кольцу на бревне у розы. Конь любил и понимал аромат этих цветов...

Стали приходить люди из села, дети, подростки, старики и старушки. Все село любило и знало это прекрасное животное: то зайдет кому-нибудь во двор, то на лугу гоняет молодых кобылиц, то мирно «беседует» с телятком в чем-то огороде...

Через несколько дней Огузбаша не стало... Платформа с тушей коня медленно двигалась на окраину села под мелодию «Половецкого танца»...

Если кто и слышал эту могучую мелодию из оперы (балета) Бородина «Князь Игорь», то не может не вспомнить о тех сюжетах, где раскрыт весь трагизм гибели Прекрасного, уход Жизни, уход Добра. И этот трагизм переполнил душу Айрана и его домочадцев болью и большого сожаления за то, что смерть взяла прекрасного друга-коня Небесного Огузбаша. Айран очень надеялся, что термин «цивилизация» хранит в себе что-то и реальное, надежное в отношениях между людьми и природой. Но оказалось, что он ошибся в термине «цивилизация», часто

отсутствует связь с природой. Сторож двора Института из-за пучка цветов не стал бы стрелять в безвинное животное... Мелодия угасала...

Люди, идя за платформой, под траурно-оптимистические звуки плакали. А мелодия постепенно стихала и здоровые, и крепкие парни медленно опустили тушу Огузбаша в яму, усыпанную цветами. Недалеко от людей стояли потомки жеребца: кобылица, то же небесно-серого цвета и два молодых жеребца, точь-в-точь как Огузбаш, крепкие и мудрые. Айран оглянулся и с радостью бросился к ним, как к родным...

Алена не очень печальная, отошла с подругами подальше от похорон. Она насытилась проказами Огузбаша, не могла простить и Айрана, его отъезды куда-то к «той», и с облегчением, с подругами в подвале, отметила кончины «друга семьи». И каково было ее удивление, когда, выйдя из подвала, увидела молодую красивую кобылицу, ведомую за уздечку Айраном...

Он был заплаканный, но тихое «храп-хруп» рядом успокаивало его.

Сказала бы Алена ей спасибо за то, что в самую тяжелую минуту для мужа она стала спасительницей от глубокой депрессии не только Айрана, но и всей семьи. А Алена осталась собой...

А Небесная кобылица тихо изучала цветущий куст розы у своего нового хозяина, а Алену видимо, ждали новые приключения, на почве страстной любви к своему красивому неувядающему мужу Айрану. И ради него она подошла к молодой, пока без клички, кобылице от Огузбаша. Огуз-Картал снова обрел свое равновесие (сил с природой и Жизнью...), управляемое ШАО... И люди стали приходить во двор Айрана, чтобы его поздравить с новым приобретением – породистой кобылой – Гёкбаш.

